

• МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕДИА-ГРУППА •

Интеллигент

Уважаемые авторы и читатели изданий «Интеллигент»!

Напоминаем, что в целях привлечения внимания общества к вопросам развития культуры, сохранения культурно-исторического наследия и роли российской культуры во всем мире, 2014 год был объявлен Годом культуры в Российской Федерации.

Что можно сказать о современной культуре и культурном воспитании по сравнению с прошедшей советской эпохой? Прежде всего, прекратило свое существование массовая многонациональная культура как визитная карточка СССР, хотя это можно оправдать распадом СССР и выходом из Союза республик, получивших самостоятельную государственность. Однако надо признать, что массовая современная культура преобразовалась в различные шоу и туристический бизнес, перестала нести высокий воспитательный патриотизм. Ибо истинный патриотизм состоит в том, чтобы члены общества не порочили словами и делом свое Отечество, а прославляли его славным и полезным подвижничеством! Фанатично доказывать, что некая нация, верование в некий культ, в иное нелепое превосходство и есть патриотизм – это просто слепая дикость. Как известно, вокруг различных шоу и туризма крутятся денежные средства. Наши издания не против финансовой помощи, но мы не считаем зазорным принимать простую моральную поддержку и нематериальные вознаграждения. Мы адекватно оцениваем то, чем собственно занимаемся и хотим заметить, что наше издание несет общечеловеческую высокую культуру! В

Республике Карелия такие издания отсутствуют, в России их практически не осталось, потому что им нужна реальная помощь и хотя бы моральная поддержка, чего, увы, до сих пор государственные структуры отказываются даже признавать!

Однако мы не обделены вниманием. Например, в год 200-летия со дня рождения Лермонтова наши участники проекта награждены тремя медалями имени Лермонтова!

Также наши участники отмечены другими наградами и признанием их вклада в культурном просвещении, а это дает им моральную поддержку и вдохновляет на новые творческие изыскания. У нас появились новые авторы с их высокими взглядами на культурные мероприятия и творчество, при этом надо отметить, что уровень их материалов высокий, а сами темы довольно серьезные, в чем могут убедиться читатели наших изданий «Интеллигент»..

Увы, 2014 год принес и утраты. Российская культура потеряла много творческих личностей, о чем мы искренне и глубоко скорбим. Хотя нас и огорчает то, что современное массовое культурное воспитание подменяют разными шоу, культурами верований и бизнес-туризмом, хочется верить, что пока есть люди, заинтересованные в высокой культуре и просвещении, семена такой культуры будут прорасти в душах наших читателей!

Желаем приятного прочтения этого номера!

P.S. В медийной группе «Интеллигент» с 2015 года новый учредитель Сергей Малашко из г. Магадана

Редакция

В подготовке номера принимали участие:

Светлана САВИЦКАЯ
Материалы стр.: 3-12; 24-25;
44-45; 94-95; 99-100

Наталья ЛАЙДИНЕН
Материалы стр.: 68-69

Екатерина АСМУС
Материалы стр.: 42-43; 89-93

Майя ШВАРЦМАН
Материалы стр.: 21-23;
26-29; 49-52; 70-74; 84-86

Ирина ЯВЧУНОВСКАЯ
Материалы стр.: 16-17

Наталья КРОФТС
Материалы стр.: 13-14; 87-88

Елена ЛИТВИНСКАЯ
Материалы стр.: 46-48; 75-76

Татьяна ГРОМОВА
Материалы стр.: 15

Любовь ЗНАКОВСКАЯ
Материалы стр.: 18-20

Александр МАТУСЕВИЧ
Материалы стр.: 30-33; 36-
39; 53-57

Хилма ПОРАЛЬ
Материалы стр.: 34-35

Нина БОЛЬШАКОВА
Материалы стр.: 40-41

Виталий КОВАЛЁВ
Материалы стр.: 60-62

Вера БОДЫЧЕВА
Материалы стр.: 78-79

Елена ДУБРОВИНА
Материалы стр.: 80-83

Анатолий ИВАНОВ
Материалы стр.: 97-98

При участии: Вячеслава БАРЫБОВА, ЛЕРОМ.

Конкурсы

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА «НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ – 2014»

Уважаемые участники конкурса!

Оргкомитет просит извинения за неполадки во время регистрации участников. Сбои были связаны с потерей наших друзей в этом году в оргкомитете и жюри. А также в связи с известными событиями на Украине.

Жюри рассмотрело с 1 января по 1 октября 2014 года произведения более 30 тысяч участников из 70 стран на шестнадцати русскоязычных электронных ресурсах. В конкурсе приняли участие все континенты планеты, включая Антарктиду.

Пользователи типа «Киска», «Зайка», «Kolyzn», зарегистрированные без указания городов и государств, но поместившие рекламу сомнительных сайтов, удалялись, как спам.

Внимание! В 2015 году с 1 января конкурсе будет обозначен отдельной строкой. Для участников будет предоставлен либо выделенный для этой цели электронный адрес, либо возможность публикации в социальной сети www.pero.rusi.ru Все произведения будут рассмотрены с 15 сентября по 1 октября 2015 года.

Конкурс этого года закрыт. Но сеть продолжает работать.

Предварительные итоги 2014 года в этих списках. Некоторые фамилии могут попадать в разные номинации. Внимательно ознакомьтесь со всем перечнем наград.

Спонсоры церемонии:

* Международный центр Интеграционных процессов Федеральный Совет РФ

* Государственная Дума ФСРФ

* Общественная палата Президента

* Союз писателей РФ (Московская Городская Организация)

* Ассоциация послов и дипломатов РФ

* АРПП Гильдия издателей и распространителей, г. Москва

* Военно-художественная студия баталистов и маринистов при Министерстве обороны РФ

* Международный союз писателей «Новый современник», г. Рязань

* Ассоциация саратовских писателей, г. Саратов

* Международное творческое объединение детских авторов, г. Ришон ле Цион, Израиль

* «Русские линки в Германии» оперного певца А. Гама, г. Бремен, Германия.

* «Школа мира» г. Крагуевац, Сербия

* Русское общество по изучению проблем Атлантиды (РОИПА)

* Фонд развития науки III тысячелетие

* Детское движение Зеленая планета

* Корпорация ЛЯПКО (Украина – Россия- Крым)

* Корпорация ОРГО

* АСГ – Групп (г. Омск)

* Златоустовский завод

* ООО «Кузнецовский фарфор», г. Ликино-Дулево

* Объединение «Диалог-Конверсия» г. Москва

Итоги 2014

ЗА ПЛОДОТВОРНУЮ РАБОТУ В РАМКАХ ПРОЕКТА ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Орденом ТРУДОВАЯ ДОБЛЕСТЬ РОССИИ в 2014 году уже отмечены или будут награждены на церемонии:

Трудовая доблесть

Жемчужная Екатерина Андреевна (г. Москва, Россия) за популяризацию русской культуры в цыганском театре Ромэн Жемчужный Георгий Николаевич (г. Москва, Россия) за популяризацию русской культуры в цыганском театре Ромэн Силкин Владимир Александрович, начальник Военно-художественной студии писателей Министерства обороны Российской Федерации.

Радина Татьяна Станиславовна, начальник отдела редакции «Прикладная литература» издательства «Эксмо».

Наталья Труш, (г. Санкт- Петербург, Россия) за популяризацию русского языка на планете и высокое мастерство собственных произведений.

Пальцев Александр Иванович (Москва, Россия) за многолетнюю просветительскую работу.

Сухарев Игорь Геннадьевич Газета «Земское обозрение» (г. Саратов, Россия) за популяризацию русского языка в рамках международных проектов.

Газета «Земское обозрение» (г. Саратов, Россия) за популяризацию русского языка в рамках международных проектов.

Амусин Александр Борисович (г. Саратов, Россия) за популяризацию русского языка в рамках международных проектов.

Лео Гимельзон(г. Мюнхен, Германия) за популяризацию русского языка в рамках международных проектов.

Лисова Татьяна Борисовна (Иркутская область, Усольский район, п. Тайтурка, Россия) за личный вклад в воспитание подрастающего поколения и многолетнюю поисковую-краеведческую работу с детьми и молодежью.

Воробьева Александра Антоновна(Иркутская область, Усольский район, д. Буреть, Россия) за общественно-просветительскую деятельность.

ЗА ПЛОДОТВОРНУЮ РАБОТУ В РАМКАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОЕКТОВ, в содружестве с СП РФ, МАИНБ, ВСП, МСП «Новый современник» и Содружеством литературных сообществ

Медаль М.Д. Скобелева

Трифон Митев (г. Стара Загора, Болгария) за популяризацию русской литературы в рамках международных проектов.

Медаль им. Ф.М. Достоевского «За красоту, гуманизм, справедливость» от Содружества литературных сообществ

Франц Кизель(г. Гютерсло, Германия) за многогранную творческую деятельность во имя сближения народов.

Медаль «За верность профессии» им. ГИШПОКРАТА

Ляпко Николай Григорьевич (г. Донецк, Украина) за многогранную творческую деятельность во имя сближения народов.

Орден Мир и Дружба от Московского Фонда мира.
Марко Ауджелло (г. Палермо, Италия) за многогранную творческую деятельность во имя сближения народов.

Медаль им. А.С. Пушкина «Ревнителю просвещения» от Содружества литературных сообществ

Доктор Ульрих Энгелен (г. Гютерсло, Германия) за многогранную творческую деятельность во имя сближения народов.

Медаль 300 лет М.В. Ломоносову

Курыла Иван Теодорович (г. Москва, Россия) за многогранную творческую деятельность во имя сближения народов.

Медаль А.В. Суворова

Любомир Вълков (г. Стара Загора, Болгария) за многолетнее сохранение памяти о русских освободителях в Болгарии и популяризацию русского языка в рамках международных проектов.

Медали «За заслуги в культуре и искусстве» за оказание всесторонней поддержки писателям, пишущим на русском языке, содействия процессу расширения современного литературного пространства за счет Интернета

Генрих (Геннадий) Дик (г. Оерлингхаузен, Германия) за многогранную творческую деятельность во имя сближения народов.

Владимир Макаренко (г. Липецк, Россия)

Александр Сороковик (г. Одесса, Украина)

Алена Рогинская (г. Липецк, Россия)

Евгений Чуйко (г. Рязань, Россия)

Орденом им. В.В. Маяковского

Татьяна Шипошина (г. Москва, Россия) за значительный вклад в развитие детской литературы, работу с молодыми авторами и серию книг для детей глазами писателя и врача.

Татьяна Окоменюк (г. Франкфурт-на-Майне, Германия) за новаторское развитие отечественных культурных традиций в романе «Послание с «того» света».

ПОБЕДИТЕЛИ И ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА «НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ – 2014»

Звания « ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ » с вручением удостоверения, сертификата и «Знака особого отличия « ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ » из чистого золота с пробой, звания « СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ » с вручением удостоверения, сертификата и «Знака особого отличия « СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ » из чистого серебра с пробой, а также звания « ЗОЛОТОЙ ЛАУРЕАТ «Национальной литературной премии ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ 2014», звания « СЕРЕБРЯНЫЙ ЛАУРЕАТ «Национальной литературной премии ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ 2014» с вручением специального диплома, а также специальных тематических дипломов от учредителей и спонсоров удостоены:

Номинация ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОММУНИКАЦИИ (номинацию курирует лично учредитель проекта Золотое Перо Руси)

Специальный ДИПЛОМ АЛЕКСАНДРА БУХАРОВА с прилагаемой к диплому «Недаром помнит вся Россия» Медаль М.Ю. Лермонтова за популяризацию русского языка в рамках международных проектов:

Валентина Кайль (г. Лемго, Германия)

Максим Добрев (г. Стара Загора, Болгария)

Андрей Тесленко (г. Сочи, Россия)

Марина Суворова (г. Москва, Россия)

Ирина Филонова (г. Херфорд, Германия)

Евгений Алексеевич Грачев (г. Саратов, Россия)

Борис Кунин (г. Гарбсен, Германия)

Сергей Пашков(г. Петрозаводск, Карелия, Россия)

Андрей Медведев(г. Петрозаводск, Карелия, Россия)

Аниса Терентьева(г. Костомукша, Карелия, Россия)

Брайловский Леонид (г. Ришон-ле-Цион, Израиль)

Сергей Малашко (г. Магадан, Россия)

Людмила Крыжановская (г. Херсон, Украина)

Виктор Шарков (г. Троицк, Россия)

Логунов Дмитрий (г. Челябинск, Россия)

Катарина Кухаренко(г. Липпштадт, Германия)

Елена Абрамс (г. Берлин, Германия)

Фрида Байер(г. Стадталлендорф, Германия)

Лариса Ульяненко (г. Кассель, Германия)

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 99

Валентина Черняева (г. Киев, Украина) за высокий художественный и профессиональный уровень по разработке интеллектуальных игр и программ по развитию речи.

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 101

Наталья Иванова (г. Москва, Россия), Выпускающий редактор, Спецкор МТО ДА

За организацию и проведение в течение года читательских встреч, знакомство с произведениями современных детских авторов, организацию издания сборника для детей «Режимкина книжка».

ЗОЛОТЫЕ ЛАУРЕАТЫ, обладатели фарфоровых статуэток
Татьяна Цанкова (г. Габрово, Болгария) директор музея Сатиры и юмора в Габрово.

Александр Викторович Чвилев(г. Москва, Россия) Президент АНО «Межотраслевой центр развития экономических и культурных связей»

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ (Диплом)

Дмитрий Широков (г. Одинцово, Россия) радио «Наше Подмосковье» за популяризацию русской литературы.

Дмитрий Черный (г. Москва, Россия) редактор «Правда-Инфо» за популяризацию русской литературы.

Ольга Топоркова (г. Ванкувер, Британская Колумбия, Канада) Главный Редактор газеты «Ванкувер Экспресс» за популяризацию авторов газеты.

Сергей Истомина (Карелия) за работу в медийной группе международных изданий «Интеллигент»

Ирина Анастасиади (Греция) главный редактор интернет журнала «9 муз» русскоязычных авторов в Греции.

Залман Шмейлин (Австралия) издатель русскоязычного альманаха «Витражи»

Номинация ИЗДАНИЯ (номинацию курирует АРПП):

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из золота)

Сертификат соответствия № 159

Новиков Олег Евгеньевич(г. Москва, Россия) Генеральный директор издательства «Эксмо» за высокое художественное мастерство издаваемой продукции

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 98

Богатырева Нина Васильевна – корреспондент газеты «Саянские ведомости» (г. Саяногорск, Россия) за цикл статей «Трагедия разрушенных сердец» о последствиях катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС

ЗОЛОТОЙ ЛАУРЕАТ с вручением статуэтки Кузнецовский фарфор

Капьев Евгений Викторович (г. Москва, Россия), Директор редакции «Прикладная литература» издательства «Эксмо»

Гаяне Сергеевна Абрамова (г. Москва, Россия) редактор Издательства «Эксмо» за серию книг «Жемчужина мудрости»

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ (диплом)

Лариса Валериевна Прашкивская (г. Москва, Россия) за литературно-художественное издание «Пыльца»

Бондарева Анна Филипповна (г. Москва, Россия) корректор и литературный редактор, ИД «Собеседник»

Полунина Марина Владимировна (г. Москва, Россия) журналист, ИД «Мир Новостей»

Сабурова Ольга Николаевна (г. Москва, Россия) обозреватель отдела «Культура», ИД «Собеседник»

Скворцова Елена Юрьевна (г. Москва, Россия) редактор отдела «Новости, репортажи», ИД «Собеседник»

Школьный Пресс-Центр - (МОУ Буретская СОШ Усольского района Иркутской области), руководитель С.В. Матвеева

Номинация ПРОЗА (номинацию курирует Союз писателей России, МГО):

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из золота)

Сертификат соответствия № 166

Шорохов Геннадий Михайлович(г. Москва, Россия)

Шеф-редактор журнала «Боевое братство» за высокий уровень произведений.

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из серебра)

Сертификат соответствия № 100

Глеб Нагорный (г. Москва, Россия) за роман-файл «Флёр»

ЗОЛОТОЙ ЛАУРЕАТ (Кузнецовский фарфор)

Донка Йотова (г. Стара Загора, Болгария) за книгу «Следы времен остаются»

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ (диплом)

Пальшина Маргарита(г. Москва, Россия) за произведение «Безбрежные дни»

Наталья Владимировна Зборец (г. Днепропетровск, Украина) за сборник рассказов для родителей

Елена Аронова (Колганова) (г. Рязань, Россия) за произведение «Где явь становится мечтой»

Дворцов Василий (г. Москва, Россия) за произведение «Манефа»

Андрей Иванович Шевченко (с. Александровка, Приморский край, Спасский район, Россия) за повесть «Серебристый Ангел»

Пернай Николай Васильевич (Иркутская область, г. Братск, Россия) за произведение «Вернись в дом свой. Записки руководителя старой закладки»

Валентин Николаевич Калининченко (г. Севастополь, Россия) за произведение «Однажды на мельнице»

Номинация ПОЭЗИЯ (номинацию курирует лично Народный артист, поэт Михаил Иванович Ножкин)

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДИПЛОМ М.И. Ножкина

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из золота)

Сертификат соответствия № 148

Елена Туркка (г. Хельсинки, Финляндия) за высокое художественное мастерство произведения «Разговор»

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из золота)

Сертификат соответствия № 162

Владимир Новиков (г. Москва, Россия) за высокое художественное мастерство в поэзии.

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из золота)

Сертификат соответствия № 164

Тейт Эш (г. Дубай, Арабские Эмираты) за высокое художественное мастерство произведения «Сказки для рыбака на безрыбье».

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из серебра)

Сертификат соответствия № 94

Ольга Лаврова (г. Зальцбург, Австрия) за оригинальную серию стихов в прозе «Диалог с Тютчевым».

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из серебра)

Сертификат соответствия № 95

Владимир Колодкин (Кировская область, г. Слободской, Россия) за произведение «Весна над моей Россией»

ЗОЛОТЫЕ ЛАУРЕАТЫ (Кузнецовский фарфор)

Виктор Викторович Карпушин (г. Балашиха, Россия) за произведение «Подмосковье моё»

Михаил Богуславский (г. Сан Хосе, Калифорния, США) за произведение «Любите своих стариков»

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ (дипломы)

Газизова Лилия Ривкатовна(г. Казань, Россия) за высокий уровень поэтических произведений и развитие авангардных традиций

Раиса Быстрова (г. Москва, Россия) за высокий уровень поэтических произведений.

Геннадий Супонецкий (г. Москва, Россия) за высокий уровень поэтических произведений.

Александр Амузин (г. Саратов, Россия) за духовную чистоту поэзии

Алекс Ершов (г. Харьков, Украина) за произведение «А у нас тут дожди и дожди»

Добросовестная Ольга Григорьевна(г. Киев, Украина) за произведение «Приходит время»

Матвеева Марина (Иркутская область, Усольский район, п. Средний, Россия) – за серию стихов «Я родилась в Сибири»

Конкурс ОДНОСЛОВНЫХ МНОГОРИФМОВ в рамках «Золотого пера Руси 2014». (Номинацию курирует оперный певец г. Бремен, Александр Гами, бард, продюсер, основатель новой поэзии однословный многорифм)

Победителей конкурса:

1 место – Александр Савостьянов (Брянск, Россия) за высокое художественное мастерство произведения «Голос»

2 место – Петр Голубков (Мариуполь, Украина) за произведение «Не уложились»

3 место – Любовь Нарижная (Москва, Россия) за произведение «Весна»

Приз симпатий – Людмила Крыжановская (Херсон, Украина) за высокое художественное мастерство произведения «Притча Священных Гималаев»

Номинация ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ (номинацию курирует лично Президент Международной Лиги ветеранов военной службы и правоохранительных органов Генерал В. А. Скрябин; и летчик испытатель (101 мировой рекорд) писатель Марина Попович)

Медаль 70 лет Победы в Сталинградской битве и Специальный диплом «ПОБЕДА»

Чигирин Борис Юрьевич (г. Озерск Челябинской области, Россия) педагог - организатор Дворца творчества детей и молодежи, Руководитель военно-исторического поискового отряда «Уралец», создатель музея воинской славы.

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из серебра)

Сертификат соответствия № 93

Алексей Ивакин (г. Одесса Украина) за художественное мастерство и высокую гражданскую позицию рассказа «Приказа нет...»

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из серебра)

Сертификат соответствия № 106

Рымарев Сергей Павлович (г. Санкт Петербург, Россия) за произведение «Нохчи. «Сахе», «Лече», «Маге», «Рамзесу»

ЗОЛОТОЙ ЛАУРЕАТ с прилагаемой статуэткой от Кузнецовского фарфора

Виктор Потиевский (г. Москва, Россия) за исторический роман «Всадник» о маршале Маннергейме

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ (диплом)

Козлов Андрей Валерьевич за книгу сказок «Урок на всю жизнь»

Витюк Игор Евгеньевич за книгу стихов «Любовь поэта»

Киселёв Валерий Юрьевич за повесть «Бой затих у взорванного моста»

Васильев Сергей Яношевич за цикл произведений о Российском военном флоте

Постников Олег Вячеславович за цикл стихов о военной службе.

Виктор Кокосов (Россия, Санкт-Петербург) – очерк «Правда о Второй ударной»

Сидоренко Александр Дмитриевич(г. Саратов, Россия) за серию книг о 53 стрелковой дивизии

Геннадий Шеховцов (Тамбовская область, р.п. Знаменка, Россия) за произведение «Вино Победы»

Павел Бойчевский (Ростовская обл.) за произведение «Остров «Победы»»

Сергей Эдуардович Герман(Германия) за произведение «Чужой»

Галкин Юрий Анатольевич (г. Королев, Россия) за произведение «Штурм Рейхстага»

Номинация СПОРТИВНАЯ с вручением подарочных кубков (номинацию курирует Комитет по Спорту ГосДумы Российской Федерации)

Медаль «Вперед! Россия!

Вера Петровна Хамидуллина (г. Набережные Челны, Россия) за детские стихи о спорте.

ОБЛАДАТЕЛИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ГРАМОТ:

Валентин Ефремов (весь мир!) за философские описания путешествий над Северным полюсом и Байкалом на воздушном шаре.

Шиман Марина Александровна - учащаяся 8а класса МБОУ СОШ №20 Темрюкского района Краснодарского края, Активная участница деятельности школьного спортивного клуба «Олимпия»

Активный член объединения «Пресс-центр» Центра детского творчества г. Темрюка. Корреспондент школьных газет «Комета» и «Моя малая Родина», газеты класса юных космонавтов «Планета».

Васильева Лидия Борисовна (г. Темрюк, Россия) Директор школы МБОУ СОШ №20 за ошеломляюще всестороннее развитие детей в школе сельского поселения, организацию Пресс-Центра и школьного спортивного клуба «Олимпия».

Татьяна Окоменюк (г. Франкфурт-на-Майне, Германия) за художественное мастерство очерка «Спорт в жизни инвалидов»

Грачев Андрей Аркадьевич (Иркутская область, г. Усолье-Сибирское, Россия), тренер-преподаватель, руководитель Усольской городской общественной организации спортивный детско-молодежный центр «Сокол»

Номинация ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ (номинацию курируют лично Президент Ассоциации послов и дипломатов России РФ И.В. Халевинский г. Москва и Лео Гимельзон, Председатель Всемирного союза писателей, г. Мюнхен)

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением золотого знака)

Сертификат соответствия № 161

Вера Петровна Хамидуллина (г. Набережные Челны, Россия) за самоотверженную грандиозную работу по множественным переводам татарских авторов на русский язык и выпущенных двуязычных книг более 30 русских авторов на двух языках.

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением серебряного знака)

Сертификат соответствия № 103

Наталья Крофтс (г. Сидней, Австралия) за переводы с английского стихотворений Венди Коуп

Специальные дипломы ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА с встроенной медалью:

Миннуллин Роберт Мугаллимович (г. Казань, Россия) за высокий уровень переводов русских поэтов на татарский язык Мингазова Зулейха Мухитовна (г. Набережные Челны) за высокий уровень переводов русских поэтов на татарский язык Карола Юрхотт (г. Берлин, Германия) за высокий уровень переводов с русского языка на немецкий

Надежда Давыденко (г. Кобрин, Беларусь) за мастерский перевод стихотворения Андрея Царевского «Я вижу блеск мистических лучей»

Екатерина Асмус (г. Санкт-Петербург, Россия) за высокое художественное мастерство переводов с разных языков

Елена Николаевна Лигачева (г. Мариуполь, Украина) за высокое художественное мастерство переводов русских авторов на украинский язык

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ (диплом):

Ситдикова Алфия Мирзануровна (г. Набережные Челны, Россия) за популяризацию и поддержку русской литературы посредством художественного перевода.

Иоганн Шварц (г. Кассель, Германия) за высокий уровень переводов с русского языка на немецкий

Владислав Пешков (г. Кассель, Германия) за высокий уровень переводов с русского языка на немецкий

Номинация КРИТИКА(номинацию курирует лично ректор Литературного института им. М. Горького Б.Н. Тарасов и правление МСП «Новый современник»)

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ(диплом)

Сарчин Рамиль Шавкетович(г. Казань, Россия) за сохранение и развитие традиций русской литературной критики.

Андрей Балабуха() за «Наброски к портретам: Избранная критика»

Евгений Леун (Львов) (г. Москва, Россия) за ряд статей по исследованию русского языка

Грамота «За верность традициям великих» с ценным подарком

Валерий Белолис (Киев, Украина)

Всеволод Круж (г. Москва, Россия)

Александр Граков (Краснодарский край, Россия)

Дмитрий Шорскин (г. Омск, Россия)

Ирина Геращенко (г. Красноярск, Россия)

Анна Народицкая (г. Москва, Россия)

Номинация ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА (номинацию курирует лично Глава города Электроугли Юрий Бусов и Академик Директор музея Солнца В.И. Липенков, г. Новосибирск, Академгородок)

Награды для детей, педагогов и литераторов:

Вручение СПЕЦИАЛЬНОГО ДИПЛОМА и медали «За солнечную деятельность»

Валерия Демидова (1997 г. рожд., г. Самара, Россия) за верлибр «Аккорды»

Чеппе Вильгельм Витальевич(1998 г. рожд. г. Москва, Россия) за произведение «Трудный день, прекрасная ночь»

Попов Михаил Юрьевич (1999 года рожд., г. Озерск Челябинской обл., Россия) учащийся 9 класса, член поискового отряда «Уралец», Чемпион поисковых отрядов России (чемпионат творческих работ 2014 г), соавтор книги «22 июня, как это было».

Ковальков Никита Игоревич (1999 года рожд., г. Озерск Челябинской обл., Россия) уч-ся 9 класса. Член поискового отряда «Уралец». Финалист всероссийского конкурса творческих работ среди поисковых отрядов, соавтор книги «22 июня, как это было», автор музейной экспозиции «Май 1945 г».

Кихтенко Александр Вадимович (1999 года рожд., г. Озерск Челябинской обл, Россия) учащийся 9 класса, член поискового отряда «Уралец», финалист всероссийского конкурса поисковых отрядов. Участник двух экспедиций, член объединения «юный журналист - поисковик», подготовил к печати и опубликовал 7 очерков об участниках ВОВ».

Мстиславцев Кирил Сергеевич (1999 год рожд., г.Озерск, Челябинской области, Россия) уч-ся 9 класса, член поискового отряда «Уралец», участвовал в 4-х экспедициях. Проявил отвагу при тушении пожара в 2013 году (ночью загорелась баня, возле полевого лагеря отряда под Нижнем Уфалее).

Балакин Константин Владимирович (1997 года рожд., учащийся 23 гимназии, класс 10 г. Озерск Челябинской обл. Россия), командир отряда. Участник 5 экспедиций. При тушении пожара в 2013 году проявил мужество и отвагу.

Вальдемар Шульц(г. Кальв, Германия)

Станка Шопова(г. Варна, Болгария)

Багомаев Абдулмеджид Алиевич (Республика Дагестан) директор Республиканского эколого-биологического центра учащихся,

Бацаева Лиза Ахмедовна (Республика Ингушетия) заместитель директора по научно-методической работе Гимназии села Али-Юрт

Весельницкий Михаил Ильич (г. Балашиха Московской области, Россия) директор МОУ ДОД «Центр «Созвездие»

Гагарина Ирина Николаевна (Россия) методист отдела общего гуманитарного образования ГАУ ДПО РК «Карельский институт развития образования»

Грекова Татьяна Ивановна (г. Орёл Орловской области, Россия) директор ОГОУ ДОД «Орловская станция юных натуралистов»,

Ляндзберг Артур Рэмович (г. Санкт-Петербург, Россия) директор ЭБЦ «Крестовский остров»

Алиханян Ашот Грантович (г. Ереван Республики Армения) директор Армянского национального лицея им. Анания Ширакаци,

Бака Наталья Александровна (г. Тирасполь Приднестровской Молдавской Республики) директор Тираспольского общеобразовательного теоретического лицея № 1,

Роппе Ольга Васильевна (Украина) президент Харьковской общественной областной организации «Харьковский интернациональный клуб «Экология современного города»

Шупик Татьяна Ивановна (г. Шахтинск Республики Казахстан) директор Общественного фонда «Образование Плюс»,

Мухаметшина Раиля Зайнулловна (г. Балашиха Московской области) заведующая эколого-биологическим отделом МОУ ДОД «Центр «Созвездие»

Сорока Светлана Николаевна (г. Клин, Мос. Обл. Россия) за серию рассказов для подростков «Оставьте Гошу в покое!»

Сулова Алина (13 лет) (г. Арзамас, Россия) за произведение «Ведьмино опровержение»

Черкасова Виктория Игоревна 17 лет (г. Кумертау, Россия, Башкортостан) за произведение «Чуть-чуть оставайтесь как дети»

Татьяна Громова (г. Санкт-Петербург, Россия)

Григорьева Валерия Григорьевна – учащаяся 10 класса МБОУ СОШ №20 Темрюкского района Краснодарского края, Специальный корреспондент класса юных космонавтов имени В. Горбатко Международного отряда юных космонавтов им Ю. Гагарина.

Шиман Марина Александровна - учащаяся 8а класса МБОУ СОШ №20 Темрюкского района Краснодарского края,

Активная участница деятельности школьного спортивно-клуба «Олимпия»

Активный член объединения «Пресс-центр» Центра детского творчества г. Темрюка. Корреспондент школьных газет «Комета» и «Моя малая Родина», газеты класса юных космонавтов «Планета».

Иваненко Алина Викторовна, учащаяся 6б класса МБОУ СОШ №20 Темрюкского района Краснодарского края. Активный участник деятельности объединения «Пресс-центр» Темрюкского Центра детского творчества.

Васильева Лидия Борисовна (г. Темрюк, Россия) Директор школы МБОУ СОШ №20 за ошеломляюще всестороннее развитие детей в школе сельского поселения.

Ольга Лаврова (г. Зальцбург, Австрия) за свет «В неподкупном свете солнца»

Матвеева Светлана Владимировна (Иркутская область, Усольский район, п. Средний, Россия) – за личный вклад в воспитание подрастающего поколения и организацию работы с детьми и молодежью в творческом направлении

Комарова Наталья Анатольевна (Иркутская область, Усольский район, п. Средний, Россия) – за личный вклад в воспитание подрастающего поколения и организацию работы с детьми и молодежью в творческом направлении

Сизых Галина Петровна (Иркутская область, Усольский район, д. Буреть, Россия) - за эколого-просветительскую работу среди детей и молодежи

Сергей Рябов (г. Москва, Россия) главный редактор журнала «Инженер и промышленник»

Плынов Дмитрий Геннадиевич (г. Москва, Россия) за произведение «Свой чужой ребенок»

Номинация МОЯ МАЛАЯ РОДИНА (номинацию курирует лично Г.В. Боголюбова, советник Президента РФ, Председатель Фонда Славянской письменности и Культуры)

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из золота)

Сертификат соответствия № 160

Жемчужный Георгий Николаевич (г. Москва, Россия) за высокое художественное мастерство переводов русских текстов на цыганский язык

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из серебра)

Сертификат соответствия № 105

Наталья Лайдинен (г. Москва, Россия) за высокое художественное мастерство материалов

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ (диплом)

Светлана Бурашникова (г. Сарпул, Россия) за произведение «Вдвоём с тобой — здесь всё иначе...»

Эвелина Цегельник (г. Красногорск, Московская обл. Россия) за произведение «Лохматый ветерок»

Евсиков Александр Сергеевич (г. Батайск, Ростовской обл. Россия) за серию стихов о Родине «Обутрелось: и солнце ярко...»

Шамсутдинова Анастасия (Татарстан) за произведение «Откуда родом душа?»

Александр Дивеев (г. Ртищево, Саратовская обл. Россия) за произведение «Ты уходишь всё дальше...»

Матвеева Светлана Владимировна (Иркутская область, Усольский район, п. Средний, Россия) – за высокий уровень подготовки подростков к участию в номинации «Моя малая Родина»

Давыдова Ольга (Иркутская область, Усольский район, д. Буреть, Россия) – за произведение «Милый сердцу уголок...»

Номинация ДУХОВНОСТЬ (номинацию курирует лично профессор Богословия Алексей Ильич Осипов, Православная Академия г. Сергиев Посад)

Медаль Святого Апостола Андрея Первозванного (БЛАГОСЛОВЕНИЕ ИЗБРАННЫМ)

Михаил Иванович Ножкин (г. Москва, Россия) за беззаветное служение Отечеству в творчестве и в жизни

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из золота и ценного подарка)

Сертификат соответствия № 154

Бисер Киров (г. София, Болгария) за высокое художественное мастерство документального фильма «Библия моего детства».

СЕРЕБРЯНЫЕ ГРАМОТЫ ДУХОВНОСТЬ с подарком от А.И. Осипова

Громова Елена Владимировна (г. Торжок, Россия) за произведение «В гостях у ангелов»

Анатолий Казаков (г. Братск, Россия) за произведение «Евдокеюшка»

Александра Александровна Бирюкова (Московская область, Чеховский район, село Троицкое, Россия) за произведение «Москва златоглавая – сердце Державы»

Лаврова Ольга (г. Зальцбург, Австрия) за произведение «Пьются травы легко...»

Номинация МУЗЫКАЛЬНАЯ (номинацию курирует лично композитор Владимир Бородин)

Диплом им. РИММЫ КАЗАКОВОЙ

ЗОЛОТЫЕ ЛАУРЕАТЫ с вручением статуэтки Кузнецовского фарфора:

Расул Жармагамбетов (г. Алматы, Казахстан) за великолепное исполнение песен современных казахских русскоязычных поэтов.

Владимир Уфимцев (г. Москва, Россия) фольклорная группа «Горница» за авторскую песню в русском стиле

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ(диплом)

Надежда Давыденко (г. Кобрин Брестской области, Беларусь) за произведение «...Уходишь, чтобы вернуться»

Сарчин Рамиль Шавкетович (г. Казань, Россия) за авторскую песню «Приехать мне сюда пораньше бы...»

Николай Поляков (г. Павлодар, Казахстан) за произведение «О тех, кто ждал и кого не ждут»

Владимир Кравцов (г. Москва, Россия) за произведение «В Москве дожди»

Светлана Белявская (г. Пермь, Россия) за оригинальность произведений песенного жанра

Номинация ИНТЕРВЬЮ (номинацию курирует лично Юрий Машков, ИТАР ТАСС)**ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из золота)**

Сертификат соответствия № 156

Вера Болдычева (г. Москва, Россия) за высокое художественное мастерство интервью в проектах «Здоровый город», «Люди нашего тысячелетия» и «Моя Москва».

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из серебра)

Сертификат соответствия № 104

Майя Шварцман (Бельгия) за серию интервью в журнале «Интеллигент-Избранное»

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ (диплом)

Дмитрий Плынов (г. Москва, Россия) за интервью с автором и ведущим телепередачи «Непутёвые заметки» Дмитрием КРЫЛОВЫМ «СЛОН, литература и Тибет».

Бекир Аблаев (Крым) за произведение «Журналист должен уметь удивляться...»

Ионина Мария Михайловна (г. Красноярск, Россия) за произведение «Елена Макарова: «Я передаю свое состояние...»»

Номинация ЭКОЛОГИЯ (номинацию курирует МАИИНБ и лично Марина Валентиновна Медведева, Председатель ДЭД «Зеленая планета»)

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДИПЛОМ и медаль «За заслуги в охранной деятельности» от МАИИНБ

Матвеев Геннадий Трофимович (Иркутская область, Усольский район, п. Средний, Россия) за природоохранную экологическую деятельность.

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из золота)

Сертификат соответствия № 157

Станка Шопова (г. Варна, Болгария) за высокое художественное мастерство поэтических произведений

Диплом и специальный кубок Зеленой планеты

Владимир Каменев (пос. Раменское, Россия) за произведение «Долгая дорога домой»

Демина Мария Степановна(с. Белокуриха, Алтайский Край) за просветительскую работу в сфере экологии.

Елена Морозова (г. Ангарск, Россия) за произведение «Зов Байкала»

Ирина Львовна Ашомко(г. Нижний Новгород, Россия) за произведение «Ведь это так легко и просто, как ставший радугою снег»

Любомир Вълков(г. Стара Загора, Болгария) за эколого-просветительскую работу среди подростков в Болгарии

Наталья Труш, (г. Санкт-Петербург, Россия) за серию очерков, посвященных борьбе за экологическую чистоту исторического центра Санкт-Петербурга

Матвей Караматозян (г. Реутов, Россия) за произведение «Я плыву в холодных ручьях»

Матвеева Светлана Владимировна (Иркутская область, Усольский район, п. Средний, Россия) за эколого-просветительскую работу среди детей и молодежи

Номинация ОЧЕРК (номинацию курирует Холдинг АРГО)**ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из золота)**

Сертификат соответствия № 157

Олег Воловик (г. Будапешт, Венгрия) за исторический очерк «Весна волнений и надежд»

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением серебряного знака)

Сертификат соответствия № 102

Тамара Сапегина (г. Москва, Россия) за серию очерков «Красной звезды»

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ(диплом)

Наталья Воронова (г. Витебск, Беларусь) за произведение «Палач для Палача»

Александра Позднякова (г. Владивосток, Россия) за очерк «Подарок Небес»

Лопатин Юрий Анатольевич (г. Самара Россия) за произведение «Диагноз»

Мышев Юрий (г. Тетюши, Татарстан, Россия) за произведение «Хрустальные облака»

Номинация ЮМОР (номинацию курирует лично Народный артист России клоун Юрий Куклачев)**СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ(диплом)**

Венета Георгиева-Козарева (г. Габрово, Болгария) за сборник «Габровский юмор»

Алексей Иванов (Ивановская обл. Россия) за произведение «Королевство Трухляндия – Волшебная Страна»

Эвелина Цегельник(г. Красногорск, Московская область, Россия) за произведения «Дачные истории»

Кутафин Алексей Сергеевич(г. Новосибирск, Россия) за произведение «На яркий свет обмана»

Кобяков Вячеслав Иванович(г. Москва, Россия) за произведение «Как это по-русски...»

Лашкевич Оксана Николаевна (псевдоним – Соня Лашкевич-Вереск) (г. Одесса, Украина) а произведение «Сплетницы–кефали»

Михаил Богуславский (г. Сан Хосе, Калифорния, США) за произведение «Воспоминания долгожителя»

Номинация ТЕЛЕ (номинацию курирует спецкор передач «Времечко», «Воскресный гость» и р. Стелла Клюева, Останкино)**СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ (диплом)**

Ольга Москаленко (г. Электросталь, Россия) за программу «Пространство жизни».

Кирилл Миронов (г. Москва, Россия), за просветительскую работу в СМИ.

Грачев Евгений Алексеевич (г. Саратов, Россия) за передачу о малой Родине.

Сергей Дворянов (г. Москва, Россия) за серию передач, посвященных году культуры.

Номинация ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ (номинацию курирует лично лидер продаж популярных книг и фильмов из серии «Запретные темы истории» Президент Фонда «Развитие науки III тысячелетие» Андрей Скляр)**ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из золота)**

Сертификат соответствия № 165

Александр Александрович Аннин (г. Видное, Россия) за высокое художественное мастерство произведения «Незримая коллекция художника Иегуды Пэна»

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО(с вручением знака из серебра)

Сертификат соответствия № 97

Дмитрий Логунов(г. Челябинск, Россия) за фундаментальный исторический труд «Генерал Калитин. Страницы жизни»

СПЕЦИАЛЬНАЯ ГРАМОТА ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Галина Зеленкина (г. Кодинск, Красноярский край) за произведение «Марине Цветаевой»

Юрий Александрович Шурупов (Россия) за произведение «ВЕЛИКАЯ И ЗАБЫТАЯ К 100-летию начала Первой мировой войны 1914-1918 г.г.»

Юрий Галкин (г. Королев, Россия) за ряд произведений на историческую тематику, в том числе «А. В. Суворов 1778г.»

Георгий Туровник (г. Партизанск, Приморский край) за произведение «95 лет назад»

Плотников Равиль Федорович (п. Тайтурка, Усольский район, Иркутская область, Россия) за книгу по краеведению «Тайтурка. Люди и время»

Номинация ТЕХНИЧЕСКАЯ (номинацию курируют лично Президент МАИИИ, академик Я.З. Месенжников и магистр игры «Что? Где? Когда?» Виктор Сиднев)

Медаль «За заслуги в научной деятельности»

Ильин Виктор Васильевич (г. Москва, Россия)

Медаль «За заслуги в химии» им. Д.И. Менделеева

Геннадий Дясин (г. Тольятти, Россия) за произведение «МЕТАХИМИЯ»

Диплом «УМНАЯ СОБА»

Карина Сарсенова (г. Алматы, Казахстан) за Философско-эзотерически-психологическое эссе «Жизнь для тебя»

Алексей Сердюков (г. Луга, Россия) за организацию молодежного Клуба интеллектуальных игр «Лужский рубеж» (2005г.), за организацию участия команд Клуба в межрегиональных и международных турнирах интеллектуальных игр, за организацию и проведение турниров «Что? Где? Когда?» в т.ч. и регулярных авторских на территории Ленинградской области

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ (диплом)

Григорий Кайгородов (г. Ханты-Мансийск, Россия) за серию детских энциклопедий о животных.

Номинация СКАЗКА (номинацию курирует лично писатель Светлана Савицкая)

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 158

Олег Ершов (г. Москва, Россия) за современное изложение сказки «Конек-Горбунук»

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ (диплом)

Кулиничева Мария Константиновна (Псевдоним Мария Коврижка) (г. Великий Новгород, Россия) за сказку «Заповедный клад»

Дмитрий Савчик (г. Минск, Беларусь) за сборник сказок «Фабрика хорошего настроения»

Николай Павлович Чапайкин (г. Волгоград, Россия) за пьесу «Заморочки для Мороки»

Виктор Шамонин-Версенов (Россия) за сказку «Шабарша»

Маслаков Михаил Александрович (г. Липецк, Россия) за произведение «Твердыня»

Номинация ДЕТСКАЯ (номинацию курирует председатель МТОДА Леонид Брайловский, Израиль)

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из золота)

Сертификат соответствия № 163

Квашнина Наталия Васильевна (г. Москва, Россия) за сборник «Всей гурьбой»

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ (с вручением знака из серебра)

Сертификат соответствия № 96

Михаил Стародуб (г. Москва, Россия) за произведения: Вона Каролина Юрьевна, Серию коротких рассказов для детей

ЗОЛОТЫЕ лауреаты, обладатели специального приза МТОДА

Номинации «Поэзия» и «Проза»

Игорь Калиш. Нью Йорк США. За произведения Стихи

для малышей, Штанишки для Мышонка.

Марина Тараненко (г. Краснодар, Россия). За произведения Послеобеденная сказка, Я становлюсь малюсенькой, Как я потерялся и др.

СЕРЕБРЯНЫЕ лауреаты, обладатели специального приза МТОДА

Виктория Топоногова за произведения Близняшки и нелзяшки, Коровья нежность и др.

Марина Ламбертц-Симонова за произведения «ДАВАЙТЕ ЖАЛЕТЬ, А НЕ... ЖАЛИТЬ ДРУГ ДРУГА!», «ПРОДУКТОВЫЕ КАРТОЧКИ»

Сунгуров Андрей (г. Петрозаводск, Россия) за серию детских рассказов и стихов

ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ ЗП и МТОДА

Екатерина Жданова за произведения Пёстренькое яичко, Сказка о старом плеле

Юлия Иванова за произведения Философ и компания (дворовые истории)

Елена Арсенина за произведения Муки творчества

Елена Долгих за произведение Лямзик, Межик

Ольга Аксёнова за произведение Вечерний монолог

Гульнара Долматова за произведение Петька-гадальщик. (из цикла «Приключения Лейлочки и Гоги»).

Номинация НОВИЗНА (номинацию курирует лично учредитель проекта Золотое Перо Руси)

Специальный ДИПЛОМ СВЕТЛАНЫ САВИЦКОЙ с прилагаемым ценным подарком за исключительный свет в творчестве и верность нравственным традициям мировой культуры.

Александр Борисович Амусин (г. Саратов, Россия) за произведение «На поле Куликовом» о Дмитрие Донском и за верность литературным художественным традициям

Александр Чернюк (г. Хмельницкий, Украина) за произведение о Катигорушке и верность славянским традициям

Максим Добрев (г. Стара Загора, Болгария) за высокую гражданскую позицию и справедливое позиционирование русских авторов в СМИ Болгарии

Екатерина Андреевна Жемчужная (г. Москва, Россия) за глубинное понимание и мастерское исполнение русских народных песен

Райнгольд Шульц (г. Германия) за верность традициям мировой культуры, сердечную щедрость, направленную на поддержанию русскоязычных немцев в Германии, душевную заботу об обездоленных со-ратниках и со-временниках

Наталия Вареник (г. Киев, Украина) за мужественную и стойкую позицию литературного портала на территории, подверженной усиленной дезинформации.

Владимир Морган (г. Монреаль, Канада) за тонкое понимание русского слова и русской души в творчестве

Жанна Лисовская (г. Льерет-де Мар, Испания) за талантливо сбалансированное взаимодействие русской и испанской культуры в издании ««Коста Брава по-русски»»

Паул Субхас (г. Калькутта, Индия) за глубинное понимание русской культуры и правильное позиционирование ее в Индии

Виктор Тузлуков (г. Москва, Россия) за уникальную способность в поэзии видеть душу камня

Награждение на церемонии будет проводиться в порядке данного списка. Регламент церемонии просьба не нарушать непредвиденной рекламой собственных книг, проектов, дарением подарков (это не капитал шоу поле чудес!) или других конкурсов.

Фуршет не предусматривается в связи с запрещением руководства ЦДЛ после инцидента, связанным с неадекватной радостью

С пожеланиями новых творческих удач, учредители проекта Золотое Перо Руси Александр Бухаров

Светлана САВИЦКАЯ

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ 2014

31 октября все начиналось, как в романе «Война и мир», когда Анна Павловна Шерер встречала гостей, и «угащивала» их особо важными персонами. Когда речи шли сначала о войне, потом о пятой колонне, и, наконец, о культуре. ЦДЛ ведь тоже можно назвать и клубом и салоном. И собираются здесь в большинстве случаев люди высокого полета.

Золотое Перо Руси – особый проект. Он отличается всегда экспромтом проведения. Живой этикой общения. Новизной. Традицией. ЭТО своеобразное светское общество настоящего времени.

В последнее время все только и говорят о культуре России, как о чем-то далеком, неодоушевленном, может быть, даже неосуществленном. И удивляются, если вдруг она разворачивается перед нами своей глубинностью, самобытной мощью и очарованием.

Церемонию награждения по итогам Международного конкурса Национальная литературная премия Золотое Перо Руси предваряла пресс-конференция на тему «Год культуры и Золотое Перо Руси».

У микрофона в переполненном Малом зале ЦДЛ писатель Светлана Савицкая.

- Мы видели лесополосу сегодня, когда долго ехали по пробкам, - начинает она - за лесополосою поле, за полем холм, за холмом солнце, за солнцем правда. А за правдою мы с вами, господа! Это главный критерий отбора произведений. Видеть. Это - основная черта русского интеллигента. И признак человека разумного *gomo simvoliscum*. Культура – культ поклонение, ур свет, ра бог. Культура – поклонение свету Бога. Распознать этот свет, эту правду, и есть наша миссия.

Далее она представила людей, находящихся в президиуме и представителей СМИ в зале.

Выступили:

Бухаров Александр Николаевич, учредитель проекта.
Оськин Александр Владимирович, Председатель АРПП - Гильдии Издателей и распространителей.

Ножкин Михаил Иванович, поэт, Народный артист России.

Брайловский Леонид, Председатель МТОДА, Израиль.
Халевинский Игорь Васильевич, Председатель Ассоциации российских послов и дипломатов.

Жемчужный Георгий Николаевич, режиссер театра «Ромэн», профессор ГИТИСа, Народный артист России.

Амусин Александр Борисович, Председатель Ассоциации писателей Саратовской области.

Снежана Павлович, секретарь посольства Сербии.

Также присутствовали и выступали представители посольств Болгарии и Кубы.

Зал, переполненный прессой, находился в состоянии нон-стоп с 13-00 до 16-00, начиная с пресс-конференции и практически до финала церемонии.

Присутствовали: Тамара Сапегина, журналист «Красной звезды», Вера Болдычева, гл. ред. журнала «Моя Москва», Максим Добрев, журналист телеканала Болгарии Стара Загора, Юрий Машков, корреспондент Итар-Тасс, Анна Гаганова, журналист нескольких СМИ, обладатель Золотого Пера 2005 года, Марина Суворова, гл редактор изданий АРГО, и «За спасение народа», Игорь Сухарев, гл. редактор газеты «Земское обозрение» Саратов, Вера Хамидуллина, зам редактора журнала «Аргамак Татарстан», Дмитрий Плынов, редактор журнала «Клаузара», Сергей Дворянов, редактор телепрограммы «Москва», Тамара Берлин, редактор «Писатели в интернет пространстве» Киев, многие другие.

Причем буквально каждому из присутствующих хотелось высказать свое мнение, «замкнуть зал на свои энерго-

поля», подключиться к сокровищнице, которую обозначают в современном мире, как понятие Золотое Перо Руси. Более 150 камер одновременно фиксировали событие.

Зал взбодрил, как всегда эмоциональным откровением Михаил Ножкин. Он пел. Он читал стихи. Он делился историческими фактами. Он подобно ,умудрённому опытом, старцу напутствовал присутствующих на добро. Если это можно назвать благословением, он благословлял всех. На церемонию он, как всегда, привез двухтомники. Эти книги пошли на подарки победителям и лауреатам номинации ПОЭЗИЯ, ведь Пресс-конференция буквально плавно перетекла в церемонию награждения.

Минутой молчания почтили присутствующие память ушедших в этом году членов оргкомитета: Бориса Химичева, Алексея Асейкина, также Римму Казакову, Сергея Михалкова, Анатолия Приставкина, Александра Петрова.

Уже покинув место события, Михаил Иванович вернулся. Его «отловил» бывший разведчик в фойе и взмолился: «Я, будучи ребенком, видел вас в роли, Рощина. Я стал военным и прошел все горячие точки. У меня 4 килограмма боевых наград. Но я приехал на Золотое перо Руси и мечтал бы, чтобы именно вы были на награждении».

Так Михаил Иванович был возвращен к микрофонам и вручил еще один двухтомник по номинации Военно-патриотическая победителю этого года.

Спонсоры привозили подарки прямо к началу церемонии, некоторые прибывали во время, обозначенное для нее. АСГ - Групп привезли, как всегда, подарки в виде своего продукта «Пять озер», «Хаски», «Белая березка». Буквально с поезда были доставлены шикарные визитницы завода Златоуст. Медали и ордена выделили СП РФ, МСП «Новый Современник», Московский Фонд Мира, МАИНБ, ООО «Трудовая дольность России».

Ярким событием явилось выступление Народных арти-

стов Владимира Новикова, Георгия и Екатерины Жемчужных. Великолепно и профессионально «зажигала» группа «Горница» под руководством Владимира Уфимцева.

Ну и конечно всех потрясло феерическое присутствие иностранцев. Читали стихи Елены Турчки из Финляндии. Тейта Эша из Арабских Эмиратов. Были представлены издания «Интеллигент Нью-Йорк», «Современные авторы детям», «Моя Москва», дарились книги «Уроки Доброты» Юрия Кулачева. «Зеленая планета» доставила на свою номинацию 10 кубков. Завод «Златоуст» - великолепные визитницы. Прибыли аппликаторы Ляпко. Это все, если не считать, что каждый привозил книги и сувениры братьям по перу.

Были великолепны все! Костюмы. Платья. И главное – чувство собственного достоинства и некий свет внутренней радости отличали присутствующих. Вот сногшибательный красавец Марко Ауджелло из Италии. Вот певец Расул Жармагамбетов из Казахстана потряс всех неземным голосом. Красотою. Станом. Безупречной бархатной одеждой. Но главное – мудростью песни, мелодичностью. Оригинальностью.

Но после того, как вышла в алом платье получать за самое умное произведение Золотую Сову алмаатинская шоу-дива Карина Сарсенова все просто были ослеплены еще и ее красотой!

Бисер Киров, как профессионал, подключил к процессу пения буквально весь зал. Зрителей оказалось больше чем допустимо, казалось, весь русскоязычный мир собрался и имеет счастье наслаждаться чистой и дивной энергетикой и радостью близкого и тесного общения здесь и сейчас.

Лишь после награждения победителей по номинации Детская стало чуть-чуть по свободнее.

За золотом по номинации СКАЗКА прибыл правнук сказочника Ершова. Олег Ершов в этом году поместил на конкурс свою новую поэму о коньке-горбунке, только на современный лад.

Писатель Светлана Савицкая вела церемонию, как всегда, с доброжелательной улыбкой. Причем, эту церемонию отличала еще одна пикантная деталь. А именно – раздача слонов. Действительно слонов. Сотня маленьких резных изделий из настоящих кораллов прибыли из Индии. Они были упакованы в ярко красные мешочки, подбитые золотом. Мужчинам доставались белые слоники на счастье. Женщинам красные и розовые.

В 2014 году обладателями Золота стали:

Елена Туркка (поэзия); Бисер Киров (духовность); Станка Шопова(экология); Вера Болдычева(интервью); Олег Воловик (очерк); Олег Ершов (сказка); Новиков Олег Евгеньевич (издания); Жемчужный Георгий Николаевич (моя родина); Вера Петровна Хамидуллина (переводы); Владимир Новиков (поэзия); Квашнина Наталия Васильевна (детская); Тейт Эш (поэзия); Александр Александрович Аннин (историческая); Шорохов Геннадий Михайлович (проза);

В 2014 году обладателями Серебра стали:

Алексей Ивакин (военно); Ольга Лаврова(поэзия); Владимир Колодкин (поэзия); Михаил Стародуб(детская); Дмитрий Логунов (историческая); Богатырева Нина Васильевна(издания); Валентина Черняева (общ ком); Глеб Нагорный(проза); Наталия Иванова (общ ком); Тамара Сапегина (очерк); Наталья Крофс (переводы); Майя Шварцман (интервью); Наталья Лайдинен (Моя Родина); Рымарев Сергей Павлович (военн); Вячеслав Тихонов (поэзия).

Практически все они присутствовали на церемонии.

Литераторы разных стран – России, Америки, Германии, Канады, Сербии, Болгарии, Кубы, Греции, Финляндии, Венгрии, Арабских Эмиратов, Израиля, Украины, Казахстана, Беларуси – могли общаться напрямую без границ.

И среди огромного числа писателей был даже один читатель – симпатичная кукла ручной работы с символической книжкой в руках. Все время она поглядывала со стола президиума на лауреатов и победителей, и делала вид, что ко всей их работе не имеет никакого отношения!

После церемонии группа наиболее стойких отправилась на Красную площадь.

Яна ГРИНЕВИЧ

1 ноября 2014 год

Фото Юрий Машков Итар-Тасс

ВОЛОШИНСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

О фестивале рассказывает организатор Международного литературного Волошинского конкурса и Международного литературного фестиваля им. М. А. Волошина, Андрей Юрьевич Коровин

НК: Андрей, расскажите, пожалуйста, о предыстории Международного Литературного Фестиваля им. М.А. Волошина.

АК: Коктебель был тем местом, куда захотелось попасть, когда я впервые увидел акварели Волошина, прочитал его стихи. А самым сильным толчком, наверное, стало эссе Марины Цветаевой «Живое о живом». Коктебель в юности был мечтой, а попасть сюда мне удалось только в 26 лет. Зато, приехав, я в Коктебель влюбился, как Марина Ивановна когда-то.

Но застал я его в достаточно плачевном состоянии, это были 90-е годы. По набережной ходили люди в малиновых пиджаках – сейчас это даже смешно вспоминать, но это действительно было: жара, лето – а они ходят в пиджаках. Помню, попытавшись в первый раз найти Дом Волошина, я найти его не смог: он был весь в шашлычном дыму, заставлен торговыми лотками и палатками. Более того, все эти люди на набережной понятия не имели, кто такой Волошин.

В 2002-м году мы договорились о встрече в Коктебеле с киевским поэтом Андреем Грязовым, и здесь же я познакомился с сотрудником музея Игорем Левичевым. И вот сидим мы на веранде, разговариваем: «Ребята, какой кошмар, во что превратили волошинский Коктебель!» А что могут сделать творческие люди? Собственно, они умеют писать стихи, вот и всё. Но мы с Андреем Грязовым были еще и редакторами сайта Поэзия.ру, вот и предложили провести на базе сайта конкурс, посвященный Волошину и Коктебелю, чтобы напомнить людям, что есть такое место, где поэтов всегда любили

и ждали. И таким образом попытаться вернуть в Коктебель других людей – не этих, «малиновых», а творческих, волошинских.

Наталия Мирошниченко, директор Дома-музея Волошина, нашу идею поддержала; более того, мы бы поговорили-поговорили – да забыли, а она мне на Новый Год позвонила и напомнила: «Андрей, а мы конкурс-то будем делать?..»

И вот в 2003-м году мы объявили и провели первый конкурс, который положил начало всему, что здесь теперь происходит. Например, мы подумали: «Как привезти сюда участников конкурса?» И решили, что объявлять итоги конкурса мы должны только здесь – вручать награды, дипломы... И в 2003 году приехали первые 30 человек, с которых и начался Волошинский сентябрь.

НК: Тогда следующий вопрос: а зачем сюда едут люди? Неужели, чтобы просто услышать – или не услышать – своё имя?

АК: Коктебель такое место: попадая сюда, человек в Коктебель либо влюбляется – либо разочаровывается. Разочарованных я тоже встречал, но их всё-таки меньше. И, как правило, приехав сюда один раз, люди потом свои отпуска подстраивают под наш «Волошинский сентябрь». Есть люди, которые сюда ездят с самого первого фестиваля, то есть уже 11 лет – а они в свою очередь часто привозят к нам новых людей. Многие в Коктебеле оказались впервые благодаря «Волошинскому сентябрю»; а кто-то, наоборот, вернулся спустя двадцать, тридцать лет – известные поэты, редакторы литературных журналов, у которых здесь прошли детство и юность в доме творчества, еще с их родителями.

Например, Юрий Кублановский рассказывал, что незадолго до своей вынужденной эмиграции из СССР он приехал сюда, чтобы попрощаться со своими любимыми местами, и читал стихи на веранде дома Волошина. И вот мы пригласили его в 2004-м году на «Волошинский сентябрь» – и он опять читал здесь стихи, у него прошёл большой творческий вечер в Доме Поэта.

НК: Андрей, мы оба знаем, что фестивалей сейчас много, очень разных – и по уровню, и по направлениям. Чем отличается Волошинский фестиваль?

АК: Во-первых, наш был одним из первых сегодняшних фестивалей, фактически положил начало фестивального движения в России, Украине и в других странах. Во-вторых, это фестиваль на море, в бархатный сезон! Конечно, есть прекрасный фестиваль «Киевские Лавры», есть Фестиваль поэзии на Байкале, есть «Петербургские мосты» и много других... Но на море – раз-два и обчелся!

Затем: симпозиум «Волошинский сентябрь» – это такая «матрёшка»: внутри него есть Волошинский конкурс со множеством номинаций, есть Волошинская премия, есть литера-

турный фестиваль с разными направлениями и есть пленэр художников, есть научная конференция и джаз-фестиваль. Да и в самом литературном фестивале есть разные направления.

Первое направление – представительское, что называется, «и других посмотреть, и себя показать»: это традиционное представление журналов, альманахов, книг, авторских программ... Словом, то, что происходит на каждом фестивале.

Второе направление – обучающее: это мастер-классы, они существуют далеко не на каждом литературном форуме. Их у нас ведут известные поэты и редакторы литературных журналов, и по итогам мастер-классов наиболее интересные участники оказываются авторами этих журналов. Я считаю очень важным то, что по итогам конкурса и фестиваля каждый год появляются десятки публикаций в разных литературных изданиях, таким образом мы открываем новые имена. Были случаи, когда после получения звания лауреата Волошинского конкурса человек получал Букеровскую премию – как, например, Александр Иличевский. Да и Бориса Херсонского до Волошинского конкурса мало кто знал в России. А на нашем конкурсе его стихи впервые прочитал Юрий Кублановский, который возглавлял поэтическое жюри, и сказал: «Я буду его печатать». За одиннадцать лет таких примеров у нас набралось немало, и мы очень гордимся нашими победителями и следим за их творческой судьбой.

Третье направление нашего фестиваля – игровое. Люди ведь приезжают на фестиваль с разными целями. Кто-то хочет серьезной работы, кто-то просто общения, кто-то – представить свои новые достижения. Ну, а кто хочет игры – тоже пожалуйста! У нас с 2004 года существует турнир поэтов – мы его проводим по правилам Серебряного века. Интересно, что несколько лет подряд победителями становились исключительно женщины – и поэтических королей Коктебеля больше, чем королей. Может быть, потому, что в жюри больше мужчин, а может быть потому, что сейчас время женщин...

Ещё есть заплыв поэтов – эту идею предложила Ирина Барметова, главный редактор журнала «Октябрь». Конечно, были сомнения в том, что делать, если заплыв выиграет какой-нибудь махровый графоман, но, к нашему счастью, в основном побеждают люди талантливые. Меня потрясла одна девушка, мастер спорта по плаванию и талантливая поэтесса, которая отказалась принимать участие в заплыве, потому что нечестно соревноваться с пловцами-любителями. То есть даже ради желанной публикации она себе этого не позволила. А в нынешнем году был случай, когда в заплыве победил мужчина, который рыцарски передал свою победу, то есть право публикации, женщине-поэтессе.

Есть у нас и другие направления, например, просветительское: это детские дни «Волошинского сентября» для школьников Крыма с участием известных российских детских писателей; есть театральнo-драматургическая программа, программа видеопоззии, и работа с новым жанром фотопоззии, и многое другое.

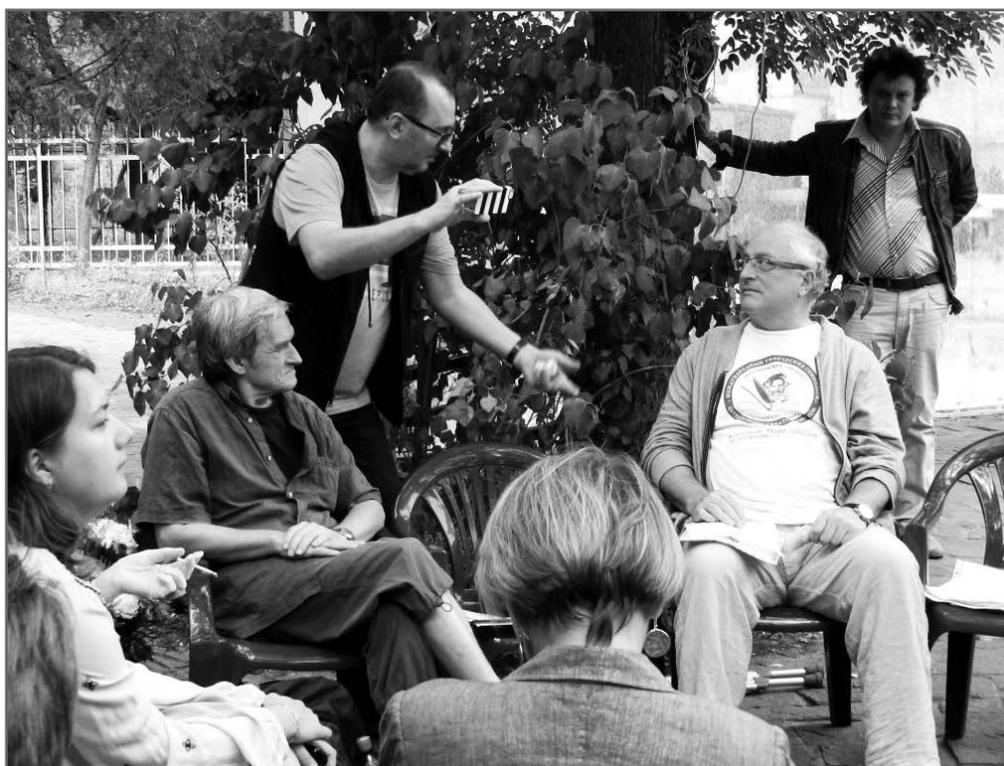
Например, в прошлом году мы впервые провели круглый стол организаторов литературных фестивалей – к нам приехало порядка 35 организаторов разных фестивалей из России, Украины, США и других стран. И на этом круглом столе наши коллеги из Петербурга, из ЛИТО «ПИИТЕР», презентовали проект сайта «Фестивальный Зал», по аналогии с «Журнальным Залом».

НК: Андрей, а что вам не нравится на вашем фестивале?

АК: Если честно, мне многое не нравится! Я считаю, что всегда что-то можно было сделать лучше – но порой возникает человеческий фактор, ограничены финансирование, технические возможности и так далее. Всегда хочется чего-то большего.

Но, судя по тому, что люди сюда возвращаются, прилетают из разных концов России и мира, очень хочется верить, что у нашего симпозиума и фестиваля – все еще впереди!

*Беседовала Наталья КРОФТС
Коктебель, сентябрь 2013 года*

Переводы

Татьяна Громова

Родилась в Ленинграде. Окончила ЛГПИ им. А.И. Герцена, и курсы «Литератор». В литературе дебютировала в 1991 году в журнале «Мансарда» стихами «Бутерброд со счастьем» и «К Нинели Михайловне Джуриной». Выступала как редактор-составитель детских книг и поэтических сборников: «Гуляндия» (1998 г.), «Светлячок» (1999 г.), «Волшебная шкатулка» (2004 г.), «Эйдос» (философско-поэтический альманах, 2000 г., 2001 г.), «Встречи» (2005 г., 2006 г.), «Философские сказки» (2006 г.). Начиная с 1997-го в течение двух лет постоянно сотрудничала в журнале «Медный всадник» и газете «Земля русская». С 1999 по 2002 гг. являлась заместителем главного редактора газеты «Русь». В 2002-2007 гг. — ответственный секретарь журнала «Невский альманах», с 2007 г. — сотрудник издательства «АураИнфо». Автор нескольких поэтических книг

Sir Arthur Ignatius Conan Doyle

THE BLIND ARCHER

Little boy Love drew his bow at a chance,
Shooting down at the ballroom floor;
He hit an old chaperone watching the dance,
And oh! but he wounded her sore.
'Hey, Love, you couldn't mean that!
Hi, Love, what would you be at?'
No word would he say,
But he flew on his way,
For the little boy's busy, and how could he stay?

Little boy Love drew a shaft just for sport
At the soberest club in Pall Mall;
He winged an old veteran drinking his port,
And down that old veteran fell.
'Hey, Love, you mustn't do that!
Hi, Love, what would you be at?
This cannot be right!
It's ludicrous quite!'
But it's no use to argue, for Love's out of sight.

A sad-faced young clerk in a cell all apart
Was planning a celibate vow;
But the boy's random arrow has sunk in his heart,
And the cell is an empty one now.
'Hey, Love, you mustn't do that!
Hi, Love, what would you be at?
He is not for you,
He has duties to do.'
'But I AM his duty,' quoth Love as he flew.

The king sought a bride, and the nation had hoped
For a queen without rival or peer.
But the little boy shot, and the king has eloped
With Miss No-one on Nothing a year.
'Hey, Love, you couldn't mean that!
Hi, Love, what would you be at?
What an impudent thing
To make game of a king!'
'But I'M a king also,' cried Love on the wing.

Little boy Love grew pettish one day;
'If you keep on complaining,' he swore,
'I'll pack both my bow and my quiver away,
And so I shall plague you no more.'
'Hey, Love, you mustn't do that!
Hi, Love, what would you be at?
You may ruin our ease,
You may do what you please,
But we can't do without you, you dear little tease!

Сэр Артур Конан Дойл

СЛЕПОЙ ЛУЧНИК

Вовсю развлекаясь на званом балу,
Направил Амур наудачу стрелу,
И старая бонна схватилась без стона
За сердце, лакею мигая влюблёно.
Эгей, Купидон!
Народ возмущен!
Вернись, извинись, и ты будешь прощен!
Не слышит проказник, зови — не зови:
Он занят рассылкой посланий любви.

На улице Пэлл-Мэлл, где клуб на углу,
В окошко пустил, озуруя, стрелу,
И вот ветеран, что портвейн смаковал,
Стрелою мальчишки сражен наповал
Эгей, Купидон!
Народ возмущен!
Вернись, извинись, и ты будешь прощен!
Послушайся старших и впредь не шали!
...Он скрылся из глаз, растворившись вдали.

Послушник дал Богу безбрачья обет,
Однако и в келье спасения нет
Стрела Купидона не знает закона
И в сердце монаха впиалась беспардонно.
Эгей, Купидон!
Народ возмущен!
Послушник для Бога! А ты тут при чем?
За словом мальчишка в карман не полез:
— Я сам его Бог! — пробурчал и исчез.

Себе в королевы король изберет
Достойную леди, — мечтает народ
Но — шутка Эрота — с девицей без рода
Король обвенчался, Эроту в угоду.
Эгей, Купидон!
Народ возмущен!
Ты долго ль бесчинствовать будешь еще?!
Теряя терпенье, серьезен и хмур,
— Я тоже король! — отвечает Амур.

Сломал о колено стрелу Купидон:
— Раз вам я не нужен, — обиделся он, —
Вас мучить не буду. Вы — просто зануды,
Не видите радость, не верите в чудо.
Эгей, Купидон!
Прости нас! Пардон!
Поверь, ты нам нужен, и очень, притом.
Стреляй в кого хочешь, веди на убой...
Амур, мы не в силах расстаться с тобой!

Ирина Явчуновская

Родилась в Крыму. Живёт в Израиле в Хайфе. Автор семи сборников стихов и переводов с английского и иврита. Публиковалась в периодических изданиях Украины, России, Германии, Израиля и США. Призёр и лауреат сетевых конкурсов переводов на сайтах «Поэзия. ру» и «Что хочет автор», финалист конкурса «Пушкин в Британии» – 2009, призёр поэтического конкурса в Дюссельдорфе – 2010, лауреат международных поэтических конкурсов им. Владимира Добина, Ашдод — 2012 и «Арфа Давида», Нацерет Иллит — 2014, обладатель двух дипломов конкурса «Золотое перо Руси», один из них – диплом им. Шекспира в номинации «Переводы». Переводила стихи, рассказы а также книги израильских поэтов и писателей на иврит и английский.

Переводы английской и американской поэзии

Eleanor Farjeon

1881 - 1965

Pegasus

From the blood of Medusa
Pegasus sprang.
His hoof of heaven
Like melody rang.

He could not be captured,
He could not be bought,
His running was rhythm,
His standing was thought;

With one eye on sorrow
And one eye on mirth,
He galloped in heaven
And gambolled on earth.

And only the poet
With wings to his brain
Can mount him and ride him
Without any rein,

The stallion of heaven,
The steed of the skies,
The horse of the singer
Who sings as he flies.

Элеанор Фарджион

1881 - 1965

Пегас

В крови Медузы
Возник Пегас.
Владенье Музы –
Его Парнас.

Никем не пойман,
Стремится ввысь.
Бег – ритм стройный,
А отдых – мысль.

Знаком с печалью
И слышит смех
Небесных далей,
Земных утех.

Причем тут вожжи,
Уздечки нет.
Дать крылья может
Один Поэт.

Тот конь небесный
Летит, поет.
В полете песня –
Певца полет.

Sarah Teasdale

1884 - 1933

Fantasy

Her voice is like clear water
That drips upon a stone
In forests far and silent
Where Quiet plays alone.

Her thoughts are like the lotus
Abloom by sacred streams
Beneath the temple arches
Where Quiet sits and dreams.

Her kisses are the roses
That glow while dusk is deep
In Persian garden closes
Where Quiet falls asleep.

Сара Тисдейл

1884 - 1933

Фантазия

Её звучание – плеск воды,
Что вдоль камней струится,
В лесах, вдали от суеты,
Где Тишина резвится.

А мысли – лотос среди вод
Священного потока,
Где Тишина, присев, вздремнёт
У храма одиноко.

А поцелуй – охалка роз,
На склоне дня блеснувших
В садах персидских, среди рос
и Тишины уснувшей.

Bob Dylan

Blowin' In The Wind

How many roads must a man walk down
Before you call him a man?
How many seas must a white dove sail
Before she sleeps in the sand?

Yes, how many times must
the cannon balls fly
Before they're forever banned?
The answer my friend is blowin' in the wind
The answer is blowin' in the wind.

Yes, how many years can a mountain exist
Before it's washed to the sea?
Yes, how many years can some people exist
Before they're allowed to be free?
Yes, how many times can a man turn his head
Pretending he just doesn't see?
The answer my friend is blowin' in the wind
The answer is blowin' in the wind.

Yes, how many times must a man look up
Before he can really see the sky?
Yes, how many ears must one man have
Before he can hear people cry?
Yes, how many deaths will it take till he knows
That too many people have died?
The answer my friend is blowin' in the wind
The answer is blowin' in the wind.

Боб Дилан

Ветер уносит ответ

Какой человек одолеть должен путь,
Чтоб звали его Человек?
Как долго голубке лететь, чтоб уснуть
У дальних морей или рек?
И скольким снарядам еще просвистеть,
Чтоб не было пушек вовек?
А ветер, мой друг, уносит ответ,
А ветер уносит ответ.

И сколько веков горы будут стоять,
Пока их не сточит волной?
И сколько веков человек будет ждать
Свободы под светлой луной?
И сколько ещё будем прятать глаза,
Не видя, что рядом гроза?
А ветер, мой друг, уносит ответ,
А ветер уносит ответ.

И сколько же раз нужно в высь поглядеть,
Чтоб виделась синяя даль?
И сколько ушей человеку иметь,
Чтоб слышал, как стонет печаль?
И сколько смертей предстоит пережить,
Чтоб жизнью начать дорожить?
Но ветер, мой друг, уносит ответ,
Но ветер уносит ответ.

Переводы с русского на английский

Сергей Есенин

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна берёзового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий, ты всё реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скуперее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.

Sergey Esenin

No regret or cry, and no complaint,
All will pass like apple orchard's haze,
Only golden fading touch remained,
Youth has gone as if a sudden blaze.

Oh, my heart, you're now calming down.
You are pierced by early autumn cold.
Birches' chintz-land, once I hanged around,
No more waits, although, it always called.

Vagrant's spirit! You are not as ever
Stirring up the flame of my lips.
Riot in my eyes is lost forever
As a flood of feelings rich and deep.

I became reserved in my desires,
Life of mine, still see you in the dreams.
And as if my pink horse in the skies
Gallops, lit by springtime morning beams.

Time must come for everyone to perish.
Copper light flows from the maple trees...
Blessed be all that came to bloom and vanish,
Blessed be all that came to start and cease.

Владимир Набоков

Ночь свищет, и в пожары млечные,
в невероятные края,
проваливаясь в бездны вечные,
идет по звездам мысль моя,
как по волнам во тьме неистойвой,
где манит Господа рука
растрепанного, серебристого,
скользящего ученика...

Vladimir Nabokov

Night whistles; in the flame of Galaxy
Into the abysses of space
Among the stars my thought is balancing
Like in the murk among the waves.
And there, to the eye invisible,
The Lord's hand kindly invites
His silver and disheveled disciple
Who glides to him through whistling nights.

Номер в гостинице

Не то кровать, не то скамья.
Угрюмо-желтые обои.
Два стула. Зеркало кривое.
Мы входим – я и тень моя.

Окно со звоном открываем:
спадает отблеск до земли.
Ночь бездыханна. Псы вдали
тишь рассекают пестрым лаем.

Я замираю у окна,
и в черной чаше небосвода,
как золотая капля меда,
сверкает сладостно луна.

A Hotel Room

A bed or a bench is roughly made,
A faded yellow paper, gloom,
Two chairs, a mirror – dreary room,
We're entering – I and my shade.

The window's jingling. In the dark
The sliding down glimpses play,
The night is breathless. Dogs away
Cleave silence with a piercing bark.

I gaze into the darkness, soon
I'll see a gold spot in the skies.
Onto the cup of darkness flies
A drop of honey – dazzling moon.

Булат Окуджава

Песенка об открытой двери

Когда метель кричит как зверь -
протяжно и сердито,
не запирайте вашу дверь,
пусть будет дверь открыта.

И если ляжет дальний путь,
нелегкий путь, представьте,
дверь не забудьте распахнуть,
открытой дверь оставьте.

И, уходя, в ночной тиши
без долгих слов решайте:
огонь сосны с огнем души
в печи перемешайте.

Пусть будет теплою стена
и мягкою - скамейка...
Дверям закрытым - грош цена,
замку цена - копейка.

Bulat Okudzhava

The Song Of The Open Door

While storm is howling like a beast,
and cruel winds are groaning,
don't shut your door, and in a mist
don't lock it, – leave wide open.

If you are leaving far away
at nightly hush and danger,
then light before you start your way
a fire for a stranger.

And even though the way is hard,
have only one desire:
the flame of wood and of your heart
to mix inside the fire.

And then the walls will keep the warmth,
and warm will be the chair.
When doors are closed, what's it worth? –
A dime that none will care...

Переводы с иврита

Леа Голдберг

1911 - 1970

Сосна

Здесь на ветвях папахи снежной нет,
Здесь не услышу счет кукушки ровный,
Но тень от сосен все напомним, словно
В прожилках света – дальний детства свет.

Пруд скован льдом, снега всё замели,
Звенят иголки нежно: «Жили-были...»
На языке иной страны проплыли
Слова негромкой песенки вдали.

В круженье над землею в вышине –
Всю боль понять смогли бы только птицы –
Родиться суждено в одной стране,

В другом краю – другая жизнь продлится...
Со мною сосны крепнут и растут,
Вплетая в землю корни там и тут.

Берег

Как взлетала тропа к небесам в тишине!
Как сугробы песка ускользали к волне!
В небе чайки кричали: «Закат не угас...»
И всё рядом,
всё в мире

доступном
для нас.

Будто в сини высокой и праздничной Бог
Сбросил тяжкую ношу, и этот намёк
Каждый понял и помнил, и в сердце берёт.

Почему же была так печальна она—
Эта девочка в платьице белом, одна?
Почему её слёзы ловила волна?

Любовь Знаковская

Автор 10 книг стихов, прозы, детской поэзии, увидевших свет в Крыму, Москве, Тель-Авиве и Иерусалиме. Живёт в Израиле. Руководит литобъединением в Твери и редактирует альманах «Тивериада». Член Союза писателей Израиля и Международного Союза журналистов и литераторов.

Переводы

с польского языка

ЧЕСЛАВ МИЛОШ (1911 – 2004) – выдающийся польский поэт, переводчик, эссеист. Лауреат Нобелевской премии.

ПЕСЕНКА ДЛЯ ОДНОЙ СТРУНЫ

Дар редчайший вдохновенья.
В слякоть вечером весенним
Я очнулся в одиночестве мгновенно.

Надо мной шептались липы,
И к лицу дождинки липли.
Добрый дождь – слезами не осыпал.

Может, так пришло взросленье,
С мудростью и сожаленьем,
Но к себе – увы! – с пренебреженьем?

Прогремел трамвай последний.
В облаках рассвет приветный.
Словно о себе, прочёл об этом.

Возрождённый и забытый,
На мосту я, мглою скрытом.
Сверху облачко, как голубок подбитый.

И лепечет голубь сивый:
Кто же этот Справедливый,
Кто отказывает в праве быть счастливым?

Чтобы книги мной писались,
Колыбелька колыхалась,
Чтобы люди в моих шутках воскресали...

Висла волной несмелою
Последний обман развеяла.
Любовь остыла, но и вражда истлела.

Неустремлённому книг не создать,
Озабоченному мир не поднять,
Одинокому вряд ли сердца утешать...

Первый луч – и с птицей встреча,
И в моей негромкой речи
Песенка смешная льётся речкой:

Во дубраве зелёной
Три панночки сонных,
А дятел стучит.

Проснулись и сели,
Златые яблочки съели.
Кукушка грустит.

ВАЛЬС (отрывок)

Уже зеркала звуки вальса вращают,
Подсвечник, кружась,
уплывает в глубь зал,
Где сонни светильников тьму освещают,
И в ста отраженьях колышется бал.

Он в розовой дымке –
цвет яблонь в ладони –
В искристом сверкании солнечных труб
Распахнуты вишь,
как распяты в агонии,
Блеск плеч, чернь плеч,
белизна плеч и рук.

В прищуренных взглядах
двоится круженье,
И шёлковой тайною близость манит,
И перья, и перлы в гудящем скольженье,
И шёпот с мольбою, порывы и ритм...

ЧЕРЕП

Пред Марией Магдалиной череп
белый в полумраке.
Чахнет медленно свеча.
Кто ж, любовники былые, кто из вас
предстал сегодня
Этой высохшею костью? Не пытаюсь
угадать.
Так об этом размышляет век и этот, и
другой.
И уснул песок в клепсидре, ибо
чувствовала, знала,
Что плеча её коснулись руки лёгкие Его.
С той поры, как на рассвете позвала:
«О, мой Учитель!»,
Собираю сновиденья, как обломки-
черепки,
Потому что я и есть Он, устремлённый
и влюблённый,

Истрадавшийся в печали под
погашенным окном.
Не уверен я, не знаю, для меня ли, для
другого ль
Весь секрет её блаженства. Упоения и
клятвы.
Кто теперь об этом помнит?.. Только
длится та минута,
Длится всё ещё мгновенье то, с
изнанки бытия.

Переводы с иврита

ИЗ РАХЕЛИ

РАХЕЛЬ БЛУВШТЕЙН (1890 – 1931)
– национальная поэтесса Израиля, чьи
стихи и песни очень популярны в стране.

***

От встречи до полвстречи
Только взгляд
И миг непостижимый
В диалоге
Волнующе влекут меня назад,
Где счастье с болью
Встретились в дороге.

Забвеньё, как плотину
Возвела,
Чтоб не было того,
Что вроде было...
Я к озеру припала –
И волна
Так бурно
Мою жажду утолила...

Книга моей поэзии

Я в горе себя потеряла, наверно,
Не в силах страдания скрыть.
И стоны слились в драгоценные перлы –
Волшебной поэзии нить.

И вырвались скрытые, тайные муки –
В аду догорала любовь...
И чьи-то уже равнодушные руки
Касались страницы любой...

И если судьба...

И если судьба
Уведёт от тебя далеко,
Позволь, мой Кинерет,
Вернуться к тебе на покой.

Вот кровь остывает,
И в жилах уже не журчит,
Лишь песня рабочих
Вдали за оградой звучит.

На этом погосте
Творцы отдыхают от дел,
И памятник-дуб
Свои ветви в молитве воздел.

И если мне жить
Уготовано в месте другом,
Пусть вечный покой
Обрету у твоих берегов.

ИЗ ЛЕИ ГОЛЬДБЕРГ

ЛЕА ГОЛЬДБЕРГ (1911 – 1970) -
израильская поэтесса

***

Вот уже никто меня там не ждёт.
А если нет моря, не нужен челнок.
И короток путь. Друзья – вразлёт.
И каков итог?
Ещё неделя, ещё месяц, ещё год.

После смерти останется мир большой,
Где любви и ненависти черёд,
И короток путь. Счёт не завершён.
И каков итог?
Ещё неделя, ещё месяц, ещё год.

Влажный вечер. Лицо омыла роса.
Остановка на ближнем стыке дорог.
Завтра я пробужусь, открою глаза –
О всемогущий Бог!
Ещё неделю, ещё месяц, ещё год.

ИЗ АВРААМА ХАЛЬФИ

АВРААМ ХАЛЬФИ (1906 – 1980)
*– израильский ивритоязычный поэт
и театральный актёр.*

Сначала плачем...

Сначала плачем,
А кричим потом,
И, вспоминая, каменеет – значит,
Солдата-сына не вернём.

О нём ни слова. Можно о дожде,
О новостях, о чём-нибудь, о чём-то...
Но ухо не воспримет, между тем,
Ни голос ваш, ни шёпот.

Молчим. А надо встать.
Нет, лучше сесть. Подняться.
Опустить...
Один-единственный, как осознать:
Живым тебе не возвратиться...

«Я ОПЯТЬ ВОРОЖУ И ЛЕТАЮ...»

(О книге стихов Ирины Явчуновской «Танец мотыльков»)

Помните наши споры на уровне «физиков-лириков»: можно ли прожить без поэзии?..

И ведь довольно много людей нашего поколения и следующего за ним всерьёз полагаали: нельзя! Неужто понадобились косматые, кровопролитные 90-е годы, чтобы внушить нам: можно! Ещё как можно!

Но жизнь ли это? Для этого ли мы прорываемся на свет, рождаемся в муках наших ангелов-матерей?..

Об этом я всё время думаю, листая недавно вышедшую в свет книгу лирики Ирины Явчуновской с почти детским названием «Танец мотыльков».

Она автор нескольких лирических сборников стихов и книг для детей, прекрасный переводчик на иврит и английский, с иврита и английского.

На этот раз поэтесса собрала в небольшую по объёму -140 страниц – книгу стихи разных лет, уже публиковавшиеся и недавно написанные, разные по тематике, но близкие по настроению. В них я нахожу те же риторические вопросы, что когда-то задавали себе мы:

А не будь стихов что случится?

Ночь темней или день светлей?

И она отвечает своему второму «я», вредному, заковыристому: да нет, ничего не случится: «Поезд жизни и так промчится мимо станций летящих дней». Но как нарочито тяжёл этот «поезд жизни». Прислушайтесь, как замедляют ход и визжат его колёса с помощью этих необходимых здесь з и ж, по сравнению со «станциями летящих дней».

Да, нормальный обыватель проживёт, не прислушиваясь к себе, не заглядывая в «лабиринты души, без сонат и скерцо». Но может ли с этим смириться поэт? Может ли он не писать? Если может – поэт ли он вообще? С первых страниц сборника так «озадачивает» себя Ирина. И сама себя отправляет в полёт: «будь, что будет – страница-птица бьёт крылом и зовёт в полёт».

Интересно получается: если словосочетание «поезд жизни» - нечто скрипучее, тормозящее, то само слово «жизнь», словно сбросив с себя груз тяжести, взмывает вверх! Вот об этой быстротечности жизни, о её лёгкости пишет Ирина в первых разделах своего сборника:

Вот и прошла жизнь, мотылёк,

Жизнь, что длиною в день.

Промчатся дни-кудесники,

Факиры-вечера,

И донесётся песенка

Из гулкового вчера.

Мольба к небесам, мечта о высоком, тяга к звёздам – это всё надежды поэтессы на мир перемен, это невозможность и немислимость покоя-застоя в её жизни. А я добавлю от себя – и в творчестве! Ведь недаром она с таким отвращением отвергает быль, покрытую плесенью. И приветствует коллег-поэтов, в чьих стихах, как и у неё

Царило лето без границ,

И царствовало лето...

Зима или жаркое лето,

Дожди или травы стеной.

Но будут, как прежде, поэты

Об этом писать под луной.

А «это» не только радость от общения с окружающим миром, живым, одушевлённым, даже если его наименования отвечают на вопрос: что? а не кто?

Это и «весна в зелёном платье мая», и «вчерашние рассветы», и осень с голыми ветвями, что «папахи листьев сбросит», и дождь, с которым можно гулять в обнимку... Всё это жизнь, утверждает поэтесса, неважно, что с годами мы становимся старше:

Молнии – дни,

С нами они.

И не смотри

В календари.

Только в седле

Крепче держись.

Пусть по земле

Стелется жизнь.

Её разделы отделяются друг от друга 1-2 четверостишиями, где можно угадать-выделить главное слово: надежда, жизнь, душа... Но они очень близки друг другу, словно сообщающиеся сосуды, обмениваются мыслями, образами, темой. Так тема одиночества возникает то в одном, то в другом стихотворении. Одно из них прямо так и называется

– «Одиночество» и утверждает: «Оно – проклятье и прощество, с тобою коротает век». Мысль тяжёлая, горестная, но автор помогает найти выход – он в понимании, которое так нелегко встретить.. И эта мысль тоже варьируется автором: «Как хочется быть пойманной, когда глаза в глаза. Как хочется быть понятой, понятной, как слеза». А вот одинокая маленькая лодочка на фоне гигантов-кораблей, пытаясь «доплыть до берегов, видно, заплутала...»

**Вьются чайки, бьёт волна,
А она одна, одна.**

И если человек бессонной ночью слышит «только грустную песню часов», хотя на дворе «пляшет апрель» – это тоже тема одиночества. Но наш автор вовсе не пессимист. Наоборот. Даже в этой теме есть место лукавству чисто женскому, обаятельной кокетливой улыбке:

**Ах, не попал мой мячик в лузу,
Луна легла на донце дня.
А я давно не ваша муза,
И ваша музыка – не я.**

И в этих стихах едва-едва уловимо намечена вечная жажда любви, когда «глаза в глаза», «когда вернётся то, что позабыто, и то, что помнится всегда»:

**Лиц отраженья не размыты.
Ложится карта на века:
Свет лётся...
Руку Маргариты
Сжимает Мастера рука.**

Тема души, душевного единения и разединения, душевного трепета и душевной крепости и стойкости прослеживается в последующих разделах. С душевного понимания вообще ведёт отсчёт своего творчества Ирина Явчуновская:

**Моя душа была сестрёнкой,
Когда уснувший мир притих,
А я в простой тетрадке тонкой
Записывала первый стих.**

Она сравнивает творческую душу то с птенцом беспечным, то с мощной орлицей, то с жалкой пленницей-волчицей, то с крепчайшим Словом:

**Всё, что она мне продиктует,
То примет лист – в союзе с ней.
Ведь душу не найти другую.
И не отречься от своей.**

О чём бы ни писала Ирина – о природе и о нас в ней, о друзьях и встречах, о своих фантастических видениях и размышлениях, о городах, оставшихся в её памяти навсегда, – она верна себе. При всей серьёзности её размышлений стихи её легко читаются и запоминаются. Действительно, многие и по яркости образов, и по лёгкости фразы напоминают танец бабочки-мотылька, что и вынесено в заглавие книги. Но такая лёгкость даётся единением таланта и творческого усердия. Об этом – чуть подробнее, как говорят детективы.

Один из любимых авторских приёмов – антитеза, противопоставление образов:

**Несёт меня
То в дальний свет, то в ближний омут,
В туманность ночи, ясность дня.
Из невиданных далей,
Из обид и печалей,
Из рассветов и ночи,
Из песков, из обочин
Над далёким и близким
Обнажённые мысли
Надевают сорочки –
Облачаются в строчки.**

На антитезе построено всё стихотворение «Два удачливых неудачника» и даже «Дождь», который поёт о жарком лете былой любви: «что-то нашли мы, что-то потеряли...» На антонимичности рассуждения строится небольшое стихотворение «Страшно жить, если ждёшь чего-то...», в котором ав-

тор приходит к противоположной мысли: «Но страшнее всего на свете жить, когда ничего не ждёшь»...

А ещё меня радует и тешит авторская звукопись в стихах:

**Улетая, тают стая,
Стынет синь, цикады звон.
Сумерки, с высот свисая,
Застылают небосклон**

Послушайте, как шуршат листья в её строках:

**Попрошайкою, осень,
Ходишь, золота просишь...**

И далее будто монеты сыплются:

**Лист червонный и медный
Разменяла на медни.**

А какие точные, яркие образы-метафоры живут-поживают на страницах стихов И.Явчуновской!

**Румяный блин луны с жаровни знойной ночи
На красшек волны упал, раздвинув тьму...**

**Царило лето без границ,
И царствовало лето.**

**И буквы чёткие, гранёные
На лист бумаги положи,
Соедини в слова точёные
И рубежи, и виражи.**

Наш общий друг блестящий детский поэт Владимир Орлов когда-то ругал меня за стихи о стихах. Но я не разлюбила их и с радостью открыла в рецензируемой книге целый раздел на эту тему. Здесь и стихи, посвящённые Марине Цветаевой, и о том, как не просто играть словами, чтоб не променять «золотой на гроши», и о том, чего стоит пастернаковская «неслыханная простота». Как прекрасно начало этого стихотворения:

**Кто-то вновь о своём возвышенном,
Я опять о своём простом.
Стайка вьётся над мокрой крышею,
И виляет щенок хвостом.**

Автор открывает и завершает книгу стихами о «танцующих мотыльках», желая этим сказать, что круг замыкается, но продолжается жизнь, только уже не отдельно взятого человека, а земная жизнь нашей сложной, раздираемой войнами и противоречиями, но таинственной и прекрасной планеты.

**Несётся время, колесница,
Но под колёсами веков
Всё не умрёт, куда длится
Беспечный танец мотыльков.**

Тема связи времён, бесконечности и в то же время хрупкости всего земного звучит в стихах «Стена, плача» и «Амстердам», «Моря» и «Мой ангел», «И вот он берег очарованный» и «Ночь в заливе», в стихотворении «Помпеи»:

**Все прошло и канет в Лету,
Обратившись в прах и камень...**

**А в листе полоски света,
Блики солнца меж ветвями.
Синь в малиновом закате.
Тихих ветров дуновенье.**

**Удержать, не расплескать бы
Капли вечности – мгновенья!**

И вновь я вижу лукавую улыбку поэтессы, ибо стихи её далеко не просты: они жизнерадостны и очень человечны. Они прекрасно сработаны. А если и просты, то в лучшем смысле этого слова – понятны, доступны, видимы и слышимы теми из нас, кто их прочитает.

**Дотянуться ли до высокого?
Погрязая в простом быту
И впадаю, небес не трогая,
В небывалую простоту.**

Музыка

Долг благодарности и любви

В середине марта в Генте в зале «Орфейус» состоялся концерт молодых скрипачей класса Ольги Золотарёвой — педагога Гентской консерватории. Звучали концерты Мендельсона, Венявского, Вьетана, были сыграны Чайковский и Сен-Санс, соната Изай, «Золотой петушок» Цимбалиста, Фантазия на темы «Кармен» Сарасате и многое другое. Впечатление от яркости и свежести стиля исполнителей было таким сильным, что я не выдержала и отправилась просить аудиенции у их преподавателя.

С удивлением я узнала, что вовсе не все игравшие — на таком уровне! — являются студентами консерватории, только часть мыслит себя в будущем музыкантами, остальные же успешно сочетают занятия музыкой с учёбой в университетах по совсем другим специальностям. Всё это было так не похоже на ту систему, к которой мы привыкли, что я заинтересовалась подробностями.

— Как случилось так, что вы, русская скрипачка из громадного потока эмигрантов, стали профессором в одной из Бельгийских консерваторий?

— История долгая, но начнём с поправки: я не профессор, хоть это и звучит очень солидно и респектабельно для русского уха. На самом деле, быть здесь профессором — это просто преподавать, так вот профессором я уже была и теперь стала артистическим ассистентом. Это классом выше профессора, но, к сожалению, ниже высшей степени — доцента.

После Московской консерватории я уехала в Минск и там работала концертмейстером вторых скрипок в Белорусском Государственном камерном оркестре. А потом переехала

в Бельгию, где Михаил Безверхний был в то время доцентом консерватории Гента. Собственно, наша встреча с ним и была причиной переезда. Чтобы ускорить всю эту процедуру с бумагами, легализацией, выправлением всех соответствующих гражданских, семейных и имущественных документов, самым простым было начать здесь учиться; так я, взрослый музыкант с опытом, уже после Московской консерватории стала учиться снова, в Гентской консерватории у М. Безверхнего по специальности и у Марселя Лекю по классу камерного ансамбля. А потом был организован музыкальный конкурс «Ротари-клуб» в Бельгии, я приняла участие и стала лауреатом. Теперь же преподаю сама, пройдя все полагающиеся стадии: баллотировки, конкурсы, аудиции.

— Легко ли было сжиться с новой для нас системой преподавания музыки и принять её, сначала как студенту в нестуденческом возрасте, а затем педагогу? Я знаю сотни примеров того, как наши люди, переехав в новую страну, где всё по-другому (и они должны были это понимать, уезжая), первым делом вынимали из багажа личную железную занавесочку, которую везли с собой, и начинали упорно отвергать всю эту новизну, кропотливо выстраивая в своей жизни маленькую модель только что покинутого мира? Смогли ли вы срастись со всем этим, чуждым прежде, перестроиться и принять?

— Разница между российским и европейским стилем — музицирования, преподавания, отношения к музыке, инструменту, исполнению и исполнителю — огромна. Сперва я не отдавала себе в этом отчёта. Марсель Лекю всё повторял

мне на уроках, когда я приносила разбор произведения: «Вы этот спорт оставьте!» — а я не понимала, что он имеет в виду, когда говорит: «Это типично советская силовая игра!» И только пропитавшись всем, что я видела вокруг себя: этой аурой, иной атмосферой, даже здешней архитектурой и особенно отличающимися от привычного характерами окружающих меня людей, к окончанию консерватории я играла уже совершенно по-другому. У меня появился иной подход к музыке. Это не ломка и не перерождение. И изменилась я не в угоду местной системе, — я просто открылась ей, этого ждала моя внутренняя свобода, и я подарила ей эту возможность.

Если бы мы, российские музыканты, изначально были как европейцы, то мы и не представляли бы для них интереса. Нам не нужно самоуничтожаться, ломать себя; стоит только найти в себе готовность стать богаче, расширить свою личную сферу прибавкой знания и чувства, дать себе измениться. Это не музыкальный переворот и революция, а безграничное расширение жизненного опыта, если угодно.

— Я слышу его отражение в игре ваших учеников. Если бы пришлось коротко выразить словами эту разницу в подходе к воспитаннику, что бы вы сказали?

— На первом месте здесь — музыкальность, и идёт она впереди голый технической базы. Конечно и разумеется: гаммы и этюды, интонирование, хороший аппарат, этого никто не отменял, и если пассаж не получается — никакая образность не спасёт. Но раскрытие внутреннего мира исполнителя (ребёнка, начинающего ученика, затем студента), как уникама, как индивидуума, через музыку — вот первостепенная здешняя задача. Попадание в ноты — санитарная норма, к которой нужно относиться по-другому, без безумств; это как встать с утра и почистить зубы, дело хорошее и правильное, но ведь не ради этого же мы просыпаемся и встаём?

Будучи в жюри одного молодёжного европейского конкурса, мне довелось услышать девочку из России, сыгравшую Первый концерт Шостаковича совершенно идеально в текстовом отношении и тем не менее не получившую призового места, хотя её техника была фантастична. Почему? Она нигде не ошиблась, не сбилась, не отклонилась от партитуры, динамиком, штрихов. Но в этих дистиллированных нотах не было ничего: ни личного отношения, ни образности, ни трепета, ни боли, ни исторической подкладки, в конце концов. Очень страшно потом объяснять такому ребёнку, почему он получает диплом финалиста-участника, а не лауреата, при том, что всё выучено на ура.

— Как можно объяснить то, что, занимаясь учениками с детского возраста и буквально подводя их к консерватории, вы в итоге не видите их в числе своих студентов, так как часть из них сворачивает в сторону и избирает себе другую профессию, оставаясь музыкантами высокого уровня, что было сегодня продемонстрировано?

— У меня немного студентов в консерватории, но параллельно им есть огромное количество учеников консерваторского уровня, моих же учеников, и я объясню, почему.

В связи с кризисом мировой экономики и соответственным положением искусства в Европе я пришла к выводу, что мои воспитанники — по сути мои дети, которых я очень люблю, — должны быть застрахованы. Я не могу тянуть их в свою веру, зная, что им, вероятно, нечего будет кушать, поэтому я сама настаиваю на том, чтобы у них была вторая профессия. Это моё Credo. Специальность музыканта нестабильна, музыкантов в Европе полно, ценность их высока, но применение себе на должном уровне им найти крайне сложно. Я шла к этому десять лет, но теперь при том, беру я или не беру кого-то к себе в класс, я всё начинаю с беседы с родителями и предупреждаю, что только дети должны иметь право выбора. Решение оставаться ли им в музыке или свернуть в сторону, буду принимать не я и не родители, как бы им чего-то ни хотелось, а сам ученик.

— И что получается в итоге? Как молодые люди, будучи лириками, уходят в «физику» грубо говоря? В российской системе доучиться до консерватории и вдруг свернуть в сторону практически немислимо: «взялся — ходи».

— Они очень сознательны и хорошо ориентируются в мире, и знают, что пойдёт им на пользу, а что не прокормит. Они часто говорят мне, поступая в университет: это старт, первые курсы самые сложные, а потом посмотрим, сможем ли мы совместить это с консерваторией, и решим, что предпочесть.

На примере сегодняшнего концерта: Четвёртую сонату Изаи играл один из моих лучших студентов, Самуэль. Он учится у меня параллельно с учёбой на инженера, при этом он победил в каком-то проекте и получил грант на полугодовое обучение в Канаде в тамошнем университете. Наши занятия скрипкой должны были прерваться на это время, но он сам нашёл себе педагога там, частным образом, и занимался с ним. И в какой-то момент я получила от него электронное сообщение из Канады, оно начиналось так: «Я безнадежно влюблён...» дальше стояло многоточие, и предложение заканчивалось: «... в Четвёртую сонату Изаи». Он начал учить её там, потом мы работали над ней вместе, и вот сегодня он продемонстрировал результат. При этом он участвовал в европейском конкурсе по инженерной специальности и нашёл себе работу, так что он уже устроен.

Вообще моим ученикам, как и многим европейским студентам, свойственна «многогранность». Йоханна, игравшая сегодня «Рондо каприччиозо» Сен-Санса, хочет учиться славистике. Другой мой студент, Сивальд, тот собирается стать композитором и поэтому он занимается сразу на трёх инструментах: скрипке, виолончели и флейте, хочет знать всё сам и изнутри. Шарлотта, исполнившая концерт Мендельсона, займётся фармакологией, Йенна кроме скрипки играет на арфе, недавно дала сольный концерт с оркестром. Но второе образование у неё — биолог.

Я сама удивляюсь, как их на всё хватает, и откуда они берут силы на такую интенсивную учёбу. Спрашиваю их, почему они при таких способностях к математике, химии, наукам, занимаются музыкой; ответ один: «Люблю». Казалось бы, они могли быть мирными меломанами, ходить на концерты, слушать записи, но они учатся! А ведь в игре на скрипке одной созерцательной любовью не отделаешься.

Самая поразительная моя ученица это, конечно, Мирабелла Каженжери. Это — «мой Пушкин», происхождение у неё похожее: мама белая, папа из Бурунди. И талант у неё совершенно же пушкинского накала и темперамента. Основной её инструмент — фортепиано, и на нём она занимается и учится там, где живёт, во Франции, в Лилле. А ко мне ездит заниматься скрипкой. На фортепиано она уж в 12 лет играла сольные концерты в двух отделениях, с концертами Бетховена, например, с «Вариациями на тему Паганини» Рахманинова. Сегодня она играла Сарасате. Бывают студенты, которые от стресса теряют половину при игре на сцене, им нужно несколько выступлений на публике, чтобы обыграть программу к конкурсу, Мирабелла же на подиуме расцветает и царствует. Она вспыхивает и искрит, когда выходит на сцену, и поражает меня такими сюрпризами, тонкостями нюансировки или интерпретации, что я только диву даюсь.

Феноменальная приспособленность к инструменту. Она настолько ориентирована самой природой на музыку, что тут ничьи слова и решения ничего не изменят. С ней и с Лукасом, завершавшим сегодня первое отделение Вьетаном, я завтра улетаю в Испанию на молодёжный международный конкурс «Ночь в Мадриде», проходящий уже четвёртый раз. В прошлом году мой тогдашний студент, Робин Ван Хеге, стал там лауреатом (сейчас он уже сам педагог: преподаёт биологию и играет камерные концерты). Мирабелла будет играть Сара-

сате и пьесу собственного сочинения, поскольку она ещё и пишет музыку (и у неё крайне нестандартное мышление), а в условия программы конкурса входит пьеса современного композитора той страны, которую представляет участник. Так что она представит саму себя в нескольких номинациях.

— **Наверное, такая высокая сознательность и целеустремлённость облегчает вашу задачу как педагога, и из всех возрастных категорий проще заниматься всё-таки со студентами, которые умеют распределять силы и знают, чего хотят?**

— Вы удивитесь, но я отвечу: нет. Мой любимый возраст среди учеников — это тот, который никто не любит: пубертатный период. Когда главное в жизни — это протест. Для меня, как для педагога, это очень зажигательно. И я всегда точно знаю, когда это происходит. Когда ученики, с которыми я занимаюсь из года в год, вдруг говорят мне через шесть или семь лет занятий: «Мы не понимаем ваш нидерландский!» То есть семь лет их устраивало моё произношение, а теперь вот перестало. И тут я понимаю: началось.

В это время дети нуждаются либо в собеседнике, либо в противнике, а лучше всего, чтобы это было в одном флаконе. Другими словами, им нужен правильный дорожный указатель, от которого они могут активно отворачиваться. Наступает время борьбы, кристаллизации, и то, что они не бросают скрипку — это знак моей победы. В это время я чувствую себя буквально ваятелем. И в музыкальном отношении с ними в это время происходят удивительные вещи, из них получаются просто штучные изделия, раритеты.

Всем, кто вообще приходит ко мне заниматься, я говорю с самого начала: я не учитель скрипки, палец туда, локоть сюда. То, что ребёнок получает на уроке музыки, он может применять в жизни. Это образное мышление, интерес к «параллельным туманностям», именам, авторитетам, дутым и настоящим. Музыка — это не «громче-тише», не рука вправо-влево. Это сама жизнь.

Структура занятий задана у нас так: на первом уроке мы играем мало, больше разговариваем. Что ты знаешь о композиторе, вот возьмём Сен-Санса, ведь это было всё здесь, под боком; что в это время происходило в мире, в стране, в религии, литературе, живописи, музыке. Или, например, время импрессионизма — прекрасно. Что это такое, кого из художников предпочитаешь. Долой официальные биографии, пусть будут апокрифы, мифы и необычные истории, ребёнка можно заинтересовать только детективом.

Жизнь Паганини, допустим, с леденящей воображение игрой на кладбище, соответствует этим запросам в полной мере. А вот что сказать о Венявском, Виотти? И вот если почитать и поискать, что я и прошу сделать, то оказывается, что Венявский всегда страдал пагубной страстью к игре, и проигрывался в пух и прах, и эти тоска и мучения по поводу денежных долгов и постоянных стрессов ушли во Второй концерт. И что Виотти был не только музыкантом, но пытался заниматься и коммерцией, например, недолго — виноторговлей, и неудачно; имущество было описано за долги и всего-то и осталось у него, что какая-то золотая вещица, скрипка да ноты. Такие истории побуждают учеников воплотить в своей игре настоящие человеческие эмоции, а не просто набор обязательных технических пируэтов.

Даже с самыми маленькими можно заниматься музыкой каких угодно стилей. Даёшь ученику пьесу эпохи барокко, и как ему объяснить, почему музыка так сродни времени, в котором написана? Начинаем искать и находим в ней объяснения: трели, мелизмы, форшлагги. Что всё это такое? — украшения, простое и ясное слово. И пьеса расцветает, она не просто звучит, она принаряжена. Вот мелкие серьги форшлаггов. Вот идёт секвенция, и её звенья образуют цепочку, и вот тянется это музыкальное ожерелье, длинный витой пассаж... А как иначе оставить их в нашей вере? Чем стимулировать,

чтобы они всегда хотели вернуться к музыке и никогда её не терять? Предметность, зримость, чувственность, осязательность и связь с живой и настоящей жизнью, вот, что такое работа учителя музыки, — и это роль высокого накала.

При всём при том, что я выгляжу таким детально всматривающимся в ноты и душу учеников педагогом, я не превращаюсь в наседку. На концертах я не сучусь с ними за кулисами, не шепчу вдогонку последние наставления, не разогреваю лихорадочно, не прогоняю программу кусками или целиком на износ. Я сажусь в зал рядовым слушателем и сижу. Они сами выходят на сцену и сами проживают этот день.

— **Даже самые маленькие?**

— Своим младшим я, конечно, настраиваю инструменты, но всё равно в их жизнь не вмешиваюсь. Между прочим, они заслуживают доверия как никто другой. Это удивительно, до чего дети в состоянии адекватно оценивать себя и находиться в равновесии с миром. Приведу пример: для самых младших у меня в классе стоит коробочка, которая называется «касса». Так я ввела новую категорию в занятия: оценка своего труда. Я кладу туда шоколадные монеты, которые, как известно, выпускаются разного достоинства и в разных объёмах, от монет в пятьдесят центов и выше до прямоугольных плиточек в виде купюр по пять, десять евро и так далее, до пятисот. После каждого урока ученик может взять из коробочки шоколадку такого номинала, на сколько он сам оценивает себя на сегодняшнем уроке. Я не вмешиваюсь абсолютно, ни намёком, ни интонацией, ни жестом, не двигаю даже бровью и вообще могу отойти, пока он выбирает себе награду. Не было случая, чтобы «цена» шоколадки не совпала бы с той, как если бы отметку пришлось выставлять мне, настолько самооценка детей верна и адекватна. Что это: чутьё, честность, скромность? Они берут шоколада на столько, на сколько они сегодня провели урок. Шоколад на вкус абсолютно тот же самый, вес монетки или квадратика — тоже, стало быть дело не во вкусе и весе...

— **Как случилось, что вы, играющий солист, так безоглядно ушли в педагогику?**

— На самом деле так я отдаю долг, который мне никогда не вернуть тем, кто вырастил меня. Я из обычной семьи, мы жили страшно далеко не то, что от центра, но даже и от окраины Екатеринбург, в районе аэропорта Кольцово, и каково было с пересадками, с перебежками, мёрзлыми трамваями добираться в 70-е годы до нашей музыкальной десятилетки, можно себе только представить. Я страстно мечтала вырваться из сельской жизни, ненавидела все эти грядки-огороды, а у мамы не было сил и возможности возить меня бесконечно туда-сюда.

И моя учительница, Ирина Васильевна, фактически меня удочерила. Так я попала в удивительную, благороднейшую семью, благодарность к которой мне не выразить ни за что и никогда. Я у них жила, ела, училась, занималась, при том, что в квартире и так было полно народу. Это и есть мой долг, который мне никогда не отдать им, и не вернуть никаким платежом.

Семья педагогов нашей школы И. В. Логиновская и С. И. Гашинский взрастили и воспитали меня наравне с собственной дочерью, вложили в меня столько сердца, дали мне столько добра, знаний, эмоций, не жалея времени своей жизни, никогда не соотнося это со своей зарплатой за преподавание, что всё, что я могу теперь сделать, это отдавать это другим. Я возвращаю долги в рассрочку, растянувшуюся до бесконечности, и это правильно, ибо нет меры благодарности и любви. Жить точно так же как жили они: не считая времени суток, часов, слов, чувств по отношению к ученикам, не меряя расстойный, не взвешивая затраченного сердечного жара, души...

Я теперь живу точно так же, я просто не умею по-другому, и не умеет, наверное, никто из русских музыкантов.

Майя ШВАРЦМАН

КРАСНОЕ ПЛАТЬЕ

Пикируя символичность сюжетов и характеров, поэзия утрирует «чувство жизни», наука «чувство реальности», театр «чувство гармонии», кинематограф и интернет чувство несуществующего «Virtual».

Но Homo Simbolicum нашего тысячелетия, прожив и перечувствовав все виды воздействия на свое ненасытное эстетическое Эго, нет-нет, да и обращает взор к легендарной цыганской ментальности, как к до конца неизученной тайне. Дает поймать себя в метро. Из любопытства «разрешает» облапошить колдуньюшками в ярких цветастых юбках с детишками наперевес. И мало ему низшего воздействия. Тянет всех утонуть в бархате кресел. К рампам, где стонут гитары. Где сердце заноеет-задремлет болезненно и обиженно-одиноко. Где вынет душу окрыляющее существо без фонограммы, без микрофона вербальными сигналами ярко-алого нестабильного сплетения дощатой сцены и феерии танца - словом, движением, гипнозом красного в красном, проникающее до мельчайших атомов души и мозга энергетикой, вынет сердце, спустит проржавевшую плотину слёз. Обнимет теплотой небывалой, потому что поймет, потому что простит, потому что вылечит загадочной «цыганотерапией».

Культура государства Российского подобна некому дому, где множество разных культур стенами поддерживают пирамиду крыши. Убери, к примеру, романсеро «русских» цыган, станет как-то холодно-снежно и неуютно всем.

Народная артистка России (звание присвоено в 1999 г.) Катерина Андреевна Жемчужная принадлежит к элитарной

цыганской династии. Но и ее собственный вклад в цыганскую культуру, как одну из ее необходимых частей, немалый!

* * *

Образование: 5 лет театральной студии при «Ромэн», учёба в ГИТИС на факультете актёрского мастерства.

Спектакли, в которых раскрылся уникальный актерский дар: «Колдовская любовь», «Сломанный кнут», «Плясунья – дочь шатров», «Исповедь цыганской скрипки», «Четыре жениха», «Цыганские напевы», «Цыганка», «Живой труп», «Ехали цыгане», «Цвет вишни», «Олеся», «Закон предков», «Огненные кони», «Здравствуй, Пушкин!», «Любовь по-цыгански», «Мы – цыгане», «Грушенька»...

А кто не восхищался темпераментной игрой в фильмах: «Карнавал», «Вечный зов», «Табор уходит в небо», «Кармелита. Цыганская страсть», «Цыганка Аза», «Нелюдь или в раю запрещена охота», «О друзьях-товарищах», «У матросов нет вопросов», «Цыганское счастье», «Где находится нофелет?», «Запомните меня такой», «Чардаш Монти», «Очищение», «Безумная Лори», «Женская тюрюга», «Орёл и решка», «Королева Марго», «Зигзаг», «Олигарх», «Смерть Таирова», «Талисман любви», «Кавказ», «Обручальное кольцо», «Вкус граната», «Жуков», «Цвет черёмухи»?!

* * *

Ей всегда нравилась скрипка. Как оказалось, предок ее играл для самого императора. В школе красивая, как куколка, девочка охотно пела, принимала участие в художественной самодеятельности. Она откуда-то знала, что будет великой и счастливой в своем творчестве.

Однажды Катеньке приснился сон: сам Сталин дарит ей красное платье. Катя обрадовалась – теперь будет в чем выступать на школьной сцене. Проснулась и огорчилась. Платья-то нет!

Сон сбывается, потом, когда она действительно оказалась в Кремлевских палатах пред правителем России... в красном костюме «от Кардена».

Юную Катю в театр «Ромэн» пригласил Семён Баркан ещё в начале 60-х годов, увидел, идущую по лестнице, умывающую слезами после спектакля, пригласил на просмотр.

Смятение и восторг правили юной душой. Бросить учебу? Уйти в самый цыганский театр мира? И она забрала документы из музыкального училища им. Ипполитова-Иванова, где уже отучилась некоторое время, принесла их в студию «Ромэн», неожиданно совершив крутой поворот в судьбе.

Если рассказывать подробности жизни, их хватит не на один сериал, который получился бы круче «Кармелиты».

Попадают ли сами «гипнотизёры экрана» под воздействие собственных чар сериалов и «мыльных опер»? Оказывается – да! Катерина Андреевна с упоением рассказывает сюжет Кармелиты, и чуть не плачет оттого, как там все трагически происходит. Я улыбаюсь. Но ассоциативный ряд продолжается диалогом временных катарсисов, она скрепляет руки на груди, и буквально окунает меня с головой в энергетiku собственного прошлого:

- Моя Святая Мама умирала в больнице. Она никогда не ругала меня и не била. Она сказала: «и здесь и на том свете я буду молиться - куда бы ни обратилось твое лицо, встречала бы ты любовь и уважение». Это сбылось слово в слово. Давление у мамы упало. Пришли доктора, вкололи что-то. Я приподняла ее. Мы обнялись. Она легла. И умерла...

Задав рыдания сочувствия, я воскликнула:

- Я тоже хочу так умереть!

Театр и кино не единственные «векторы приложения» таланта Екатерины Жемчужной. После окончания студии при театре «Ромэн» Катя успешно работала в ансамбле песни и пляски владимирских цыган под руководством Жемчужного Николая Михайловича. Его сын красавец с кольцами черных кудрей Георгий Жемчужный стал ее спутником жизни на 50 лет. На сцене «Ромэн». В кинематографе. В общественной жизни. Дома.

Георгий Николаевич обладает уникальными добродетелями. Прекрасно готовит. Нежно и талантливо вставляет короткие ремарки в порою эксцентричную речь Катерины Андреевны. Очень скромный. Начитанный. Настоящий интеллигент. Народный артист России, профессор РАТИ, руководит телекурсом в ГИТИСе.

Дочь Ляля состоялась, как актриса в кино и в театре. Ее находят без протекции родителей и без рекомендаций чиновников. Потому что дар быть красивой в поступках и внешне достался ей от родителей. Делает успехи и внук Андрей, с отличием закончил два гуманитарных ВУЗа.

Но вернемся к теме о красном платье. Однажды Катерину Жемчужную пригласили на телевизионную передачу. Попросили надеть красное платье. Она одела. И вот сначала показывают сюжет, какую нищенскую жизнь влечат отдельные бродяжнические группы цыган в России. Красивые дети. Страдают. Кричат. Родители их испорчены наркотиками. Сильно впечатлительная Катерина Андреевна залилась слезами от ужаса увиденного. Мир сошел с ума! И душевная паника – сможет ли сожженной траве помочь яркий горный шиповник состоявшегося таланта? Ее страдающее, сочувствующее соплеменникам сердце, разрывалось от горя. И как пример благополучия – следующий сюжет, европейские богатые цыгане, развивающие детишек, разнаряженных в бордовые бархатные юбки. Так вот зачем здесь ее красное цыганское пышное платье. Так вот зачем она сегодня здесь. Как пример для тех, кто не пошел по легкому пути.

Ее часто сравнивали с жемчужиной. И никому не приходило в голову вопрос – а легко ли ей находиться под толщей проблем, титанической ежедневной работы, всяческих бытовых и общественных трудностей раковины «Ромэн»? А, есть ли у нее деньги на красное платье? На такси? Да и вообще, на хлеб?

Многие ее героини раскидывали карты. В жизни это делать запрещалось. Не смотря на запреты, во время Великой Отечественной войны бабушка Георгия «нагадывала» счастливое возвращение с фронта для соседей. И те возвращались. И кружили на руках старушку от счастья. Спасала ли она жизни? А, может, и вправду спасала, применяя в отчаянных ситуациях древнюю магию?

Пионерка, комсомолка, красавица Катерина, боялась цыган, как огня, обходила стороной и, когда в паспорте написали национальность, устроила маме сцену. Пришлось записать русской. Так, по метрике цыганка, по паспорту русская, Екатерина Жемчужная, русскоязычная и русскоговорящая, не раз поставленная в тупик проблемами, была вынуждена инстинктивно пользоваться врожденной цыганской смекалкой. Импровизируя, смеясь, радуя зрителя, она стала любимицей России и не номинальной, а действительно народной русской или цыганской – ах, какая разница! – пела бы душа!

У нее много друзей. Всегда открыты двери. И сердце для помощи. Однажды подруга Людмила Касаткина пожаловалась, что, как ни приедет на гастроли, так цыгане обязательно подойдут, волос вырвут, кричат: «Порча! Порча!», денег

требуют... Что делать? Георгий Николаевич возьми и научи: «Как цыгане приставать будут, скажи «ловэ нанэ!» Это значит, «денег нет!» и они отстанут!»

Так Касаткина и сделала, когда окружили ее вокзальные приставалы, она и крикнула: «Ловэ нанэ!» Тут расступились цыганки, а за ними дядька выходит бородастый, солидный, наверное барон, распахивает портмоне, набитое купюрами и восклицает: «Бери сколько хочешь!»

Но я же опять о красном платье все рассказать хочу. Великую актрису мы часто и много видели на сцене и в кино. И на московских тусовках. Как-то разговорились. Она – в красном. Натуральном. Шелковом. Как он ей идет! Я не удержала восторгов.

А потом. Потом. И еще после... показала она мне фотографии в Кремле с Б.Н. Ельциным. Она в красном. Только это было уже не платье, а изысканный, по всей видимости, безумно дорогой классический костюм.

- Шикарный наряд! – как тут можно было удержаться от комплимента?

А история фото такова. В 1999 году за три дня до ухода с поста Президента пригласил г-н Ельцин Катерину Андреевну в Кремль. Вручать Звание Народной артистки России.

У любой красивой женщины перед подобной ситуацией неизбежна паника. Посетила она и нашу героиню. Зашли они с супругом в европейский магазин современной моды рядом с Елисеевским. А какие там цены, знают все!

Смотрит – то, что надо. Размер. Лекало. Покрой. И цвет – красный! Одела – как влитой. Тут на чек взглянула, и чуть не померла! Расстроилась жутко! Продавцы вокруг засуетились. Войдя в положение, предложили попользоваться на прокат. Но с условием, чтоб мадам им фотографию в том самом костюме предоставила, и чтобы рядом с гарантом.

Подмостки сцены. Музыка. Еще музыка. Много музыки. Танец. Осмысление. Режиссура. Слезы. Радостный смех. Съёмки. Гастроли. Города. Страны. Дороги. Дороги. Дороги.

Кочевая жизнь нет-нет, да и заставит заглянуть в окна иллюминаторов. А с собою всегда красное платье. Оно помогает метаморфозе цыганского искусства выражать «чувство жизни», «чувство реальности», «чувство гармонии», чувство несуществующего «Virtual». Оно – на счастье.

Светлана САВИЦКАЯ

«Электра» в опере Фландрии

Постановка «Электры» Р. Штрауса в опере Фландрии ещё раз подтверждает истину, которую не выразить лаконичнее и точнее, чем это сказано в одной любимой мною книге: «То, что наиболее естественно, наименее приличествует человеку».

Можно — особенно в двадцать первом веке, с нашим-то опытом искусства и реальности — представить тёмные цунами чувств, временами обуревающих любого. Можно понять природу штормовых эмоций, порождённых творимой несправедливостью. Можно восставать всем сердцем против источника смертельных обид. Можно сочувствовать поруганным и униженным.

Но согласиться на вседозволенность ответных действий, на сокрушительную месть, питаемую ненавистью, которая удовлетворится лишь продолжением кровопролития, — нельзя.

Зло порождает зло, и выхода отсюда нет, кроме как через распад и самоуничтожение личности.

Опера на античный сюжет о мести, крови и фатуме, длящаяся без малого два часа, представляет собой не только сложную и захватывающе прекрасную музыкальную партитуру. Это психологический портрет женского характера, написанный большим художником, причем портрет не только титульной героини.

Расщеплённый на три действующих лица (Электра — Клитемнестра — Хризотемиды), он разворачивает перед слушателем три доминантных составляющих, три женских ипостаси, триаду страстей, которые в античном искусстве часто переходили из нарицательных в имена собственные, подобно именам Эриний. Кстати, именно Эринии, богини мести, в мифологии преследуют Ореста после убийства матери. Но это — уже за рамками избранного оперой сюжета.

«Электра» — несомненно удачный спектакль Фландрской оперы. Это тот случай, когда музыка, режиссура, музыкальное

и визуальное воплощение сошлись в равновесии и явили полную гармонию пропорций. Сцена (художники Патрик Баннварт и Мария Волгаст) представляет собою единую декорацию, что-то вроде глубокого подвала, обшитого деревом, или, если позволить ассоциациям течь свободнее, нечто похожее на трюм старого корабля с огромной пробоиной сбоку.

Это корабль, который уже никогда и никуда не поплывёт, он намертво осел на дно жизни, в тёмный ил человеческих комплексов и искривлённых, потопленных судеб.

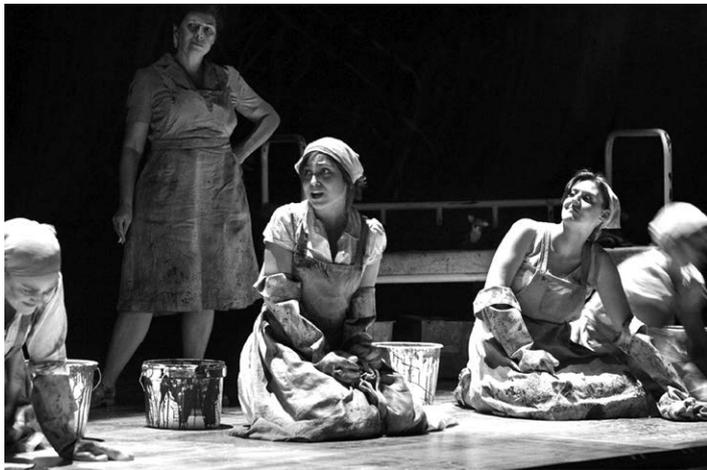
Это — замкнутый мир Электры и Хризотемиды, дочерей царя Микен Агамемнона, убитого по возвращении после Троянской войны собственной женой Клитемнестрой, ради её сближения с любовником Эгистом.

Электра, маниакально вынашивающая мысль о мести за убийство отца, — античный вариант принца Гамлета, созданный греками задолго до Саксона Грамматика, не говоря о Шекспире. Совпадение сюжета срабатывает даже в малом: подобно тому, как призрак отца Гамлета появлялся ночами перед часовыми в определенное время, так и Электра ежедневно, на протяжении многих лет, патологически отмечает роковой час, когда был убит её отец. С перешептываний служанок о мрачном ритуале царевны и начинается опера.

Немецкий режиссёр Давид Бош, за которым закрепилась репутация «режиссёра эмоций», полностью её оправдывает.

Действия персонажей и развитие психологических портретов героев разворачиваются с безупречной логикой, не вступая в противоречие с текстом, музыкой, канонами мифа (кроме единственного поворота в финале, но и он подготовлен всеми предыдущими событиями), но, тем не менее, остаются непредсказуемыми, нескучными и крайне напряжёнными.

«Мама, где папа?» — гласит нацарапанная мелом надпись на стене. Жизнь Электры законсервирована в мире её детства. Она хранит совместный «довоенный» портрет с от-

цом, где она запечатлена ещё девочкой, мебель в её темнице — детские стульчики, подростковая кровать с парой выцветших мягких игрушек, лошадка-качалка да коробка с детской короной, сохранившаяся с тех времён, когда она действительно, а не только номинально, как сейчас, была дочерью царя.

Электра находится на сцене постоянно, все прочие вращаются вокруг стержня её характера, как нити вокруг веретена.

Шведская певица Ирэн Теорин ведёт роль блистательно. Её яркое и сочное сопрано обладает необходимым в этой роли призвуком металла, добавляющего характеру окраску железной непреклонности и подчеркивающего неумолимость вынашиваемых решений. Певица пользуется этим тембром очень умело и в меру. Ясная артикуляция, совершенная фразировка, поставленное дыхание с крепкой опорой, сила и мощь голоса (при том, что иногда на полном фортиссимо оркестра певица уверенно солирует, но не кричит ни в малой степени) — всё выдает большого профессионала.

Впрочем, совершенно то же самое можно сказать о других солистах. Хризотемиду, эмоционального антагониста Электры, пела Аушрине Стундите, сопрано из Литвы, в прошлом сезоне исполнившая в опере Фландрии Катерину Измайлову. Всё полнокровие, всю жизненную силу своего голоса она отдаёт своей женственной героине, сестре Электры с противоположным зарядом характера: всё в ней стремится к любви и лирике, и молодая певица исполняет это искренне и безудержно.

Особых слов заслуживает исполнительница роли Клитемнестры, драматический альт Рене Морлок.

Сильный эффектный голос, которым певица владеет безупречно, при желании сгущается ею до визуально осязаемой плотности.

Мрачная роль преступной царицы Микен, появляющейся в единственной сцене разговора с дочерью, становится яркой чёрной вспышкой в спектакле. Для вящего эффекта появление царицы сопровождается тем, что на сцену с колосников сбрасываются подвешенные на длинных тросах трупы жертвенных животных. С частью из них она соединена катетерами, что совершенно шокирует, и время от времени подпитывается их ещё не остывшей кровью. Клитемнестра после вероломного мужеубийства не может отвязаться от преследующих её кошмаров, поэтому, сколько бы ни приносила она искупительных жертв богам, её кровавые грехи следуют за ней, и с ними она связана и духом и плотью, словно говорит нам решение этой мизансцены.

Особенно нужно отметить и исполнителей мужских ролей.

В небольшой, но очень выпуклой — даже на рельефном фоне прочих персонажей — роли Эгиста выступил яркоголосый тенор Михаэль Лауренц. Ореста спел молодой венгерский баритон Карой Семереди, обладатель красивого, тембрально же молодого голоса и харизматичного артистизма. Вообще к чести всей вокальной команды нужно сказать, что певцы были настолько равновелики и самодостаточны и в сольных эпизодах и в ансамблях, что в пении, что в игре, что лучшего

и желать нельзя.

Оркестр под управлением Дмитрия Юровского был тоже на высоте, хотя гремел временами не в меру. Но что было бесспорным, так это то, что вся опера была сыграна в едином порыве, как одна двухчасовая фраза, настолько отточенно был задан вектор спектакля, и настолько органично и с гигантской самоотдачей провел спектакль дирижёр.

Опера не случайно построена так, что число «три» имеет в ней большое значение.

Три разноликих женщины, кровью и судьбой связанных между собой. Из первобытного хаоса атональных и мрачных возгласов оркестра и певицы в начале оперы вырастает практически первый «чистый» аккорд: медный минор, к которому развитие музыки подходит со всё нарастающим пафосом. Это мучительный зов Электры: «Агамемнон! Агамемнон!» — имя отца и память о нём и есть её единственный устойчивый остров в мире зла и крови. И сразу же после этого появляется впервые трёхдольный мотив, вальс, во время которого Электра в экстазе танцует с топором, символом и надеждой её мести. Так и застигает её Хризотемиды.

Если позволить представить себе, что вся опера — это огромный такт трёхдольного размера, то первые две доли занимают в нём женские характеры, а появление баритона (Ореста) и тенора (Эгиста) приходится лишь на последнюю треть спектакля, на слабую долю этого условного такта. И это не случайно.

Сокрушающую силу и главный ментальный груз несут на себе женские голоса и женские характеры, и Орест, даже будучи физически исполнителем убийства Клитемнестры и Эгиста (и множества их безымянных защитников, что следует из контекста) на деле является фигурой подчинённой, исполнителем воли богов, диктуемой через Электру.

Словно подломленная, видоизменённая хромающая трёхдольность, издёвка над вальсом, возникает снова в сцене, когда Орест удаляется убивать, и Электра мучительно ждёт решения изнурительного напряжения, бывшего смыслом её жизни. Страшно кричит Клитемнестра. После тихого, скользкого — как в крови — пассажа арфы Эгист тоже мёртв.

Дуэт Электры и Хризотемиды, ликующей, что не ей пришлось убивать мать и Эгиста, как подталкивала её к этому сестра, снова трёхдолен, он разрастается в музыку как цветущий сад, теперь этот вальс — гимн освобождению, свету, торжеству справедливости.

И здесь, в конце, режиссёр позволил себе единственное самовольное отступление от сюжета. У Штрауса и Гофманстале Электра после экстатического танца падает замертво. В нынешнем спектакле перед сёстрами появляется Орест и у них на глазах режет себе вены, казня себя за убийство матери. Зло порождает только зло, и смерть ведёт за собой смерть, словно утверждает такой финал спектакля, избранный режиссёром, и оспорить это трудно.

Майя ШВАРЦМАН

Фото: Vlaamse Opera / Annemie Augustijns

«А у другого бывает планида хорошая!»

«Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича в Опере Фландрии

Спектакль для меня начался с письма с сайта оперы: «Дорогой любитель оперы, считаем своим долгом предупредить вас, что постановка «Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича содержит сцены экстремального насилия и секса и не рекомендуется для чувствительного зрителя или детей до 16 лет». Что касается меня, я чувствительна, как 16-летняя, но, с другой стороны, я настоящий «дорогой любитель оперы», особенно этой, и посему я, как ни трепетала, решилась пойти, чего бы это ни стоило моим нервам.

Я никогда не простила бы себе, если бы не пошла и пропустила этот спектакль.

Постановка режиссёра Каликто Биейто произвела на меня колоссальное впечатление. Зашкаливающий натурализм мизансцен — свидетелем тому весь зрительный зал — вырос из причуд режиссера, а из тщательно и любовно изученной партитуры, и являл собою абсолютно аутентичное с нею единое целое.

Трёхуровневая конструкция декораций была окружена грязью, самой что ни на есть натуральной, по которой и без сапог не пройти, и в сапогах утонешь.

«Поживешь среди грязи — поневоле запачкаешься», — говаривал Сильвер у Стивенсона. Жизнь бедной Катерины с бесцельностью её существования заперта в стерильно белой комнате, не знающей ещё греха, но окружённой грехом и мерзостью со всех сторон, и путь из этой комнаты наружу неизбежно лежит через грех и грязь. Катерине не выйти из постылой белизны (бесцветности?) своей жизни в иной мир, которого она так мучительно жаждет, не пройдя через эту скверну и нечистоты, она на это просто обречена, и она выходит, чтобы увязнуть и погибнуть.

Из грязи приходят к ней все прочие персонажи, пачкая её жизнь, в это же месиво лжи и порока ввергают и её.

«А у другого бывает планида хорошая», — обиженно во-

пит возмущённый мировой несправедливостью Задрипанный Мужичонка. Так то у другого. Всегда у другого. Но ни у кого из оперы «Леди Макбет Мценского уезда». И не у самой даже истории этой оперы.

Спектакль получился до боли русским и без коромысел и ухватов.

Безнаказанная вседозволенность сильного, царящая внутри отдельно взятой «хаты с краю» за высокой оградой, метания одинокой души, гибнущей среди ужасов звериных инстинктов и полной атрофии человеческих чувств, — вот, что такое была «Леди Макбет Мценского уезда», вот, как прожила свою короткую жизнь Катерина. Без помощи и без надежды.

На фоне этих «свинцовых мерзостей русской жизни» режиссёр рельефно прорисовывает не только главные характеры, но и создаёт поистине бенефитные выходы для персонажей второго ряда. Это и несчастная жертва массового садизма Аксинья (Лиене Кинча), которую потом насилует и душит ремнем всю ночь, привязав к своей кровати, Борис Тимофеевич. В продолжение сцены смерти её мучителя Аксинья остаётся наверху, неподвижная; она замирает в обрамлении окна комнаты Бориса Тимофеевича, как скорбная икона в окладе, — замученная, поруганная, безмолвная и бессмысленная страстотерпица.

Это и Задрипанный Мужичонка (Майкл Дж. Скотт), успевающий посреди причитаний «Какая вонь!» ограбить труп Зиновия Борисовича, не погнушавшись ничем: ни кольцом, ни галстуком, ни ботинками; он ещё и от души пинает труп бывшего хозяина перед тем, как побежать в участок. Это и Поп (Эндрю Гринан), конченный алкаш и развратник, и, конечно, удельный царёк Квартальный (блистательный Максим Михайлов).

Тонкая проработка характеров режиссером и вращение исполнителей буквально в мясо и кожу оперы подчёркивается

яркими и точными мизансценами.

Так, например, в первой картине Сергей сжимает руку Катерины, и она просит: «Больно, пусти», а он в ответ глумится над ней: «Обручальное колечко давит!». А в картине «Свадьба», когда окаменевшая Катерина в белом платье и фате стоит над погребом с трупом мужа, а Сергей, счастливый до идиотизма от свалившегося на него счастья, пытается растормошить её, отвлечь, и берет её за руку, теперь уже Катерина так стискивает его ладонь, что он морщится от боли и растирает пальцы со своим обручальным кольцом.

Так (очень по-русски) жалуется Борис Тимофеевич Аксинье: «Что значит старость! Не спится!» — то есть он над ней же измывается, и у неё же ищет сочувствия (здесь напрашивается параллель к самодурству Графини из «Пиковой дамы» по отношению к Лизе и приживалкам).

Так — в предвкушении большой жизни — Квартальный щедро платит ассигнацией Задрипанному Мужичонке за хорошую новость: труп у Измайловых...

Так и смена декораций после ареста Катерины и Сергея превращена в душераздирающую картину мародёрства и разграбления дома.

Что касается главных героев, то исполнители просто соперничали друг с другом, переходя от хорошего к лучшему.

Борис Тимофеевич был спет и сыгран британским басом феерически. Не менее ярко выступил и тенор Людовик Люда в роли его незадачливого сына. Поразила и голосом и игрой меццо Кай Рюютель в роли звезды каторги — Сонетки.

Невероятно органично сыграл и спел провинциального хищника и подлеца Сергея чешский певец Ладислав Эльгр. Играть такого неоперного тенорового самца крайне нелегко; и если ещё учесть, какие пороги личной стыдливости пришлось перешагнуть артисту, преодолев при этом и трудности вокальной партии, то остаётся просто аплодировать ему стоя, что и было сделано публикой.

Но самых восхищённых слов заслуживает сопрано Аушрине Стундите, исполнившая Катерину. На её выходе на полкол зал неистовствовал.

Молодая певица вжилась в роль просто на износ.

Яркость и драматизм, интонационная точность, накал экспрессивности в сочетании с поразительным чувством меры — вот что такое была её Катерина. Несчастливая запутавшаяся женщина в её исполнении в мучительном *crescendo* шла к нервному срыву и полному разрушению, через дикую, рабскую, «бабью» зависимость — к распаду и смерти, и певица сыграла и спела это блистательно и без малейшего переигрывания. Это не оперные кружевные вздохи туберкулезных

Мими и Виолетты, а самая что ни на есть «гибель всерьез» по Пастернаку.

Дорогого стоило её пение лирического «Жеребёнок к кобылке торопится» и отрешённого «В лесу в самой чаще есть озеро» — целая жизнь вмещается между двумя этими сольными кусками. А как поразил спектр её мимики, когда она остаётся на авансцене в то время, как идёт Пассакалья! С самого первого аккорда-вопля лик Катерины становится не лицом женщины, а воистину лицом её души, впервые заглянувшей в бездну своего собственного порока и ужаснувшейся открывшейся ей пропасти.

К двум досадным моментам спектакля я отнесу совершенно выбивающийся из общего — *pes plus ultra* — реалистичного прочтения сюжета самостоятельный уход со сцены трупа Зиновия Борисовича (это было просто никуда, и вызвало скрежет зубовой: ну зачем эта фантазмагория, когда всё так страшно по-настоящему!) и выпадение спектакля из безусловной «русскости», когда Катерина по-западному бросает букет невесты в толпу (его ловит несчастная Аксинья). На Руси цветы «на счастье» невеста передавала после свадьбы незамужним подругам, часто наугад, в хороводе с завязанными глазами, но не кидая за спину. Но всё-таки этот букет был такой малостью на фоне шокирующего своей правдивостью действия, что не хочется и придирааться.

Последние, совсем не дежурные комплименты надо принести оркестру под управлением Дмитрия Юровского,

а также и хору, с неслыханной экспрессией и самоотдачей исполнившему массовую роль «социально-близких». Это одна из самых удачных и даже выдающихся работ, которые мне доводилось слушать в опере Фландрии. Темпы, смысловые акценты, фразировка и динамизм — всё было выше всяких похвал, и в малом и великом, от крошечной любимой мною реплики кларнета, изображающей первую судорогу старика Измайлова, до грандиозных и развернутых симфонических *solo*.

И всё же золотой веночек я приношу исполнительнице главной роли. Пение и игра Аушрине Стундите произвели то самое художественное воздействие, когда зритель и слушатель начинает изнемогать от сочувствия и жалости к преступнику и относится к нему, как к жертве. На этом стоят произведения Достоевского, на этом же зиждется трагическая фигура Катерины и у Лескова, и у гениального Шостаковича, и в этом же кроется один из непостижимых секретов русской ментальности и русского искусства.

Майя ШВАРЦМАН

Фото: Vlaamse Opera / Annemie Augustijns

ПРИМАДОННА ИЗ ПРИМАДОНН

Последнее прижизненное интервью Елены Образцовой медийной группе “Интеллигент”

Елена Образцова – символ русского вокального искусства второй половины 20 века, настоящая царица русской оперы. В России всегда было много замечательных певцов, были и великие имена, но, пожалуй, после Шаляпина только ей удалось снискать столь внушительную мировую славу. Звезда ее зажглась рано и сразу очень ярко. 24-летней студенткой Ленинградской консерватории она впервые вышла на большую сцену – ее Марина Мнишек в Большом театре СССР сразу обратила на себя внимание, и огромный аванс – дебют в главном театре страны – оказался ненапрасным. Уже через год ее отметила итальянская пресса на первых в истории гастроях Большого в миланском «Ла Скала», хотя молодая певица была занята только во второстепенных ролях. А парижские гастрольные выступления Большого в 1969-м, где Образцова уже пела ведущие партии и являлась одной из козырных карт советской труппы, по-настоящему открыли имя певицы миру.

С тех пор триумфы следовали один за другим: покорены все ведущие мировые сцены, записаны десятки опер в партнерстве с лучшими исполнителями, одержаны победы на престижнейших вокальных конкурсах,

собраны все мыслимые и немыслимые премии, звания и награды, а ее дивной красоты и мощи голос победно звучал в самых разных уголках планеты.

Вклад Елены Образцовой в развитие русского оперного искусства неocenim. И сегодня примадонна делает для культуры своей страны очень много. Ее всегдашняя особая забота – это вокальная молодежь, которой она не устает заниматься, которой дает путевку в жизнь, устраивая академии, мастер-классы, конкурсы, концерты. Благодаря им в последние десять-пятнадцать лет мир узнал много новых, по-настоящему достойных имен.

Бриллиантовый юбилей Елены Образцовой подкрался как-то незаметно: она всегда молода, деятельна, у нее масса проектов, выступлений, учеников – как-то не вяжется с образом главной примадонны отечественной оперы эта внушительная цифра. Но календарь неумолим: Елене Образцовой – 75. Торжества в Петербурге состоялись летом, а в Москве главное событие пройдет 28 октября на сцене родного для певицы Большого театра, где в гала-концерте в её честь примут участие звезды мировой оперной сцены.

– **Вы всю жизнь фактически живёте на два города, не считая, конечно, многочисленных гастролой по всему миру, и свой юбилей традиционно справляете и в Москве, и в Петербурге. Кем сегодня себя ощущаете в большей степени?**

– Очень люблю Москву, люблю Большой театр, но, конечно, ощущала и ощущаю себя всего прежде ленинградкой – это уже на всю жизнь, судьба, никуда не денешься.

– **Вы много уделяете внимания молодёжи – конкурсы, мастер-классы, академии. Эта деятельность приносит больше радости или огорчения? Оправдывает ли молодёжь Ваши ожидания?**

– Конечно, это большая радость. И даже если они не очень хорошо поют, всё равно это интересно, потому что у каждого есть что-то своё, уникальное, своя индивидуальность, и важно при обучении не зарыть природный талант, а найти его, высветить и развить. Вся моя деятельность сегодня направлена именно на это – на поиск и поддержку молодых талантов.

– **Молодёжь также целеустремлённа как Вы были в своё время?**

– Нет, к сожалению, не очень. Есть одарённые ребята, которые очень много, упорно занимаются, но большинство же думает в первую очередь о карьере, о том как покомфортнее устроиться в жизни. Для меня это как-то странно: их целеустремлённость направлена на какие-то иные вещи, в нашей области это выражается в том, что они озабочены гораздо в большей степени, где они будут петь, а не как они это будут делать. Я не помню в моё время, чтобы такие мысли у молодёжи преобладали. Для нас главное было именно постичь профессиональные тайны мастерства, научиться вокалу, научиться выражать всё то, что у тебя внутри, в душе, в голове через музыку, пение, и донести это до публики. А уж где ты будешь это делать, в каком именно театре – не так важно. Сейчас совсем другие приоритеты, другие мысли у молодёжи: гораздо в большей степени думают о деньгах, чем нужно.

– **Но есть всё-таки исключения? Может быть Юлия Лежнева?**

– Безусловно, Юлечка – особая, и я рада, что нашла её, открыла миру. Это было огромное счастье, настоящая радость обнаружить такой талант. Она приехала к нам на юношеский конкурс, ей было 14 или 15 лет, и когда она запела Россини, все просто упали в обморок: настоящая артистка, пела сразу правильно во всех отношениях – талант от Бога. Разумеется, она получила все премии, гран-при и так далее. А потом через год или два она приехала уже на конкурс для взрослых певцов, и ей не хватало года по возрасту, чтобы принять в нём участие, но я ей разрешила, и это вновь был настоящий триумф. Я это называю «поцелованная Богом»: у неё есть всё – дивная колоратура, музыкальность, красота тембра, огромный диапазон, причём она стабильно держит тесситуру в любом регистре. Уникальное явление!

– **В Вашей карьере опера и камерная музыка всегда шли рука об руку. Однако на ваших конкурсах эти сферы достаточно чётко разделены.**

– Это я сделала исключительно из утилитарных соображений. Ведь сначала на моем конкурсе было и то, и другое. Но получались огромные программы у участников, туры затягивались часами, все это было крайне утомительно и для конкурсантов, и в особенности для жюри, в котором собираются очень известные и уважаемые, но, увы, уже не очень молодые люди.

– **Вы сами когда-то выиграли не один конкурс. Они сыграли какую-то роль в вашей творческой жизни?**

– Безусловно, сыграли. Конкурс имени Глинки, тогда ещё всесоюзный, и первый мой международный конкурс в Финляндии были просто необходимы для самоутверждения, для

осознания себя, своих возможностей, чтобы проверить и понять, правильной ли я иду дорогой – это было своего рода проба сил, и мне кажется, через подобный опыт должен пройти каждый певец. Необходимо, чтобы тебя услышали, оценили – многие посторонние люди, широкая публика, а не только твой педагог в классе, твои однокурсники, друзья и родственники. Конкурс имени Франсиско Виньяса в Испании открыл мне большую дорогу на Запад – это тоже был важный момент в карьерном росте, когда меня действительно узнали в мире. Кстати, с самого начала передо мной всё время шла Ира Богачёва, на всех конкурсах – моя подруга по консерватории: у неё прекрасный голос, музыкальность, большие способности и на неё в консерватории педагоги делали ставку даже больше, чем на меня. И соревноваться с Богачёвой было очень трудно – во-первых, потому что она – великолепный профессионал, уже тогда, в ранней юности это была сформировавшаяся артистка, а во-вторых, потому что мы дружили – и хотя у нас всегда была здоровая конкуренция, такое дружеское соперничество, тем не менее, это тоже было испытанием – не только профессиональным, но и жизненным. Конкурс Чайковского в плане перспектив карьеры стоит, конечно, особняком. Я его пела будучи уже состоявшейся певицей, солисткой Большого театра, меня уже хорошо знали в Москве, я выезжала к тому времени не раз с труппой театра на престижные гастролы, поэтому для самоутверждения, для каких-то перспектив он мне не очень-то и нужен был. Скорее, на него даже было гораздо страшнее идти, чем на все предыдущие, потому что если бы была осечка, то это бы могло отразиться на дальнейшей карьере в негативном ключе – необходимо его было только выиграть. Меня и Тamarу Синявскую вызвали в Министерство культуры СССР и прямым текстом сказали, что надо сделать всё возможное и невозможное, чтобы первая премия осталась в стране.

– **Ходит легенда, что Мария Каллас, будучи членом жюри на том конкурсе Чайковского, настояла на вашей первой премии, её голос был решающим – так Вы ей понравились.**

– Думаю, что это всё же легенда. Каллас, хотя и была, наряду с Гобби, тоже членом жюри в тот год, звездой первой величины и её участие в работе конкурса здорово повышало его престиж, всё же оба они были иностранцами, гостями в СССР, и едва ли могли как-то реально интриговать в вопросах присуждения премий, на чём-то настаивать. Кроме того, при всём уважении к Марии, у неё, как и у прочих членов жюри был всего один голос – и если бы все были против, она бы одна вряд ли что-то могла сделать, даже учитывая её бескомпромиссный характер. Да и не думаю, что ей бы пришлось прибегать к каким-то демаршам – кажется, особо никто не сомневался, что наша с Тамарой победа была вполне заслуженной. Но Каллас, конечно, сыграла роль в моей судьбе, но не в связи с конкурсом. У нас с ней была встреча и очень долгий разговор в Париже: во время гастролой Большого мы вместе встретились в театральной ложе, слушали один спектакль, совершенно невообразимым образом, неожиданно, спонтанно, у нас установился доверительный контакт и после спектакля она пригласила меня в ресторан «Максим», где мы проговорили всю ночь – она много рассказывала о своей жизни, о своём пути, о своих разочарованиях. В этом монологе было что-то исповедальное и очень многое дало мне для понимания и жизни, и искусства.

– **Вы помните свой первый выезд на Запад?**

– Первый выезд был на конкурс в Финляндию, потом были гастролы в составе труппы Большого театра, потом уже пошли собственные контракты. Наиболее яркое впечатление у меня оставил, может быть, не самый первый выезд за рубеж, но гастроль, исключительная во всех отношениях: это когда я пела «Трубадура» в Сан-Франциско с Лучано Паваротти, Джо-

ан Сазерленд и Ингваром Викселом. Это была незабываемая встреча – и сами спектакли были исключительными по творческому уровню, и человеческое общение с этими замечательными мастерами и интересными людьми было выдающимся.

– Среди Ваших друзей много испанских вокалистов, Вы сами много пели испанскую музыку, что не особенно характерно для русской исполнительницы. Испания много значит для Вас?

– Да, можно сказать и так. Во-первых, мой первый международный успех состоялся на конкурсе Виньяса, куда меня пригласил правнук этого легендарного вокалиста, который был в числе его организаторов. На конкурсе Виньяса в жюри была великая Кончита Бадиа, которой я понравилась и с которой мы потом занимались испанской камерной музыкой – это дало мне очень много для понимания культуры этой страны, поэтому я всю жизнь охотно включала в свой репертуар испанскую камерную музыку и даже удостоилась за это премии имени Гранадоса. Потом я очень много пела в театре «Лисео» в Барселоне – разнее партии на протяжении многих сезонов. Кроме того, меня в свою команду взял брат Монсеррат Кабалье, Карлос, знаменитый импресарио, поэтому много спектаклей по миру мы спели в команде, составленной им – Кабалье, Хосе Каррерас, Хуан Понс и я. Действительно, получилось так, что с Испанией связано очень много в моей творческой жизни.

– Певцов Вашего поколения – тех же испанцев, да и наших, советских – всегда в записи можно узнать с первой пары звуков – по незабываемому тембру, особенностям манеры. Сейчас же хороших певцов тоже немало, но такая узнаваемость – это редкость.

– Важна индивидуальность, найти которую и раскрыть – непростая задача. Это как раз то, что я стараюсь сделать, организуя конкурсы, академии, мастер-классы. На самом деле, эта проблема существовала всегда – и в моё время тоже. И рань-

ше было много просто хороших певцов, без ярко выраженной индивидуальности. Индивидуальность трудно объяснить, это что-то, что даётся человеку уникального и только ему – обнаружить свою уникальность, развить её – это очень непросто и далеко не каждому это удаётся.

– Вы пробовали себя в режиссуре: в 1986 году Вы поставили в Большом «Вертера». Почему эта деятельность не имела продолжения?

– Я была завалена интересной певческой работой, поэтому ход на территорию режиссуры был именно пробой сил, экспериментом. Я не собиралась изменять пению. Сегодня, если бы такие предложения были, я бы, наверно согласилась поставить несколько опер – не много, только некоторые: «Трубадура», «Кармен» и «Царскую невесту».

– Вы сегодня бываете в опере как зритель? Что-то радует?

Очень редко, но бываю. Радуют в основном голоса – есть интересные певцы. Режиссура же по большей части просто убивает: моя душа никак не принимает всего того безобразия, что очень часто режиссёры позволяют себе на оперной сцене.

– А из вокалистов кто-то нравится особо?

– Провокационный вопрос: никого не хочется обидеть, есть немало интересных. Но вот особенное впечатление в последнее время оставил Эрвин Шрот – и актёрской харизмой, и вокальным мастерством. Анна Нетребко, о которой много спорят, мне импонирует – она молодец, выросла в очень интересную певицу.

– Долгие годы Вашим родным домом был Большой театр. Вам нравится то, что там происходит сегодня?

– Надеюсь, что Большой остаётся моим домом и сегодня. Очень рада, что свой юбилей 28 октября я отмечу на его великой сцене. К сожалению, сегодня в творческом плане в Большом мало что происходит – по моим ощущениям. Открытие исторической сцены, надеюсь, вдохнёт новую жизнь в театр.

Он, конечно, очень изменился, даже внешне – я полвека там работала и теперь с трудом ориентируюсь во всех этих новых переходах, помещениях: ощущение, что это уже совсем какой-то другой театр. Меня пригласили участвовать в «Руслане и Людмиле», которым открывали Большой после реконструкции – к сожалению, мне пришлось от этого отказаться, хотя первоначально я согласилась и даже приступила к репетициям: то, что предложил режиссёр и касательно моей героини Наины, и касательно всего спектакля в целом, идёт вразрез с моими представлениями об оперном спектакле. Мне кажется, что вот такой путь – он ошибочный в развитии Большого.

– **Вы возглавляли оперную труппу Михайловского театра, но к сожалению недолго. Почему этот «роман» не имел продолжения?**

– Нет, «роман» как раз продолжение имеет, но несколько в другом формате. Я занимаю должность советника в театре, Владимир Кехман частенько мне звонит по разным вопросам, консультируется. Но когда он только начинал, то, честно говоря, мало понимал в театральном деле. У него были какие-то свои идеи о путях развития театра, плохо совместимые с реальным театральным процессом. Я пыталась подсказать что-то, что знаю хорошо сама, куда-то его направить, но он личность очень сильная, с ним сработаться было трудно, поэтому я предпочла из театра, с руководящей позиции уйти. За прошедшие годы он многому научился – поездил по фестивалям, по театрам, посмотрел что, где и как делается, он человек творческий, музыкальный, несмотря на отсутствие у него образования и опыта в этой сфере, и по моим ощущениям он здорово шагнул вперёд и его нынешняя деятельность идёт во благо Михайловского театра.

– **У Вас остались неспетые партии?**

– Я всю жизнь мечтала спеть Тоску и могла бы это сделать, несмотря на то, что это партия для сопрано, но мои голосовые возможности позволяли «выдохнуть» целый спектакль. Первое предложение спеть «Тоску» было от Караяна – сделать её сначала в записи, а потом и на сцене. Когда мы записывали с ним «Трубадура», он мне говорит: «Если сейчас возьмёшь верхнее до так как я хочу, сразу заключу с тобой контракт на пять опер, среди которых будет и «Тоска»», на что я ему ответила, что если будет «Тоска», я возьму и ми-бемоль (смеётся). Но, к сожалению, этому не суждено было сбыться, потому что после «Трубадура» не по моей вине возникло с Караяном непонимание и наше сотрудничество возобновилось только через много-много лет, когда я пела у него в Западном Берлине «Дона Карлоса». А второй раз меня пригласил на «Тоску» Дзеффирелли – после успеха «Сельской чести» он хотел снимать фильм-оперу по «Тоске» с моим участием, но, к сожалению, в тот момент не нашёл денег на этот проект, а потом уже поменялись обстоятельства и так моя «Тоска» и осталась неисполненной, хотя арию «Vissi d'arte» я часто пела в концертах.

– **Я помню Ваш феноменальный концерт 1989 года в Большом, где Вы много пели сопрановых арий – Джоконду, Мадлен из «Шень», Тоску и др. Это было так необычно и захватывающе!**

– Мои голосовые возможности таковы, что я могла петь не только отдельные арии, но и целиком партии драматического сопрано. Хотя, конечно, для меццо это большой труд – tessitura, всё-таки высоковата, и горлышко устаёт быстрее. Вообще в детстве у меня был очень высокий, даже писклявый голос, а в консерваторию меня брали как сопрано, у меня был верхний ми-бемоль, и только в процессе учёбы уже определилась моя специализация на партиях меццо.

– **Кого-то из коллег-меццо-сопрано Вы воспринимали как соперниц и как с ними строились творческие и человеческие отношения?**

– Нет, я ни с кем не соревновалась – была полностью со-

средоточена только на музыке, а не на интригах. Никогда никому не завидовала, никогда ни с кем не ругалась. Но всегда очень много училась, старалась взять от коллег всё самое полезное. Хотя люди вокруг часто мне «назначали» соперниц. Помню, в Большой пришла контральто Нина Григорьева с роскошным голосом и невероятным нижним регистром. Все вокруг сразу зашептали по углам: «Вот, настоящее меццо, Ленке теперь конец!» Но с Ниной у нас были отличные отношения, хотя мы и пересекались в общем репертуаре, тем не менее, это не мешало нам оставаться доброжелательными коллегами. Всю жизнь я дружу с Тamarой Синявской, хотя мы пели одни и те же партии, работали в одном театре. Про Богачёву я уже сказала ранее. На мировой сцене тоже отношения складывались ровные. Может быть, только Фьоренце Коссотто я перешла дорогу – до моего появления она безраздельно царила в меццовом репертуаре. Но и с ней мы не воевали – она потрясающая певица, самое сильное, яркое от неё впечатление, по-настоящему незабываемое, подлинное откровение, – это её Адальгиза в «Норме»: помню, что потрясение было столь велико, что после того как закончилась ее партия, я ушла со спектакля – не могла дослушать оперу до конца, такие меня переполняли эмоции.

– **Вы работали со всеми великими дирижёрами второй половины 20 века. Кто из них и чем запомнился особо?**

– Клайбер был феноменальным, с которым я делала в Вене «Кармен» – ничего подобного больше не встречала никогда. Конечно, Аббадо, которого я называла «распяты́й на музыке» – настолько он весь погружался в неё, проникался тем, что исполнял. С Караяном было очень интересно и очень сложно: многое зависело от его сиюминутного настроения, ощущений, но зато не было рутины – живое творчество. Бывало, выучим всё накануне, все темпы выверим, я сама ещё всё это дотошно пройду дома, прихожу на следующий день – всё другое. Говорю: как же так, вчера же было иначе?! Он мне: «Ну, это была моя ошибка, я подумал, здесь надо всё изменить». Всегда был момент неожиданной импровизации, нетривиального подхода к интерпретации партитуры. Аналогично всегда много сюрпризов было в работе с Рождественским – у него всегда оригинальный взгляд, с ним интересно. Очень комфортно было работать с Ливайном – я рада, что он опять вернулся сейчас в строй. Патане я очень любила – хороший профессионал, знал и чувствовал оперу как никто. Жюрайтиса своего, конечно, любила – он был страстный, темпераментный, даже дикий по своей манере музицирования.

– **Вы на Западе пели много из того, что у нас практически никогда не идёт. Чтобы нужно из этого было поставить здесь?**

– Я очень жалею, что у нас почти никогда не ставится «Самсон и Далила» и «Адриенна Лекуврёр» – это превосходная музыка, настоящий оперный театр, оперы, которые всегда будут привлекать публику в зрительный зал.

– **В чём сложность отечественного оперного репертуара?**

– Очень неудобно написано. Чайковского ещё более-менее комфортно исполнять. Все прочие композиторы не очень-то считались с певцами. И ещё есть одна сложность для русского певца – нельзя наврать сердцу и уму: очень сильные, глубокие произведения, когда исполняешь их, то они переворачивают все твоё нутро. Я каждый раз, когда пела «Хованщину», не могла потом спать, было ощущение, что я на исповеди побывала. Для иностранцев же основных проблем две – сложный язык и понимание глубоких смыслов. И нам-то непросто проникнуть во всю эту философию, не говоря уже о зарубежных исполнителях.

Беседовал Александр МАТУСЕВИЧ

ЯРЧАЙШЕЕ ДАРОВАНИЕ

В Кондопожском Дворце искусств выступают Татьяна Кириленко – лауреат Международного конкурса вокалистов в Финляндии и креативный концертмейстер Александр Онькин – лауреат Международного конкурса пианистов в Италии.

Концерт вокальной музыки «Люблю тебя, слышишь?», состоявшийся весной этого года в Музее изобразительных искусств Республики Карелия, поразил присутствующих не только высоко профессиональным сопрано Татьяны Кириленко – заслуженного работника культуры Карелии, Лауреата Республиканских, Всероссийских и Международных конкурсов, но и разнообразием исполненных классических произведений знаменитых композиторов.

С первых нот певицы в одном из роскошных музыкальных залов республики (это зал русского искусства Музея) возникла аура очарования высоким вокалом и романтизмом роскошных благозвучий великих музыкантов. Невольно вспомнилось мнение английского философа Томаса Карлейля: «Музыка своей мелодией доводит нас до самого края вечности и дает нам возможность в течение нескольких минут постичь ее величие». Публика оказалась на редкость благодарной – столько букетов этот зал не видел ни на одном концерте 2014 года культуры.

Оказывается, великолепный вокал певицы известен не только в Карелии и России, но и в Финляндии, Швейцарии. Его слушал Президент России В.В.Путин во время приезда в Карелию. Пением Татьяны Николаевны восторгались также многие наши земляки на чествовании республиканских событий. Мне запомнилось ее выступление на концерте в Петрозаводской государственной консерватории (академии) им А.К. Глазунова в составе Кондопожского ансамбля «Лири». Тогда чтили 20-летие единственной в России кафедры финно-угорских народов. Организатором юбилейного концерта был профессор, гений композиторского искусства Геннадий Вавилов.

Удивительно, статная красавица с необычно выразительным вокалом Татьяна Кириленко – исконная кондопожанка, родилась в городе бумажников на Северо-Западе России – Кондопоге. У нее много родных, увлеченных пением. Она хорошо помнит, как удивительно приятно пела бабушка. А ее дядя солировал в мужском хоре Минска Республики Беларусь. Татьяне посчастли-

Мастерство вокала и артистизм Татьяны – итог врожденной одаренности и высокого профессионального мастерства.

вилось - ее супруг Петр Кириленко тоже занимался пением в академическом хоре Петрозаводского университета под руководством выдающегося Маэстро Георгия Терацуянца. В 2013 г. на международном фестивале в Испании хор получил звание лучшего хора Европы, в 2014 г. на Всемирной Олимпиаде хоров в Риге завоевал золото и серебро в двух номинациях.

Родители Татьяны заметили интерес дочери к музыке, поэтому со второго класса она занималась в музыкальной школе. В дальнейшем главными этапами музыкального образования для нее стали: Петрозаводское педагогическое училище № 1, в котором глубокоуважаемый педагог Римма Любимова впервые подготовила ее к сольным номерам. Затем она обучалась в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств на кафедре дирижерско-хорового искусства, стала специалистом по вокальной педагогике. Благодарная ученица хорошо запомнила искреннюю заботу педагогов и их слова: «У тебя лирическое сопрано полного диапазона. Очень мягкий и податливый голос, кантиленный звук». Эта высокая оценка всегда поддерживает ее в профессиональной деятельности и заставляет совершенствовать свой талант. Концерт позволил всем слушателям прочувствовать кантилену – мастерство владения вокалом как итогом идеальной техники голосообразования и звуковедения.

А вот как Геннадий Алексеевич Вавилов - наш титан композиторского искусства оценил выступление нынешней Татьяны: «Красота голоса характеризуется яркой индивидуальностью тембра, редкостными обертонами, нежной вибрацией, силой и большим диапазоном, голос ровно звучит во всех регистрах. Репертуар свидетельствует о вокалисте высокого уровня. В программу концерта вошли разножанровые произведения семи авторов (Сергея Рахманинова, Георгия Свиридова, Петра Чайковского, Антона Рубинштейна, Луиджи Денца, Джакомо Пуччини, Геннадия Вавилова). Этот факт является редчайшим событием для профессионалов и звезд. Солистка проявила высокий уровень исполнительства. Достойным сопровождением репертуара стала партия фортепиано в исполнении Лауреата международного конкурса, петрозаводчанина Матвея Бакалина. Украшением концерта было выступление с фортепианными произведениями двух юных талантливых школьников из г. Кондопоги, воспитанников коллеги певицы Галины Фирсовой.

Время стремительно летит. У Татьяны Николаевны еще свежи детские воспоминания об обожании родного Кондопожского Дома культуры. А сейчас она уже показывает свой вокал на той же сцене современно оборудованного концертного зала Дворца искусств дорогим землякам, искушенным выступлениями лучших отечественных и зарубежных музыкантов.

Геннадий Алексеевич Вавилов отметил, что Кондопожский район должен гордиться такой талантливой личностью и поставить вопрос о дальнейшем ее профессиональном росте, достойной оценке ее труда – о возможности присвоения ей звания заслуженной артистки

Самая большая ценность для певицы – искренние эмоции слушателей.

Российской Федерации. Ведь она свободно может исполнять репертуар российских и многих совершенно разных зарубежных классиков, входя в их талантливый индивидуальный код творчества.

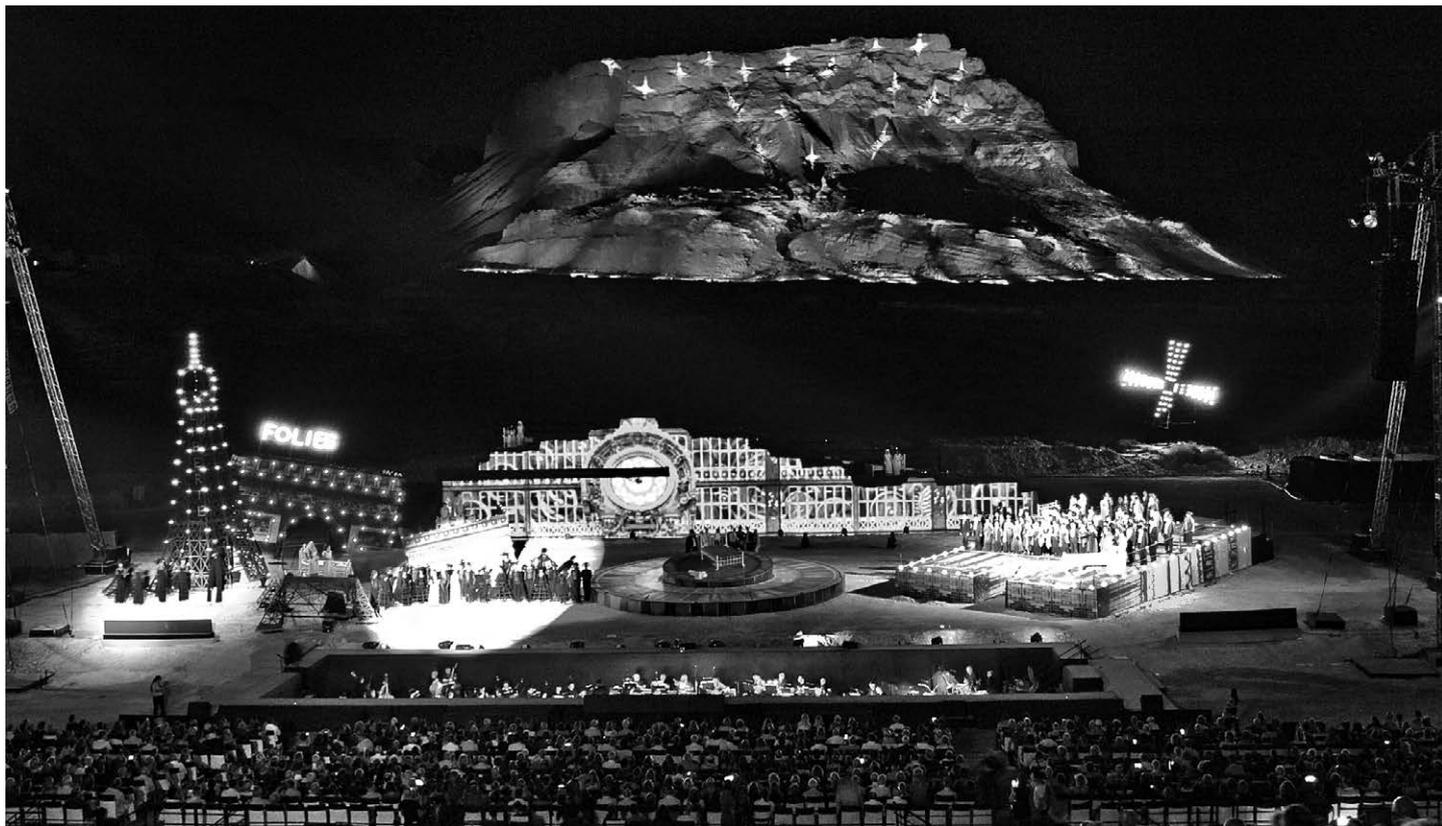
В профессиональном плане судьба Татьяны состоялась как специалиста по вокальной педагогике. Рождение двух детей помогло ее становлению. После работы в образовательных учреждениях, она стала руководителем вокально-эстрадной студии «Акварель» при Доме творчества Детей и Юношества. В 2013 году этой студии присвоено звание «Детский образцовый коллектив Республики Карелия». Воспитанники студии «Акварель» стали участниками и лауреатами Республиканских, Всероссийских и Международных конкурсов. Это дети-труженики с искрой божьей - Гамлет Оганян, Настя Писукова, Даниил Филин, 7-летняя Катя Пепоева и другие.

В интернете на портале учителей России (аналог Доски почета) указано имя Татьяны Николаевны Кириленко.

Вот так достигается бессмертие талантов!

Хилма ПОРАЛЬ

ОПЕРА В ПУСТЫНЕ И У МОРЯ

Оперное дело на земле древнего Израиля по историческим меркам ещё совсем молодо: не прошло и ста лет с того момента, когда усилиями эмигрантов из России в тогдашнем британском протекторате Палестина впервые была поставлена первая опера – вердиевская «Травиата». За прошедшее время предпринималось несколько попыток создания постоянной профессиональной оперной труппы, которые окончательно увенчались успехом в середине 1980-х с появлением в Тель-Авиве Новой израильской оперы (НИО), обитающей с 1994 года в прекрасном комплексе исполнительских искусств в центре красивого приморского города. Сегодня единственный в Израиле оперный театр живёт полноценной жизнью, имея в своем составе внушительную труппу (солисты, хор, оркестр, балет и пр.), ставя перед собой амбициозные задачи. Репертуар театра широк и разнообразен, здесь находится место и мировой классике (в том числе русской), и современной опере, активна гастрольная жизнь, что самого театра, что его сцены в качестве принимающей гостей из-за рубежа площадки. 1600-местный зал сочетает в себе традиционную модель итальянского театра-подковы с новейшими представлениями об удобстве и комфорте для зрителей, а техническое оснащение сценической части находится на современном уровне производства театрального продукта 21 века. Театр всячески стремится расширить свои международные контакты, на его сцене обычное дело – выступление гастролёров мирового уровня (в будущем сезоне здесь будут петь такие международные звёзды как Анжела Георгиу, Зоран Тодорович, Штефан Поп, Карло Коломбара, Элизабет Матос, Светла Василиева, Фабио Сартори, Густаво Порта, Скотт Хендрикс, Карло Сгура, дирижировать Даниэль Орен и Ив Абель, ставить Никола Жозль и Юрий Александров), но основу по-прежнему составляют выходцы из СССР, а русский язык, по признанию директора Ханны Муниц, является первым рабочим языком театра, обгоняя иврит.

Утверждая высокое искусство оперы на израильской земле, НИО ищет новые формы общения со зрителем, стремится расширить свою аудиторию. Огромный шаг в таком направлении – это учреждение Израильского оперного фестиваля, состоявшегося в 2010 году, когда впервые театр провёл open-air проекты. Нынешним летом фестиваль прошёл в четвёртый раз (перерыв в прошлом году был связан с финансовыми и политическими причинами – обстановка на Ближнем Востоке по-прежнему оставляет желать лучшего), но в существенно расширенном формате. Если первые три раза он собирал многотысячную зрительско-слушательскую аудиторию в Иудейской пустыне на побережье Мёртвого моря, проводя грандиозные оперные шоу в стиле веронской Арены у подножия печально-знаменитой героической горы Масада, то в этот раз, помимо формата «колоссаль», был предложен и иной – в замке крестоносцев в старинном приморском Акко (более известном европейцам как Акра – последнем оплоте христианских визионеров Запада на Святой Земле, спустя столетия не покорившемся Наполеону в ходе его бесславного Египетского похода) состоялось несколько моцартовских премьер уже для избранного числа поклонников академической музыки.

Израильский фестиваль пока ещё очень молод, ему нужна раскрутка и приобретение реноме – чтобы встать вровень с популярнейшими летними форумами Европы, он пока идёт относительно простым путём: дать публике то, на что она гарантированно «клонет». Именно поэтому афишу у подножия Масады в прошлые годы украшали столь знаменитые оперы как «Набукко», «Аида» и «Кармен», а в этом к семейству хитов присоединилась бессмертная «Травиата». Но уже в этом году помимо четырёх прокатов омузыкаленной истории дамы с камелиями в Масаде прошёл большой симфонический концерт Израильского филармонического оркестра с бетховенской программой (прозвучали первая и девятая симфонии – в

последней в квартете вокалистов выделялся норвежский бас-баритон Ойдун Иверсен, известный Москве по гастролям в Большом и в филармонии) и Кентом Нагано за дирижёрским пультом. Моцартовская неделя в Акко подарила полноформатного «Дон Жуана», адаптированную для детской аудитории «Волшебную флейту» (её сократили до часа звучания и исполняли на иврите) и Реквием. Думается, что со временем, укрепившись и приобретя популярность, фестиваль придёт к своей уникальной концепции, связав исполняемые музыкальные полотна с тем исключительным местом, что представляет собой древняя земля Израиля – страна, напоенная драматической историей и великими преданиями. Ведь где, как ни здесь, уместны были бы библейские оратории Генделя или духовные оперы Рубинштейна, «Самсон и Далила» Сен-Санса или «Саломея» Рихарда Штрауса, оперы и оратории Массне и Мендельсона на ветхозаветные и евангельские сюжеты, целый пласт барочных опер на эти же темы, или вовсе какая-нибудь эксклюзивная «Юдифь» Серова... Помимо Масады и Акко, где приходится применять звукоусиление, грех не использовать естественную акустику прекрасно сохранившегося римского театра в Кесарии.

Но это мысли на перспективу. Главными же событиями фестиваля-2014 стали, конечно, «Травиата» и «Дон Жуан». Первая – проект международный, объединивший интернациональный состав вокалистов и постановщиков, хор и оркестр НИО, балет из польского города Кельце и скреплённый железной волей легендарного маэстро Орена. Несмотря на любопытное сценическое решение польского режиссёра Михала Знанецкого и интересных певцов, именно Орена я бы назвал главной звездой этого проекта: его волшебные руки творили чудеса, а столь необходимая для этого произведения проникновенность была во много достигнута именно усилиями дирижёра – мягкое, но яркое звучание оркестра Израильской оперы изрядно передало красоту и неиссякаемую притяга-

тельность этой трагической истории. Орен был великим другом вокалистов, которых он поддерживал и подавал очень бережно в непростых акустических условиях театра в пустыне, а его железная воля, помимо естественного системообразующего начала, очень понадобилась в работе с хором, который пока ещё несколько отстаёт от общего высокого исполнительского стандарта, которого, безусловно и несмотря на все «но», сумела достичь израильская «Травиата».

Задача перед режиссёром Знанецким стояла непростая: смыслово связать парижский полусвет и горячую пустыню на берегу Мёртвого моря. Ведь чисто утилитарными соображениями, о которых написано уже выше, ограничиться невозможно – зрителю, приехавшему в это экзотическое место, необходим контекст, в котором романтичнейшая история мировой оперы оказалась бы всё же естественной, что называется, «в своей тарелке». Знанецкий предложил такую идею: пустыня – это символ пустоты того внешне блестящего мира, в котором живёт героиня, она же – хозяйка внутреннего мира Виолетты, ибо разрушенная любовь и разрушенная мечта о счастье испепелили, иссушили душу молодой женщины. Сверкая неоновыми огнями (узнаваемые абрисы Эйфелевой башни и Мулен-Руж), этот «Париж в пустыне» здорово смахивает на сегодняшний Лас-Вегас – империю праздности и порока, тем самым ненавязчиво делая понятным обстановку спектакля современному зрителю (сценограф Луиджи Скольо). Кричащие костюмы Иоанны Мединской, особенно вульгарные, как и положено, в сценах праздного веселья (поочередно салоны Виолетты и Флоры – немислимые парики и кринолины, дамы на ходулях и прочие находки) дополняют впечатление – безудержное получение удовольствий, пресыщенность оными, карнавальность с уклоном в балаганность, вот тот яркий и бездушный мир, который не просто окружает героиню, но является сутью её бытия, и из которого она хотела бы вырваться, обретя настоящее чувство и подлинное счастье.

Вообще-то, «Травиата» - весьма интимная, камерная история. При наличии в ней массовых сцен, по-театральному ярких эпизодов, танцев и прочей атрибутики гранд-опера, всё-таки это опера об очень личном, о сокровенном. Трудно создать такой спектакль не только учитывая формальные требования жанра, которые соблюдал композитор (отсюда известная компромиссность некоторых «обязательных» сцен, лишь силой гения Верди создающих необходимый контраст, напряжение к основной линии), но и вписать его в циклопическое пространство открытой площадки, где за метаниями Виолетты Валери одновременно наблюдает семь с половиной тысяч человек (на период фестиваля буквально на пустом месте устанавливают сцену и гигантскую трибуну для публики). Занецкий также отдаёт дань гранд-опера, не лишает зрителей визуального пиришества: есть в его постановке и несколько развязанный балет в плейбойских заячьих ушках, и живые лошади, и поездка на фиакре через всю сцену, и оглушительные пиротехнические эффекты, но основное – не это. Сделать акцент на глубоко личностных переживаниях, как ни странно, помогают огромные мониторы – на них почти всегда лицо исполнительницы главной партии, поскольку камера фокусирует своё внимание именно на ней. Но не только новые технологии в помощь: режиссёр мыслит концептуально, и помимо идеи с пустыней в душе Виолетты, у него есть и ещё одна, немаловажная – несмотря на «выжженную землю» в сердце, юная куртизанка остаётся самым живым, порывистым, трогательным персонажем, в то время как остальные участники мелодрамы – скорее маски, чем персонажи. Это касается даже двух главных кавалеров оперы, Жермона-сына и Жермона-отца, которые намеренно ходульны и схематичны, ибо призваны своей некой «деревянностью» оттенять Виолетту. По Занецкому, они, к сожалению, часть той самой парижской пустыни,

что окружает её, и по-настоящему – сильно и беззаветно – в этой истории любит только она.

Для такого сильного образа нужна большая артистическая личность – помимо того, что для труднейшей партии Виолетты нужна и вокалистка экстракласса. Молодая румынка Аурелия Флориан блестяще справляется с поставленной задачей: в ней чувствуется подлинная артистическая харизма, а её пение по-настоящему трогает. Голос Флориан обладает как раз теми характеристиками, что нужны для Виолетты: красивый тембр, плотный, нелегковесный звук, богато окрашенный тембрально, мастерское владение колоратурной техникой, умение петь на разной динамике. Сочетание вокального совершенства и проникновенной игры даёт потрясающий результат: у израильской «Травиаты» есть настоящая героиня, становящаяся подлинным центром спектакля, что встречается не столь уж часто в этой опере.

Её партнёры, добросовестно отрабатывая функцию фона, тем не менее, хорошо поют. Французский тенор Жан-Франсуа Боррас в роли возлюбленного Виолеттой Альфреда пленяет изяществом звуковедения и хорошими верхами, румынский баритон Ионут Паску удачен в роли высокомерного, «замороженного» в своём аристократизме старшего Жермона – в голосе есть такие краски, как вальяжность и холодность, при том, что сам по себе тембр певца тёплый и весьма ласкающий слух.

В отличие от международной по составу «Травиаты» «Дон Жуан» в Акко – полностью израильский продукт, демонстрирующий сегодняшние уровни и возможности НИО. Естественные декорации крестоносного замка великолепны для создания образа средневековой Севильи, для традиционного костюмного спектакля, для исторической реконструкции. Но режиссёр Деди Барон не идёт этим путём. Его «Дон Жуан» вневременен, это некий условный сюжет, модель взаимоотношений, которая, по мысли постановщика, актуальна всегда. Отсюда – эклектика костюмов (художник Дана Царфати), где камзолы Дон-Жуана из века 18-го сочетаются с хиповатым прикидом Лепорелло или Мазетто, а кринолины Анны с выразительным от-кутюр Эльвиры, шеголяющей гламурными кепи и редикюлями.

Актуализация, которая в известной степени действительно уместна в этой универсальной истории о борьбе порока и добродетели (хотя в таком прочтении она и лишается социального подтекста, всё же присутствующего в либретто Да Понте), увы, не избежала «нафталина нашего времени», клише, уже набивших оскомину не в одной современной постановке и по сути противоречащих музыкальным идеям Моцарта. С первым из них сталкиваешься уже на звуках увертюры (по нынешней традиции, дабы публика не заскучала, музыкальное вступление к опере обильно снабжают оживляем, придумывая целую немую сценку): Командор – если не содержатель притона, то определённо не дурак по женской части, к его услугам целый выводок дам самого разного происхождения и возраста, чей внешний вид, тем не менее, недвусмысленно отсылает к образу эпатажной Леди Гаги. Командор – некий прототип Дон-Жуана, а может быть его альтер-эго? Видимо, режиссёр хотел сказать что-то в этом роде.

Второе клише в прологе: Донна Анна по Барону – не жертва распутного ловеласа, но чуть ли не инициатор адольтера с Дон-Жуаном, далее навязчиво преследующая своего сбежавшего любовника – именно этот мотив основной в её действиях против севильского соблазнителя, а вовсе не поруганная честь и кровная месть за убитого отца. Отчаянию музыкальных фраз Анны, её искреннему негодованию, чи-

стоте и безукоризненному благородству, присущему этому моцартовскому образу, у израильского режиссёра места не находится – Анна получается героиней из совсем другой оперы. Под стать ей и все прочие дамы спектакля (Эльвира, Церлина), следовательно, в чём же виноват тогда Дон-Жуан? Да ни в чём: у Барона он, в общем-то, положительный персонаж, более того, единственный искренний и по-настоящему живой образ спектакля, в то время как все прочие, поющие в финале моралите, фальшивые и ходульные лицемеры. Не правда ли – нечто подобное мы видели и у Карсена, и у Чернякова, и ещё много у кого – некий общий современный тренд более чем своеобразной интерпретации истории высококордного повесы, наверно, отражающей современные представления о морали.

Подобных находок в спектакле масса. Не обошлось, разумеется, и без вовсе «злободневного»: Анна, Эльвира и Оттавио, являющиеся на деревенскую свадьбу Церлины и Мазетто в масках, дабы быть неузнанными Дон-Жуаном и его слугой, предстают ярко выраженными трансвеститами – не вспомнить о громком успехе Кончиты Вурст на Евровидении-2014 режиссёр, конечно же, не мог. Уступки масскульту естественно вызывают живой отклик у аудитории, действуют с неумолимостью рефлексов Павлова, но что дают они Моцарту, позволяют ли действительно глубже копнуть сложную, многослойную историю Дон Жуана – большой вопрос.

«Дон Жуан», таким образом, явно переигрывает «Травиату» по части режиссёрского театра – если под этим понимать современную «режоперу», а не стремление быть ближе к первоисточнику, к замыслам авторов оперы. Но музыкально он гораздо слабее. Вялый оркестр под управлением Даниэля Коэна производит весьма бледное впечатление, ему не хватает как энергетики, так и точности – асинхронность с вокалистами, что в их сольных высказываниях, что в сложных моцартовских ансамблях, замечена не единожды. Не вполне понятны мотивы использования звукоусиления – в замкнутом, сравнительно небольшом дворе средневекового замка наличествует неплохая естественная акустика: не хотелось бы думать, что истинная причина подзвучки – в слабости голосов солистов.

Вокальный состав, действительно, не поражает. Почти все участники – выпускники молодёжной программы при

НИО, они молоды, у них всё отлично с фигурами и пластикой, они хорошо двигаются и способны выполнить любое задание режиссёра. Но их вокальные кондиции зачастую совсем не того качества, что необходимы. Конечно, Моцарт не Верди, и инструментальность звучания и аккуратность здесь скорее добродетели. Но когда пение совсем уж стерильное, неяркое, индивидуально не окрашенное, то это пахнет не стилистической достоверностью, а явной скукой, чего Моцарт, кажется, вовсе не заслуживает. Из всего каста по-настоящему интересно было слушать Нааму Гольдман (Эльвира), Аллу Василевскую (Церлина) и Якова Стрижака (Командор) – данные их голосов и владения ими вполне соответствовали представлениям о моцартовских стандартах. Голос Одеда Райха жидковат и легковесен для Дон-Жуана, здесь всё-таки предпочтителен брутальный бас-баритон, а не лирический фразный «почти тенор». Обидное слово «подбасок» так и просится для характеристики Яира Полищука (Лепорелло): если бы не микрофон, большинства его фраз, особенно в нижнем регистре, публика едва ли расслышала бы. Красивый, тембрально наполненный тенор Эйтана Дрори (Оттавио), к сожалению, грешил интонационной неточностью. Но самым слабым звеном оказалась Эфрат Ашкенази (Анна): певица озвучивала только ноты, довольно-таки чистенько, но совершенно безлико, характера, стержня в этой Анне не было никакого.

Как и «Травиата», «Дон-Жуан» игрался в непростых условиях: обжигающего дыхания песков Масады здесь уже не было, приморский воздух Акко, кажется, более комфортен, что для певцов, что для публики, но есть свои сложности. Огромная мечеть Аль-Джаззар с высоченным минаретом – ближайшая соседка крестоносной цитадели: аккуратно после арии Лепорелло со списком оттуда заголосил муэдзин, созывая на молитву правоверных. Почтенная публика терпеливо прослушала положенные суры – своего рода незапланированную Моцартом арию, явив наглядный образец толерантности, после чего опера возобновилась, как ни в чём не бывало. Ну а как иначе в этом краю, где цепко и причудливо переплетены разные культуры, традиции, обычаи?

*Александр МАТУСЕВИЧ
Тель-Авив – Москва*

Иван Менджерицкий:

«Я противник цензуры, но иногда сожалею о ее отсутствии в России»

Н.Б. - Иван Александрович, приветствую Вас на страницах литературной газеты «Интеллигент»! Мы, ваши зрители и читатели, Вас помним и нежно любим! Как сценарист, Вы сформировались в советский период, ваши фильмы «Анна и Командор», «Вашингтонский корреспондент», «Частное лицо», «Профессия – следователь» и др. зрители старшего поколения помнят до сих пор. Как помнят и Ваши телевизионные программы, Вашу удивительно располагающую к себе манеру вести беседу, незаметно направляя собеседника в русло темы. В последние годы Вы ушли с экрана телевизора, но зато пришли к читателям с книгами: «Когда поженимся, Ванечка?», «В тюрьму на танцы по пригласительным билетам», «Осенью в Марин парке», «В рай на катафалке». Итак, вопрос первый:

- Как Вы дошли от советских киносценариев до полнометражной прозы, и что Вам дала в творческом плане продюсерская остановка в Голливуде?

И.М. - Киносценарий, как бы ни был хорош, это полуфабрикат. Есть любители читать сценарии, но думаю, что их не так уж много. Сценарий далеко не всегда может дать представление о картине. Иногда это совершенно разные произведения. Если один и тот же сценарий предложить для постановки, скажем, пяти режиссерам, получится пять непохожих фильмов. Справедливо, когда говорят и пишут: «Фильм режиссера Икс». Он главный создатель картины. Сценарист поставляет проект и строительный материал. В результате может оказаться, что проект другой и строительный материал тоже. Фильм бывает лучше сценария, бывает хуже, а иногда автор не может узнать свое произведение. Я не был уверен, что смогу писать прозу, хотя очень хотелось – надоело создавать полуфабрикат. Но вот я получил предложения от нескольких изданий переделать три сценария, по которым были сняты фильмы, в повести. Они были изданы. Вот так я начинал писать прозу. Если бы жизнь можно было начать сначала, я, наверное, не писал бы сценарии. На Ваш вопрос о том, что дала мне, как Вы выразились, «творческая остановка в Голливуде», а я был продюсером трех больших фильмов на киностудии «21-й век», я, должно быть, Вас разочарую: «Ничего». В человеческом плане – многое.

- Вы автор нескольких пьес, имевших успех в Советском Союзе. Почему Вы оставили это «драматическое» дело? Если бы Вы написали пьесу, то кому из современных российских театральных режиссеров Вы бы доверили ее поставить?

- Я написал четыре пьесы. У них были очень разные судьбы. Одна была поставлена во МХАТе и шла с успехом несколько лет, а позднее по ней сняли фильм-спектакль для телевидения. Другая была поставлена так же во МХАТе и не дожидаясь премьеры – была закрыта Министерством Культуры СССР. Третья – стала одной из победительниц конкурса имени Погодина, объявленного Министерством Культуры РСФСР. Вечером мне вручили премию, а на следующий день утром я получил письмо из Министерства, где говорилось, что моя пьеса не будет поставлена никогда – главный герой совершает поступки, неприличествующие советскому человеку, хотя он никого не убил, не ограбил и не изнасиловал. К тому же, по условиям конкурса пьесы-победительницы должны быть поставлены в театрах России. Но кого тогда интересовали условия? И все же Министерство Культуры, но уже СССР, пьесу купило, и однажды к своему удивлению я получил телеграмму из Эстонии от Комитета по делам телевидения (не уверен, что эта

организация так называлась) с просьбой разрешить перевести пьесу на эстонский язык и поставить ее на таллинском ТВ, что и было сделано. Четвертая пьеса была написана совсем недавно. Судьба ее не ясна. Если бы Ваша газета решила ее напечатать и снабдила бы текст CD с 18 замечательными песнями Марка Мермана – очень талантливого поэта и композитора (пьеса музыкальная) – я был бы счастлив. Спустившись на землю, я подумал, что мог бы сделать подборку из нескольких стихотворений Марка и получить у автора разрешение на ее публикацию в Вашей газете. Я уверен, они бы имели большой успех.

- Спасибо, мы будем рады познакомиться с творчеством Марка. Несколько лет Вы вели программы на американском русско-язычном телевидении WMNB. Зрители принимали Вас восторженно, многие проникались Вашими идеями как своими. Как Вы полагаете, каково воздействие современного телевидения на формирование массового сознания?

- Значительное. В противном случае мы чуть ли ни ежедневно не встречались бы с одними персонажами и практически никогда – с другими. Во время выборов достаточно увидеть, как бьются партии за место в эфире и сколько денег им это стоит. Если в начале прошлого века, в период революции, большевики стремились захватить банк, телефон и телеграф, то теперь в аналогичной ситуации, прежде всего, на первое место вышло бы ТВ. Пutschисты во время путча штурмовали Останкино.

- Современный кинематограф, российский не исключение, переполнен сценами насилия, секса без любви, унижения личности, издевательств над людьми и животными. У каждой из этих сцен есть автор, сценарист. Многие из них в жизни вполне добропорядочные обыватели, обремененные многочисленными семьями. Почему они все же пишут то, что пишут?

- Я противник цензуры, но иногда сожалею о ее отсутствии в России. В современном российском кинематографе действительно много насилия, и потоком льется кровь. Ее и в жизни хватает, но все же, полагаю, значительно меньше, чем на экране. Агрессия, нетерпимость, насилие – не делают зрителей человечнее, добрее, толерантнее. Особенно это касается молодых. То, что происходит на экране, становится привычным, легко проникает в жизнь. Это опасная тенденция. Что же касается авторов, то многие из них придерживаются рыночных отношений. И, думая о том, что большая

часть зрителей молодые люди, им и предлагаются страшиллки, стрелялки, догонялки, которые бездумно и с аппетитом потребляются с попкорном. Но есть в России глубокие, серьезные фильмы, правда, процент их незначителен, и они продаются куда хуже однодневок. В Америке то же самое.

- Поговорим о литературе, о Ваших книгах. Как они явились на свет? Откуда взялись персонажи, язык, сюжеты?

- Илья Ильф в своих записных книжках написал о ком-то: «Он прожил большую и неинтересную жизнь». Я прожил 74 года – жизнь интересную и активную. Знал многих людей, видел многое, был свидетелем и очевидцем истории. Придумав очередной сюжет, я звонил своему другу – выдающемуся следователю МВД СССР и рассказывал о том, что собираюсь написать. Он задумывался на мгновение и говорил: «Дело такого-то, 1964 год». Так было всегда. Это меня огорчало. Он как-то заметил это и сказал: «А ты радуйся, потому что ты придумываешь жизненные истории».

- А что объединяет русских, россиян как нацию и американцев? И что нас разделяет?

- Один советский журналист в прошлом веке написал, что русские и американцы очень похожи. Думаю, что у него было не все в порядке со зрением. Это разные народы, с разным менталитетом, с разными человеческими ценностями. Примеров множество. Скажем, если говорить о нормальных семьях, то везде хорошо относятся к детям, но в Америке родительская опека заканчивается значительно раньше. Еще раз подчеркну – в нормальных семьях, в других происходит все что угодно по обе стороны океана. В бытность мою в Советском Союзе стариков не отдавали их дети в дома престарелых. Это считалось неприличным, позорным даже. Американцы легко отдают своих стариков в подобные заведения. Правда, среди них есть очень комфортабельные. Дети раз в месяц – некоторые чаще, кое-кто реже – навещают своих стариков, привозят им «что-нибудь вкусненькое» и сами это поедают. Все это в порядке вещей. Все довольны, никто не возмущается. Мне кажется, что внутрисемейные отношения у россиян куда прочнее, чем у американцев. Зато внешне американцы выглядят приветливее и вежливее. Американцы очень ценят privacy-конфиденциальность. Когда ты едешь в машине, никто не глядит на тебя из автомобиля, идущего рядом, на улице никто не будет разглядывать тебя, если ты непривычно одет, или выглядишь не так, как это принято. Россияне больше интересуются международными делами, американцы тем, что происходит в стране. Россияне больше политически заряжены и, думаю, духовно богаче. Тема эта бесконечна и находится в движении. Многие россияне начинают исповедовать то, что было важно американцам. На Брайтоне – центре российской эмиграции в Нью-Йорке – без труда можно услышать: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?» Или анекдот: «На брайтонском пляже компания эмигрантов играет в карты. Недалеко от пляжа в океане тонет человек и кричит: «Help me! Help me!» (Помогите!) Один из игроков лениво говорит: «Вот Сема – придурок! Надо было учиться плавать, а он все учил английский. И что, он помог ему?»

- Тем не менее многие иммигранты из пост-советского пространства многого здесь достигли, несмотря на анекдот.

- Это вполне реалистическая история, но эмигранты из России добились действительно многого: получили образование, состоялись в профессиях, сделали хорошую карьеру во многих областях. И некогда центр эмигрантской жизни постепенно пустеет. Люди средних лет, особенно молодежь, уходит с Брайтона. У нее другие, более взыскательные интересы, другие пристрастия, другое более высокое понимание жизни и судьбы человека. У многих остается интерес к России, продаются книги на русском языке и газеты, говорят по-русски несколько радио- и телевизионных станций, и постоянно приезжают из России гастролирующие. У американцев есть интерес к культуре и искусству России.

Россия и США никогда не были в состоянии войны. И я не верю ни на йоту, что подобное может случиться. Я надеюсь, что отношения двух великих стран, двух великих народов помогут человечеству преодолеть непростое время, в которое мы сейчас живем, дружески посмотреть друг на друга и с оптимизмом в будущее.

- Вопрос, на который Вы хотели бы ответить?

- Я хотел бы рассказать о российском и американском телевидении. Это очень большой и многоплановый вопрос. Если у читателей и редакции газеты это вызовет интерес, я с удовольствием расскажу об этом в следующий раз.

Иван Александрович, а теперь несколько вопросов от наших читателей в России:

- Иван Александрович, как Вы считаете, может ли демонстрация различных фильмов оказывать влияние на сознание и поведение человека или влияние кинофильмов преувеличено, как в советском кинофильме «Человек с бульвара Капуцинов», где играл Миронов, который показывал добропорядочные фильмы, и в горюшке все начинали вести себя соответственно, а когда его конкурент демонстрировал фильмы со сценами насилия и сексуального подтекста, то и в городе начинался разврат и драки.

- Кинематограф, литература, живопись, музыка, если речь идет о талантливых произведениях, вне сомнения, оказывают огромное влияние на сознание и поведение человека. Это хорошо понимали советские идеологи. В самый тяжелый период Великой Отечественной войны, кажется, в августе 41, вышло постановление правительства, запрещавшее призывать в армию «работников идеологического фронта». Согласно этому постановлению, не брали в армию артистов, даже артистов цирка. Вы наверняка знаете об актерских фронтовых бригадах, выступавших на всех фронтах. Писатели и журналисты надели офицерскую форму – и Твардовский, Симонов и Казакевич воевал в ополчении.

- Советская школа кинематографа формировалась на системе Станиславского. Эта школа была признана одной из лучших в те времена, где актер не должен играть роль, а он должен полностью воплощаться в персонаж, иначе такой бы актер услышал известную реплику Станиславского - «Не верю!». Как Вы считаете, актер должен настолько реалистично воплощаться в некое положительного или отрицательного персонажа, чтобы даже зритель, уже и после фильма, таким и представлял актеров в их реальной жизни, или все же чтобы зритель мог понять наигранность актера, у которого в реальной жизни может быть совершенно иной склад характера?

- Система Станиславского не ушла в прошлое. Многие голливудские актеры ее знают, пользуются ею. Константин Сергеевич говорил, что система нужна только талантливому артисту. Конечно, вы все знаете слова Станиславского о жизни человеческого духа на сцене. Будущему артисту предлагается комплекс упражнений, который и помогает ему достигнуть этого. Знаменитый артист Малого театра Павел Степанович Молчалин, игравший в первой половине XIX века, был неграмотным, роли учил с голоса. Ставили «Юлия Цезаря» Шекспира. В роли Цезаря – Молчалин. Во время премьеры в его гримерную ворвался профессор-историк с криком: «Где вы прочитали об этом?» Оказалось, что только недавно в каких-то старых рукописях обнаружили: Юлий Цезарь, произнеся речь перед войском, никогда не поворачивался к нему спиной, а пятился назад. Молчалин ничего прочитать не мог. Он сказал: «Посмотрите на рожи этих солдат. Разве можно повернуться к ним спиной?» В эти мгновения великий артист верил, знал, что он - Юлий Цезарь. Знали это и верили в это зрители.

- Иван Александрович, сейчас все больше применяются технические новации и не только в неких спецэффектах, но и с заменой даже актеров на виртуальные персонажи; как вы думаете, может наступить такой момент, когда живого актера полностью заменят анимационные персонажи?

- С моей точки зрения, спецэффекты, какими бы изощренными они ни были, не сделают слабый фильм хорошим. Технически уже сегодня, наверно, это можно сделать. В моих многочисленных планах, если доживу, есть идея написать об этом роман. Тогда и посмотрим.

- Иван Александрович, большое спасибо Вам за интервью, мы еще встретимся с Вами на страницах нашей газеты, нам есть о чем поговорить. Уважаемые читатели, присылайте в редакцию свои вопросы к Ивану Менджеричкому.

Нина БОЛЬШАКОВА
Интервью с Иваном Менджеричким

Рок-н-ролл мёртв? А мы ещё нет!

Прошел первый съемочный день полнометражного художественного фильма, запущенного в производство легендарным Ленинградским рок-клубом.

В конце сентября этого года со сцены популярного клуба «Цоколь», вице-президент ЛРК Антон Шлей объявил о начале нового масштабного проекта – съемках полнометражной музыкальной мелодрамы с элементами комедии «Рок» по одноименному роману известной петербургской писательницы Екатерины Асмус. Режиссером проекта стал Владимир Демьянов.

Позади многочисленные кастинги, переговоры и подготовительные этапы. Долгие разговоры о будущем проекта, планирование, переговоры. И вот, наконец, он настал – первый день съемок.

Екатерина Асмус, автор сценария:

— На проекте подобралась профессиональная команда. Часть – люди много лет работающие в кино, другая часть – студенты, которые учатся, у них еще мало опыта, но есть знания. Сегодня в группе не существует никаких противоречий, и я не вижу никаких препятствий к тому, чтобы все получилось.

— А вы не пытались обойти подцензурные объекты, присутствующие в фильме: алкоголь и табак?

— А мы не считаем, что это плохо. Более того, запрещать это в кадре – просто глупо. Мы все живые люди, и часть из нас курит, часть людей пьет – это наш национальный спорт. Если человек выкурил сигарету и выпил вина – он не преступник, а обычный человек. Мы думали, как же мы можем обойти подцензурные вещи? И оказалось, что никак. Потому что описываемая компания не подходит под нынешний формат цензуры. Они – андеграунд.

Но одна смешная идея была. Мы решили заменить сигареты на чупа-чупсы, а весь алкоголь на молоко. Получилась веселая картинка: молодые ребята, музыканты, в косухах, красивые девушки и употребляют леденцы, запивая молоком, чо-

каясь стаканами. Прекрасный гэг, который можно будет снять отдельно!

Когда кино только появилось, и люди не видели фильмов вообще, происходило интересное явление. Люди приходили в кинотеатры, и им показывали разную крупность кадра. Общий план, когда легендарный поезд подъезжал к перрону, средний план, когда герой встречает героиню. И потом они видели крупный план героини. Многие люди начинали плакать: они считали, что им показывают отрезанную голову. Так отчасти дела обстоят и теперь. Что бы мы ни делали, что бы ни показывали в кадре, всегда кто-то будет пугаться, что мы показываем «отрезанную голову».

Продюсерами фильма выступили музыкант, вице-президент ЛРК, Антон Шлей, выбранный в фильме на одну из основных ролей и журналист, заместитель главного редактора газеты «Вечерний Петербург» Алексей Зубарев.

Антон Шлей, вице-президент ЛРК, продюсер:

— Прделана большая подготовительная работа. И это стало залогом достаточно гармоничной работы всех участников проекта. Все люди относятся к фильму профессионально. Все проходит практически идеально.

Мне приходится совмещать две ипостаси: администратора и актера. Поэтому первый съемочный день закончился, а я выжат, как лимон. Но полностью удовлетворен процессом.

Алексей Зубарев, заместитель главного редактора газеты «Вечерний Петербург», продюсер:

— Так случилось, что сценарий по роману «Рок» я прочитал в Праге. Поэтому смог подключиться к проекту только в последний день кастингов. Теперь приходится семимильными шагами наверстывать упущенное время.

Основная задача – пока готовится трейдер картины – подготовить краудфандинговую кампанию в сети и посмотреть, насколько с финансовой точки зрения привлекателен для публики наш проект.

А пока информацию о съемках фильма можно получить

в официальной группе проекта в сети «ВКонтакте» https://vk.com/film_gok и на сайте генерального информационного спонсора проекта - газеты «Вечерний Петербург» <http://www.vppress.ru>. Организаторы предупреждают, что тот или иной специалист может понадобиться в любой момент. Поэтому следите за новостями.

Владимир Демьянов, главный режиссер:

— Я абсолютно уверен, что этот проект будет развиваться, в этом нет сомнения. В наше непростое время, при полном отсутствии бюджета, мы столкнулись с огромным количеством специалистов, желающих поучаствовать в съемках. Люди не забыли, и знают, что такое рок, им интересна сама тема проекта. И если даже рок-н-ролл мертв, то мы ещё живы.

Сюжет картины разворачивается вокруг двух молодых людей. Лялька — красивая девушка двадцати лет. Романтичная провинциалка, ищущая лучшей жизни в большом городе. Влюблена в главного героя. Малыш — двадцатитрехлетний музыкант. Отчаянный, нервный, ироничный, обаятельный, юноша с горечью в глазах, прикрывающийся грубым цинизмом. Влюблен в другую героиню - Стасю.

Алиса Лозовская, главная героиня:

— Для меня это не первая работа в кино. Но в этом проекте меня завораживают, как люди собираются, движимые одной идеей, без средств, без всего. Просто собрались с азартом сделать хорошее кино. Не потому, что хотят заработать, сделать себе имя или еще что-то, а потому что все загорелись идеей и готовы работать.

Денис Халтурин, главный герой:

— Такие фильмы не снимали уже несколько лет. Мне очень понравился сценарий. Я сам музыкант и давно ждал фильма про музыкантов, снятый с другого ракурса, со стороны: быт, жизнь и прочее.

— Что на твой взгляд проще: актеру сыграть музыканта или музыканту стать актером и сыграть самого себя?

— Я думаю, что музыканту самого себя сыграть проще. Во время прочтения сценария и на съемках я находил много совпадений со своей собственной жизнью. А то, что я сам не переживал, я копировал с жизни моих друзей из мира музыки. И от этого становилось немного проще жить в кадре.

Создание хорошего фильма — это не только самозабвенная работа актеров и режиссерской команды, но и профессионализм мастеров других областей. За свет и грим в картине отвечает один человек. И это делает работу Юлианы одним из основополагающих звеньев кинопроизводственной цепочки.

Юлиана Новикова, художник по свету и художник по гриму

— Я работаю инженером по свету в БДТ, также давно занимаюсь гримом. Когда ко мне обратились, я решила помочь проекту и помочь заодно себе. Потому что быть светотехником это одно, а быть художником — это грандиозный опыт и возможность показать свою точку зрения.

Не обойдется в фильме без сюрпризов. Некоторые известные музыканты петербургского рока дали предварительное согласие на участие в проекте. Поэтому проект обещает быть интересным, смешным, слегка ностальгическим, и, конечно же, музыкальным.

Илья Бремев. Фото Татьяны Россо.

ТОТ САМЫЙ ВЕРЕЩАГИН

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ О КАСПИЙСКОЙ ДЮНЕ

Почти у каждого большого актера есть свой «звездный час» – образ, который затмевает все предыдущие удачи. Для Кузнецова таковым стал Федор Сухов из «Белого солнца пустыни», принесшего Анатолию Борисовичу без преувеличения грандиозный успех. С 1969 года и по сей день шествует его герой по экранам мира, покоря сердца зрителей. Фильм демонстрировался более чем в 80 странах. Хорошо известно, что фильм «Белое солнце пустыни» стал своеобразным талисманом для советских, а затем и российских космонавтов. Каждый вновь отправляющийся на орбиту экипаж обязательно смотрит его накануне старта.

А мы отправились... в село Тайтурка, что расположено у берегов Ангары. В селе этом есть замечательная школа. А при школе краеведческий музей. Руководит музеем Заслуженный учитель России Лисова Татьяна Борисовна. Она нам и показала уникальные фотографии времен Гражданской и Отечественной войны.

И мы обнаружили, что наш герой Сухов, вовсе и не Сухов, а Верещагин! Да. Тот самый Верещагин, только не киношный, а самый что ни на есть настоящий. Вот и его письма с фронта домой. Вот скрупулезные заметки. В каком городе были. Кого освободили. Весь действительный, а не выдуманный путь Красной армии!

Именно таким изображает героя фильма «Белое солнце пустыни» артист Кузнецов.

Вообще-то, это была далеко не пустыня. Рядом находилась Махачкала и закрытый в то время военный город Каспийск. Белое солнце каждый день вставало над Каспийским морем. И было оно ласковым и теплым. А еще там была дюна...

Дагестан в переводе означает «страна гор», но горы мы видели только издали, когда родители возили нас кататься на барханы той знаменитой дюны. Нас строго-настроено предупреждали, как вести себя в случае появления змей: гюрзы, щитомордника и полоза. Но на самой дюне я видела только ящерицу Степную Агаму и двух маленьких черепашек.

Из окна автобуса тянулась бескрайняя равнина, потом показались призрачной дымкой острые пики вершин. Вначале горы отстояли от моря на значительном расстоянии, затем приближались до 10-15 км, а возле древнего Дербента их отделяла лишь полоса шириной около 5 км. Она так и называется издревле Дербентским проходом. Отец рассказывал, как по нему когда-то провели слона, которого иранский шах подарил Петру I. Водным путем пользовались русские дипломаты Ивана Грозного. Еще раньше этот путь был знаком скифам, сарматам и гуннам. По нему двигались арабские

и персидские завоеватели, полчища грозного Тамерлана. А теперь ехали мы на специальном автобусе с надписью «киносъемка». Возможно, у родителей была и другая миссия, и, скорее всего, так и было. На местном телевидении они снимали фильм о Каспийске, и мама сочинила песню со словами папы:

**«Море Каспийское, город Каспийск,
с песней я к вам пришел.
Нет лучше моря и города нет
Тем, кто здесь счастье нашел!»**

Это было весной. Мы напевали слова новой песни. И она нам очень нравилась. Мне едва исполнилось четыре года. Возле дюны проходили съемки более крупного фильма. В перерывах съемок актеры и люди из съемочной московской группы обедали в столовой вместе с нами. Фильм этот назывался «Белое солнце пустыни». Анатолий Кузнецов шутил, иногда обращаясь к женщинам в национальных одеждах, называя их странные имена: «Зорина, Зульфия, Зухра, Лейла, Ючатая...» Взрослые смеялись, а мы не понимали – почему.

Целое Событие для меня и моей сестры Ольги – катание с дюны! Мы барахтались, кувыркались, прыгали и хохотали во весь голос. Белый мелкий песок забирался и в нос и в уши, обжигал ступни и колени. Какое счастье было – скатываться с горки, высотой местами до 80 метров, но большие горы песка делились на более маленькие барханчики, как раз для нас! Захватывало дух. Какие уж там змеи: они разбегались в разные стороны с быстротой молнии от нашего детского визга.

Вот эта одинокая дюна и стала «пустыней» в знаменитом потом фильме о белом каспийском солнце. Ее снимали со всех ракурсов. И актер Анатолий Кузнецов шел по ней и вдоль и поперек и по диагонали.

Вообще-то должен был получиться обыкновенный боевик, каких тогда стряпалось великое множество. Но волшебство ли таинственной дюны, знаки ли свыше, заставили пересмотреть взгляды на весь проект. Владимир Мотыль, режиссер ленты, был не доволен съемками. Чего-то не хватало. Может быть той поэзии, что дарит нам ласковый Каспий? Той вечной тяги ко второму сердцу? А, по большому счету к миру, к созиданию? Снимался боевик – это понятно. Но здесь в королевстве загадочной дюны, где детишки барахтаются с визгом в песке, хотелось думать только о личном счастье. И уже в конце съемок ему в голову пришла гениальная идея: главный герой красноармеец Сухов должен непременно писать письма своей жене на родную сибирскую сторонку. На Ангару!

По его просьбе письма писал Марк Захаров, в то время руководитель театра Ленкома. И мои родители долго обсуждали детали работы дома. А я слушала.

Гораздо позже, мне посчастливилось поговорить об этом с Анатолием Кузнецовым. Он все помнит с

того времени, и с удовольствием рассказал о съемках. Нет. Сам Каспийск он не видел. Каспийск был действительно закрытым городом. Их везли на съемочные декорации из Махачкалы.

- Море! Мне больше всего запомнилось море, конечно! Утром, когда мы просыпались, Каспий был совершенно спокоен! И солнце светило, действительно белое-белое! Ни жаркое, ни холодное – а теплое и ласковое. Однажды случился шторм, - вспоминает далее Анатолий Борисович, - и безобидное на первое впечатление море оказалось грозным. Мы снимали во время шторма эпизод с басмачами. Получилось неплохо. Но Владимир Мотыль потом вырезал те кадры. Наверное, они не вписывались в общую поэтическую линию.

- Вы помните дюну?

- Да, конечно же помню, дюна знатная! И песок на ней совсем другой, чем на остальном пляже. А пляж простирается от подножья дюны до самого Каспийска еще километров восемнадцать! Чудесный берег! Изумительное море! Солнце и песок! Это был 1968 год...

- Я была тогда совсем крохой. Но помню вас и как вы обедали с нами в столовой. И ваших «жен»!

- Не было у меня никаких жен! Я вел себя очень скромно, и ни за кем не ухаживал! – чуть ли не обиделся Анатолий Борисович, и стал подробно рассказывать содержание фильма. Мне! Да, я наизусть знаю этот фильм с детства!

Я и про Анатолия Борисовича практически все знаю. За годы работы в кино только по приблизительным подсчетам он сыграл около 100 ролей, и всегда – с полной отдачей. Его роли любят зрители, каждую из них актер наделяет частицей собственной души, личностными природными качествами. Он родился в семье знаменитого певца, и образование у него бухгалтерское и театральное-вокальное! Почему же, будучи интеллигентом, запомнился он для страны советов в образе крепко стоящего на земле сибирского крестьянина?

Теперь порой кажется, что он, Кузнецов, просто родился Суховым. Однако в этой роли, по утверждению режиссера фильма Владимира Мотыля, актер меньше всего эксплуатировал свое природное обаяние. Конечный результат достигнут, прежде всего, трудом, глубоким проникновением в драматургию образа, требовательностью к исполнению. Режиссер и актер трактовали Сухова как типичного сибиряка, мастерового, но никак не профессионального вояку. Война для него – проклятье, и он возвращается домой не просто потому, что она кончилась, а именно спешит в родную деревню, которая грезится ему днем и ночью.

Вот поэтому то так и заинтересовала нас теперь именно ангарская Тайтурка, в которой мы и нашли то, что искали.

Вглядитесь в глаза красноармейцев, которые были действительными героями легендарного фильма, легендарного времени!

Светлана САВИЦКАЯ

Живопись

Светлана Перотти: «Источник любви – внутри нас»

Московская художница Светлана Перотти – талантливая, сияющая, лучезарная. Ее персональные выставки в российской столице и крупных городах мира проходят с неизменным успехом. И она, и ее муж итальянец Фредерико Перотти, входящий в десятку лучших ботанических художников мира, чьи работы есть в коллекции английской королевы, всегда пребывают в прекрасном настроении. Смотришь на них, неизменно улыбающихся, и думаешь: до чего же позитивные люди! От них словно волнами расходится удивительно чистая и светлая энергия. И такая же энергия исходит от их картин и от созданных ими интерьеров, приносящих удачу и помогающих вернуть здоровье. Все дети похожи на ангелов, но дети Перотти, а их в семье двое – особенно. Недаром индусы считают Светлану женщиной, способной родить Будду.

– Я родилась в Москве на Октябрьском поле, – рассказывает Светлана. – Мой папа, который, к сожалению, уже умер, был довольно крупным ученым и очень интересным человеком. До конца жизни он оставался ребенком, был, что называется, немного не от мира сего, и мы все его очень любили. Папа занимался квантовой физикой, и через науку он пришел к Богу, проделав путь от всеобщего в те времена коммунистического настроения к духовности и эзотерике. Наверное, всегда у него внутри была вера, но осознание ее пришло к концу жизни. Мама тоже занималась наукой, закончила Менделеевский институт. Но для нее семья была важнее работы, она у нас такая общая мама – и для папы была, и для нас со старшим братом, образец света и любви, а теперь еще и бабушка. До сих пор я учусь у нее замечательному качеству, которым она обладает в полной мере – принятию всего, что с тобой происходит. Она человек вселенского взгляда на жизнь. А моя бабушка по папиной линии Вера Шевцова была первой женой знаменитого русского художника Ильи Репина. Если судить на нашим семейным легендам, женщиной она была немного странной – медитативной и творческой. Сажала в саду цветы, поливала их и тут же благополучно забывала. Так что спустя какое-то время, оказавшись возле новой клумбы, очень удивлялась: откуда взялись цветы? Еще обожала – и делала это часами – прыгать через скакалку. Но больше всего на свете она любила поспать. Могла уснуть во время оживленной беседы,

за чаем... Что и увековечил Илья Ефимович в портрете жены «Отдых». Бабушкина сонливость, по словам папы, каким-то образом перешла ко мне в виде особого сновидческого дара. Именно во сне ко мне стали приходить разные образы и истории, которые я потом воплощала в своих картинах. Своего будущего мужа я увидела во сне, за несколько лет до знакомства с ним в образе человека с цветами вместо волос и нарисовала его портрет. Теперь эта картина висит у нас в доме, как наш семейный талисман.

– **Вы рано ощутили, что живопись – ваше призвание?**

– Сколько себя помню, я всегда хотела стать художником. Никогда не мыслила себя ни в какой другой профессии. Благодаря родителям, которые меня поддерживали, у меня не было сомнений в том, что живопись станет делом моей жизни. Мы росли в такое время, когда не думали о том, будет ли творчество приносить какой-то доход, престижна ли профессия художника, или нет. Было просто обожание живописи, постоянное вдохновение, радость от того, что творишь, в любую минуту, где бы это не происходило.

– **Расскажите о ваших учителях.**

– Первый мой учитель с большой буквы, еще в художественной школе, которую я посещала с пятого класса, – Евгений Николаевич, к сожалению, не помню его фамилии. Преподаватель он был совершенно необыкновенный – заставлял нас много думать, мечтать, открывать в себе очень личные моменты. Впервые я начала понимать, что живопись – это не рассказ и не литература, а духовный путь. Мы много занимались тем, чтобы по-другому взглянуть на картину. Он нас учил не описывать картину, как это делалось в общеобразовательной школе, а распознавать, что картина – это окно в мир художника, внутрь себя. Мы с ним ходили на выставки, знакомились с иконами, с живописью разных периодов, особенно он любил русскую живопись. Потом я поступила в Училище памяти 1905 года, где нашим гуру был Николай Николаевич Меркушев, великий театральный художник и живописец. Сказать, что мы его обожали – это ничего не сказать. Николай Николаевич менял наше сознание, заставлял нас задуматься о себе,

о любви, о жизни, о смерти. Мы много говорили о смерти, и это явилось для меня откровением. Меня лично он во многом привел к вере в Бога. В театральной мастерской Суриковского института я попала к великолепным учителям живописи. Радиса Ивановна Лебедева, последовательница русской воздушной цветовой школы, заставила меня по-другому взглянуть на цвет. А руководителем мастерской был Михаил Михайлович Курилко, легенда русского театра и русского искусства, вице-президент Академии художеств, удивительный человек, в свои 80 лет прекрасный, блестящий, умный собеседник, представитель старой русской интеллигенции, в которого нельзя было не влюбиться. Он обладал колоссальными знаниями и умением просто говорить об очень сложных вещах. Человек с коммунистическим прошлым, который прошел войну, потерял руку, в то же время был глубоко верующим. Своей харизмой он погружал нас в совершенно другую реальность. Переступая порог института, мы оказывались в совершенно ином мире. Михаил Михайлович помог нам любить искусство в разных проявлениях и осознавать, что главное для художника – творить и что творчество – это некое паломничество к самому себе и к миру.

– **Вы получили академическое образование в Москве, а ваш муж Фредерико – в Италии. Что общего и в чем разница между русской и итальянской школой?**

– Итальянская школа более прикладная, поскольку любая творческая мастерская не только занимается живописью, но обязательно дает какую-то профессию. Такого понятия, как просто художник-живописец, в Италии нет. И это, наверное, хорошо, ведь в свое время многие выпускники Суриковского института впали в депрессию, потому что не могли найти работу, когда мир поменялся. Фредерико учился реставрации, декорированию интерьеров и архитектуре, то есть у него два образования. Эта прикладная школа, на которую мы все изначально смотрели свысока, дает художнику уверенность и некую социализацию, осознание себя, как нужного человека, несущего какую-то идею людям. Когда я заканчивала институт, к художникам в России относились как к человеку без профессии. Сложился некий образ пьяницы, который сидит в своей мастерской в грязном свитере. В Италии же относятся к художнику как к полубогу, владеющему ремеслом, при этом он еще может создавать вещи, которые обычному человеку не под силу. Фредерико очень многому научился у меня с точки зрения академической школы. Он для себя открыл русское искусство, которое в Италии находилось за глухим занавесом. Там очень мало кто знает про Сурикова, Серова, Коровина, только специалисты. А что касается общих черт, то это классические основы: композиция, рисунок. Моему мужу тоже повезло с преподавателями, которые привили ему страсть к искусству, верность нашему делу, влюбленность в него и отношение к живописи как процессу, прежде всего, а не к результату. Вот это очень нас объединяет.

– **Вы много раз были в Индии, удостоились аудиенции у Далай-ламы. Как это отразилось на вашем творчестве?**

– Я тогда только искала свой стиль в искусстве, такое профессионально-наивное направление, и для Суриковского института это было смелым решением. Мы с моим профессором даже решили сделать два разных диплома. Конечно, у меня было много сомнений, по правильному ли пути я иду, несмотря на то, что меня наградили премией, я получала стипендию Академии художеств, и защита прошла на «отлично». Когда я показала Далай-ламе свои картины, он в них нашел то, что я сама для себя не могла сформулировать до конца, и показал мне, что это духовный поиск, который важен, и прежде всего, для меня самой. Это была очень сильная поддержка, окрыление и колоссальный толчок для того, чтобы еще больше лю-

бить своих персонажей, любить жизнь. Мне захотелось и дальше творить в этом направлении. Я поверила в себя.

– К какому направлению современной живописи вы себя причисляете?

– Сейчас в Италии это направление называется «инно-ченто». Одно время оно называлось наивным искусством, но дальше люди стали путать, думая, что наивное искусство создается людьми, которые никогда профессионально не занимались живописью. А популярность последнее время приобретает направление, когда наивным искусством занимается профессионал с хорошим образованием. Всегда видно, что есть серьезная школа. Способ выражения, язык при этом имеет немного детскую форму для того, чтобы очистить эмоцию от всего наносного. Я пишу состояния, которые мы обычно проходим, перешагиваем – вот капля дождя упала на лицо, и нам хорошо, и мы дальше живем. Я выбрала для себя сказочный язык, наиболее подходящий, на мой взгляд, чтобы привлечь внимание человека, облечь это состояние в какую-то форму.

– Одна из ваших совместных с Фредерико выставок называлась «Ангелы, цветы и коровы». Почему вы их пишете?

– Корова для меня – это знаковое животное, которое у себя вбирает все. Это – символ земли. Она всех кормит, всех поит. Такое дающее существо, и при этом бесконечно умное, глубокое, медитативное. Не зря во многие эпохи она была символом женского начала, источником вдохновения, дарения

и любви. Когда корова идет по холмам с колокольчиком, для меня это маленький ходячий храм, ощущение, что происходит некое таинство. Ангелы – существа, которые постоянно с нами, помогают нам, сущности другого порядка, без тела, но с внутренними духовными качествами. Я их очень люблю и всячески стараюсь материализовать. Всегда ощущаю их присутствие. Фредерико на этой выставке был представлен райским садом. Как он говорит, «если превратить мир в цветок, то это высшее счастье». Мы считаем, что в наших силах создать для себя тот мир, в котором тебе будет хорошо, наполнить его прекрасным звуком, прекрасным цветом, чудесными персонажами, прекрасными людьми. И этот твой мир, дом, пространство, космос и будет тем миром, в котором ты живешь.

– Как вы ощущаете себя в современной жизни? Не трудно ли вам?

– Нет, не трудно. Я не нахожусь в конфликте с окружающим миром. Потому что наш мир – это палитра, из которой можно взять нужные краски и звуки и создать свое пространство. Это не значит, что я закрываюсь от социума, просто мой социум прекрасно вписывается в тот мир, который существует. Безусловно, невозможно избежать острых углов, но я не ощущаю такие столкновения болезненно.

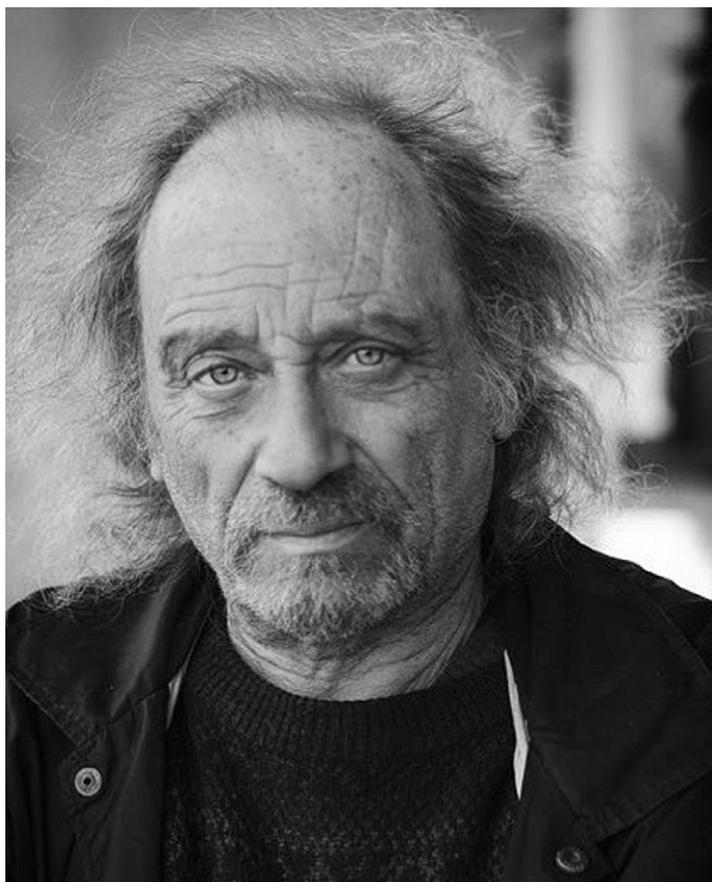
– Вашей любви хватает на всех – и на свою семью, где растут двое детей, и на многочисленных учеников. Как раскрыть в себе источник любви?

– Наверное, основа всего – вера в Бога. Этот внутренний свет, который ты получаешь в моменты откровения, в молитве, в творчестве, не всегда получается удерживать в себе. Когда я путешествовала в Гималаях, это было легко, потому что ты все время находишься в этом свете и готов всем дарить любовь. А при возвращении в более жесткий социум это становится послушанием, которое нужно выполнить. Сначала это просто задача, но постепенно она превращается в колоссальное удовольствие. Ты получаешь от этого силу, любя всех вокруг, и даже тех, кто тебя когда-то обидел. Надо стараться и в этой ситуации воспринимать человека, возможно, даже предавшего тебя, как своего учителя, и посылать ему эти импульсы, эти лучики. Источник любви – он внутри нас, и он у всех периодически открывается. Важно его не терять.

Елена ЕРОФЕЕВА-ЛИТВИНСКАЯ.

«...И в хижине — король»

— Попробуем сделать так: поговорим о том, что для вас наиболее интересно в данный момент, и пусть читатель сам догадается, с кем я веду эту беседу. Итак, почему у музыканта вдруг — картины и живопись?

— Это не вдруг. С 1976 по 1990 год я был учеником Владимира Леонидовича Райкова, человека поливалентного: психотерапевта, врача, поэта, философа, киноактёра. Можно сказать, что у него я прошёл курс истории искусства, впитав всё, что только можно себе представить, соприкасясь с личностью такого масштаба. Наше общение прерывалось и восстанавливалось за годы, обозначившие период от моего возвращения с конкурса королевы Елизаветы, где я взял первую премию, вплоть до моего отъезда из СССР. За эти четырнадцать лет, когда я вернулся победителем, но, вместо того, чтоб отправиться в мировое турне, тут же прочно стал невыездным, мы сходились и расходились с Райковым, он всегда находил меня сам, хотя это бывало нелегко.

Мне нужно было чем-то жить, и я был вынужден зарабатывать себе на жизнь ночным таксистом. У меня были старые «Жигули», и я с напарником вкалывал до пяти утра. Так что помимо курса истории искусства у Райкова я прошёл еще и свой собственный жизненный курс: я считал тогда, что к идеалу — к иконе, к Мадонне — можно придти лишь сложным путём, испив из всех помойных вёдер на свете. Райков убедил меня, что это необязательно, и что путь может быть прямым. Сам он был учеником Фалька. Я получил от него то богатство, впитав которое и стал совсем другим человеком. Тогда я и не помышлял о живописи, не собирался ею заниматься. И в 2007 году, давно живя здесь, вдруг стал писать картины как безумный, с диким упоением... Я тогда же написал письмо Райкову с просьбой разрешить называть себя его учеником и полгода ждал ответа, а его всё не было. И потом пришло письмо, в котором сообщалось, что он умер прежде, чем я это спросил, и ответа не будет. Я позволил себе считаться его учеником самостоятельно. Ведь именно он проложил те рельсы, по которым я теперь еду.

— Как случилось, что лауреат конкурса королевы Елизаветы стал невыездным?

— Очень просто. Пребывание в Бельгии продолжалось два месяца. Я был молодым, здоровым, тридцатилетним мужчиной. У меня завязался роман, который не пришелся по вкусу руководителю нашей советской делегации, меня осудили за аморальное поведение за границей, завели соответствующее досье и поставили на бессрочный контроль, к тому же отказав во всех полагающихся мне поездках и гастролях. Я просидел четырнадцать лет взаперти, как граф Монте-Кристо, зарабатывая на жизнь и ночным извозом, и музыкальной деятельностью: концертировал по Союзу, записывал пластинки.

Главное, меня удерживали напрасно: я никуда тогда не собирался бежать. Если бы у меня была такая задача, я бы не вернулся прямо с конкурса. Но мне это и в голову не приходило, я был насквозь наш. После аварии на Чернобыльской АЭС я попросил в Госконцерте, чтобы меня направили туда. И действительно приехал через две недели после ликвидации пожара, и играл там. Это было веление сердца, реакция нормального человеческого организма: разделить беду, рвануться к тем, кому плохо.

В 1989 году я написал письмо Горбачеву, на которое не последовало ответа. И решил: уеду.

И тут, как это бывает, будто что-то случилось, и всё переменилось волшебным образом: я сразу стал востребованным. Мне предложили серию записей на «Мелодии», я целый год играл в постановке В. Курочкина «Скрипач на крыше» титульную роль, так сказать, потом меня нашел режиссёр Д. Месхиев, предложивший главную роль скрипача Сашки в «Гамбринусе» по Куприну. Им нужен был настоящий скрипач, а не имитатор, как это обычно бывает в кино. Я согласился сниматься, пройдя кинопробы, и поставил свои условия: стать композитором картины — раз, и заменить маленькую белую собачку на большую чёрную — два, потому что у меня в то время была чёрная овчарка Нахта. Так она вошла в это кино, и сейчас я могу её увидеть... Как композитор за сюиту «Гамбринус» я позже получил первый приз на конкурсе в Валенсии. Но всё это не отменило моего решения. В 1990 я выехал с первым за четырнадцать лет концертом в Бельгию и остался здесь.

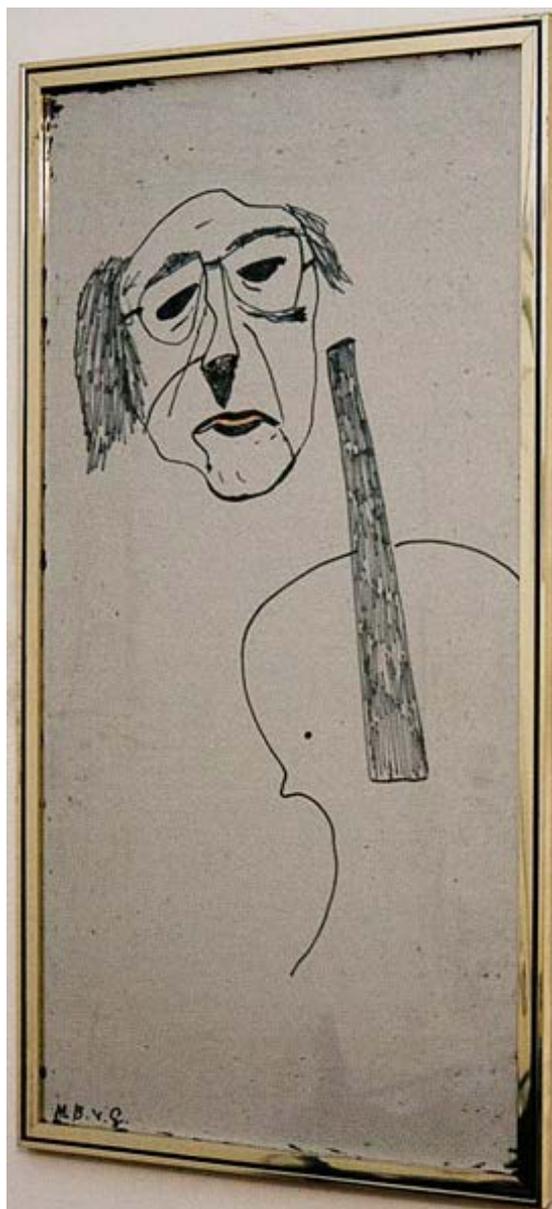
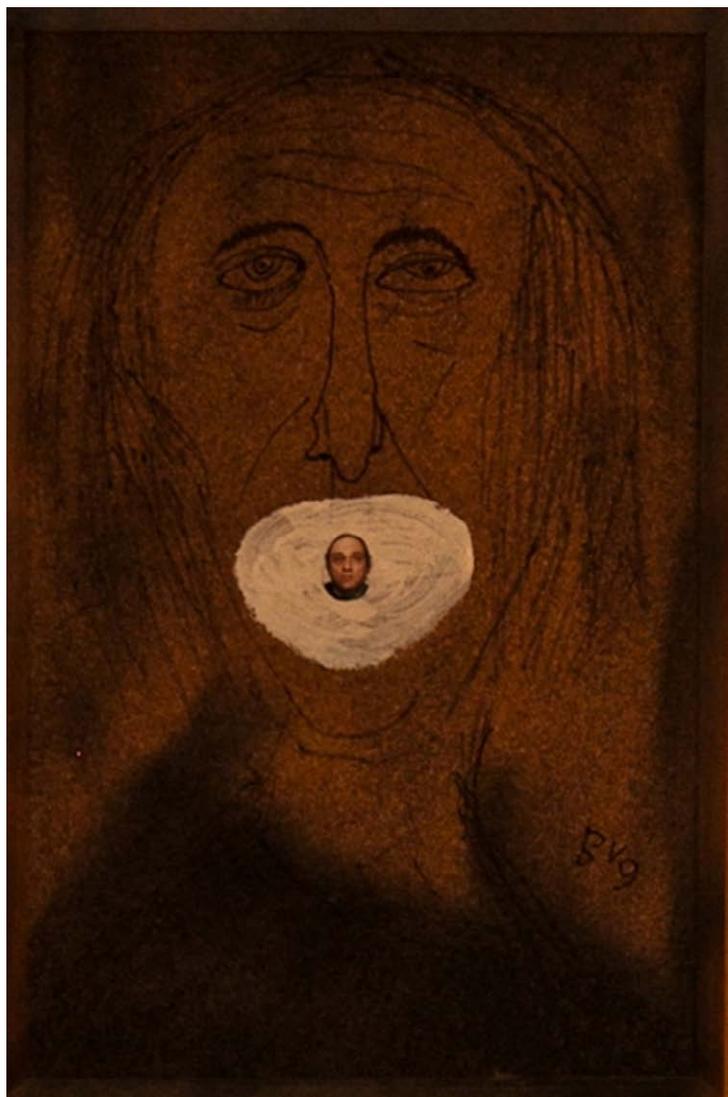

— Скрывать вас дальше нет смысла. Давайте признаемся, что я беседую с лауреатом конкурса Венявского, конкурса королевы Елизаветы и многих других — с Михаилом Безверхним. Как вы думаете, сложилось ли бы что-то иначе, не занимаясь вашей судьбой и карьерой капризный случай и Госконцерт, а будь у вас хороший импрессарио, вроде Сола Юрока?

— Совсем необязательно. У меня бывали самые разные агенты, и толковые, и не совсем. Дело не в них. Музыка не терпит конвейера, когда производство концертов поставлено на поток и втиснуто в рамки обязательств. Каждый концерт требует совершенно индивидуальной подготовки, несмотря на то, что его программа повторяется где-то ещё.

В 1996 году в фильме «Победители» режиссёр Пол Коэн снял нескольких лауреатов конкурса Елизаветы, и меня в том числе, подав их судьбы, как судьбы неудачников, как нечто несбывшееся и проигранное. Если бы я заранее знал, что этот фильм настроен на такой минор, я отказался бы в нём сниматься.

Что считать большой карьерой? Как карьера вообще может быть большой? Есть путь человеческий — от рождения до смерти, а потом есть другой — после ухода, когда продолжается то, что не умерло вместе с художником, когда за ним идёт череда его творений, живущих после него: картины, записи. Потому-то

записи зачастую оказываются важнее погонных метров расплывчатых концертов, и карьера концертирующих не может быть корректно сравнима с карьерой записывающих. Я записал с полной самоотдачей колоссальное количество пластинок и дисков и не чувствую никакого ущерба в своей судьбе.

— **Существует ли проблема устаревания трактовок, эстетики исполнительства, манеры игры? Знакомы ли вам разочарования от прослушивания записей тридцатилетней давности?**

— Наоборот: я настолько предельно выкладываюсь всегда при записи (как и при любом концерте, кстати), что потом, прослушивая, часто удивляюсь и думаю: а смог бы я так сейчас? Но я и теперь выдаю тот же максимум энергии, играю ли я на сцене или на улице. Слово улица здесь — не для красного словца.

У меня много специальностей: я скрипач, альтист, педагог, композитор, шансонье, художник, актёр, дирижёр. Владение профессией предполагает зарабатывание на жизнь посредством своего умения. Среди прочих есть и такая профессия: уличный музыкант. Два года тому назад я вышел на пенсию, будучи доцентом консерватории. К сожалению, закон не учитывает того, что педагог должен перестать быть таковым буквально на пике своего мастерства и в расцвете своего опыта. Смириться с этим я не собирался, я хотел быть свободным от назначенной мне бездеятельности. Поэтому я стал народным артистом в самом прямом смысле слова: вышел играть на площадь. Способ зарабатывания денег профессией никак нельзя приравнять к чудачеству или попрошайничеству. Я играю лучшие образцы классической музыки, в футляре стоит моя визитная карточка, и я, между прочим, достиг той стадии, когда могу на слух отличить достоинство монеты по её звяканью.

Играть *urbi et orbi* — своего рода миссия. Например, полторы тысячи евро, собранные моим концертом в соборе святого Николая в Генте, пошли на строительство уличного туалета в Эфиопии. Для страны, в которой актуальна борьба с антисанитарией и которая нуждается в благоустройстве, — чем это не достойное эквивалентное воплощение музыки, сыгранной людям, зашедшим за нею в церковь прямо с улицы? Я выхожу играть от имени своих учителей и от себя лично, и улица не может меня унижить. Кремона, Шанхай или Лонг-Айленд — какая разница? Утром я завтракаю в Америке вместе с Джимом Уотсоном (биолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине — прим. М.Ш.) по его приглашению, а назавтра играю на площади Гента. Я выхожу играть музыку, а не роль, я везде чувствую себя одинаково, как если бы был королём: я оставался бы им и во дворце, и в хижине.

— **К слову о хижине: в этом же фильме «Победители» участвует некий старенький автобус, приспособленный не то для жизни, не то для музицирования. Расскажите, в чём тут дело?**

— Живя в СССР, где авторемонтные работы выполнять сам и не мог отвыкнуть от этого, даже переехав в Бельгию. Мне нужно было помещение, где я мог бы заниматься ночью, если вдруг возникнет такая охота. Люди не реагируют на джазовую установку, грохочущую заполночь у кого-то в квартире, очевидно, смиряясь с тем, что у соседа в доме праздник, но совершенно не выносят классической музыки в это же время суток и склонны вызывать полицию. Чтобы избавиться от подобных вторжений и разборок, я купил инвалидный пикап, «Ситроен-35», своими трудами поставил его на ноги, то бишь вернул ему способность передвигаться, и приспособил его для занятий скрипкой. Он был мною прекрасно оборудован: обогрев, столик, лежанка — всё, что нужно. Рядом с ним были припаркованы пять моих же «Мерседесов» — я их тогда коллекционировал.

В СССР у меня был ста-а-арый «Москвич», с которым была связана, кстати, одна история. Именно на нём ещё в Москве я приехал на репетицию концерта к очередному съезду партии и запарковал между колонн Большого зала консерватории. Другие приехали позже и поставили свои машины так, что я не мог нормально выехать. Дирижировал тогда Леонид Коган. Он наблюдал, как я освободил машину, съехав вниз прямо по большой лестнице, и сказал мне: «Миша, если вы будете играть так же, как ездите, вы в Бельгии возьмете первую премию». И как в воду глядел, словно напорочил.

— **А действительно, расскажите, как вы получили эту премию?**

— Это целая история. Пока шёл первый тур, в газетах появилась статья о конкурсе с двумя фотографиями в профиль: Леонида Когана и моя. Он был в жюри. И в тексте недвусмысленно давалось понять, что профили наши настолько схожи, что можно почти стопроцентно утверждать: я его побочный сын, которому он покровительствует на конкурсе. Руководитель советской делегации затребовала копию моей метрики о рождении, чтобы дать отпор провокациям. Эта бумага оказалась утерянной или украденной — словом, её не нашли. Представьте, нашим посольством был организован самолёт с единственным человеком на борту, который вылетел в СССР к моей тогдашней жене за оригиналом моего свидетельства о рождении, где говорилось, что я имею отца и мать, и что я безусловно Безверхний, а не Коган. Бумага была представлена, пресса отступила, и было начато невинное опровержение, хотя шрифтом не в пример мельче, чем первоначальная информация к размышлению.

В финал вышла дюжина человек, я играл последним, и после игры нас собрали в небольшой комнатке, где мы должны были ждать решения жюри. Я как-то уже расслабился, отвлекся и сиделся рассказать анекдот одной из конкурсанток, японке, кстати, когда меня похлопали по плечу. Я обернулся. Передо мной открыли дверь и пригласили на выход. Тогда выйти первым и означало получить первую премию. Вот тут у меня перехватило горло. Я шагнул на сцену и пошел вдоль стола жюри, отвечая на рукопожатия. В жюри сидели Франческати, Менухин, Ойстрах... я пожимал их руки и дошёл до Когана. Он встал и негромко произнёс: «Ну, здравствуй... сынок», и обнял меня. Это можно увидеть в хронике, хотя слов не разобрать. Зато видна реакция публики — ведь все читали газеты. Зал притих на мгновение, а затем разразился бешеными аплодисментами. У Леонида Борисовича было прекрасное чувство юмора. Люди оценили ситуацию, хотя не могли ничего слышать, да и не поняли бы по-русски.

— **Есть ли у вас в жизни страсть страшнее музыки?**

— Для меня вообще нет ничего, пересиливающего что-то другое. Я живу по некоей заповеди, усвоенной в результате общения с Райковым: воспринимай всё как первый раз в жизни, но делай так, словно в последний раз. Я следую этому и просто живу так каждую минуту.

Свои картины я пишу прямо пальцами, их чувствительность чрезвычайно высока, ведь что ни говори, пальцы — это я, а кисть — это протез.

Я определил стиль своих картин, как «моментализм» и официально являюсь не только автором термина, но и основателем течения. Картина пишется за один момент времени, неважно, сколько он продолжается, минуту или три часа. Я не в состоянии остановиться, пока я не закончу, пока момент не пройдёт. Инициировать этот момент может что угодно, часто — сама фактура материала, который избираешь для основы картины. Я не конструирую сюжет и смысл, а следую натуре. Если взять, скажем, кусок дерева, на нём есть природные разводы, их можно обозначить, акцентировать, и из особенностей этого узора возникнет картина, которая впоследствии назовёт сама себя, став собственным резонансом, рассказом о себе.

— **Есть среди картин любимцы, с которыми не хочется расставаться?**

— Определённо да, хотя специально об этом не задумывался. Но, наверное, когда на выставках я назначаю каким-то творениям немислимую цену, очевидно не желая им оказаться проданными, это они и есть. Из таких избранных — «Падший ангел», «Женщина и море». Три моих работы находятся в музее *Raccolta Lega* в Болонье, две — в Музее изящных искусств Кремоны. А две картины украли в одной галерее Антверпена. Может быть, этим можно гордиться? И это тоже определённый вид признания?

Я «булгаковец»; знаменитый роман для меня является путеводным, и версию, что Сатана — прокурор на Суде, а Христос — адвокат, я почитаю за правду. Поэтому, когда со мной случается что-то значительное, в музыке, в живописи, в жизни, я знаю, кому быть признательным, и эту благодарность с трепетом и без стеснения произношу вслух.

Майя ШВАРЦМАН

Автор фото — Стейн Стивен

Балет

ПЕРСИДСКИЙ ТАНЕЦ: БЕГ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ СКВОЗЬ ВЕКА

Рассмотрены различные этапы эволюции танцевального искусства в Иране, начиная с древнейших времён вплоть до нашего времени. Выделено семь исторических периодов в развитии персидского танца. Проанализированы движущие силы развития танца каждого периода, а также причины упадка танцевального искусства, периодически имевшего место на протяжении тысячелетий истории иранского искусства. Наиболее подробно рассмотрена эпоха Пехлеви (XX век). Наряду с развитием фольклорной традиции проанализированы пути развития профессионального балетного театра Ирана.

Various stages of evolution of dancing art in Iran – since the most ancient prehistoric times are considered up to our time. Seven historical periods in development of the Persian dance are allocated, driving forces of development of dance in each of them, and also the reason of decline of the dancing art which was periodically taking place throughout multithousand-year history of the Iranian art are analysed. Pahlavi era (20th century) is most in detail considered, for which, along with development of folklore tradition, introduction in Iran professional ballet theater was characteristic.

Постановка научной проблемы. Формулировка актуальности, задач и цели статьи. История иранского танца характеризуется наличием удивительных, в то же время, весьма трагических обстоятельств. За пределами Ирана сведения о зарождении и развитии танцевального искусства весьма ограничены. Частично это связано с политической ситуацией в стране, сложившаяся после Исламской революции 1979 года, которая ослабила интерес к глубокой исследовательской работе в этой области или сделала её невозможной. Другая причина – археологические открытия и раскопки в Иране, совершённые за последние тридцать лет, благодаря которым только сравнительно недавно стало возможным получить доступ к материалам, доказывающим происхождение персидского танца с момента появления культа Митры, то есть около двух тысяч лет до нашей эры.

На основании этих новых данных Иран можно справедливо считать одной из древнейших мировых цивилизаций, которая методично и активно посвящала себя развитию искусства танца. Для этой древней нации танец был важным социальным феноменом и одновременно религиозным ритуалом. Ирония истории и ирония судьбы состоит в том, что с 1979 года, когда произошла исламская революция, эта форма искусства была запрещена в стране, которая когда-то играла важную роль в его распространении и продвижении.

Несколько тысячелетий истории Ирана характеризуются великими событиями, которые повлияли на другие мировые цивилизации и, конечно же, на развитие самого Ирана. Его история содержит в себе периоды величия, а также весьма болезненные и даже абсурдные этапы поражений и разрушений. Безусловно, забытая история персидского танца – это мировое наследие, которому стоит дать новое рождение.

В данной статье предлагается краткий исторический обзор развития иранского

танцевального искусства. Цель статьи – освещение семи разных эпох в развитии танца (от доисторической эры культа Митры до настоящего времени) на фоне решающих событий и ярких эпизодов в истории развития иранского танца, а также изучение причин упадка этой формы искусства.

Изложение основного материала. Культе Митры и происхождение персидского танца

Происхождение и развитие персидского танца как независимого отдельного вида искусства скорее всего стоит увязывать с рождением митраизма и его распространением. Этот культ в основном вращается вокруг древнего представления о солнце в Персии и вокруг божества света, Митры, который является главной фигурой в этой загадочной религии, что распространилась по всей Римской империи в эпоху поздней античности. Многочисленные храмы и изображения легендарного Митры были расположены и обнаружены во время раскопок на трёх континентах древнего мира: в Азии, Африке и Европе. Последнее открытие было сделано в Лондоне в 1954 году, что свидетельствует о том, что этот культ достиг даже такого отдалённого уголка Римской империи, как Британия.

Самым важным ритуалом в этом культе было поклонение Митре, которому жертвовали быка. Этот акт, согласно верованиям последователей этого культа, содействовал энергии жизни. Посвящение в эту веру проходило, помимо других обрядов, через «крещение» в крови быка. Затем следовал ритуальный танец, исполнявшийся мужчинами. Это торжественное действие считается самой ранней известной формой иранского танца, а также источником магического танца античных цивилизаций. Это типично для сакрального персидского танца, который по праву может быть назван «священным».

Самые значимые факты для исследования истории персидского танца можно найти в работе известного греческого историка из Галикарнаса Геродота под названием «Девять книг». Он описывает историю азиатских империй и персидских войн вплоть до 478 года до нашей эры. Геродот несколько раз указывает на культурные и социальные привычки персов и детально их описывает. Он упоминает широкий культурный обмен персов с прочими древними цивилизациями. «Из всех уголков известного (античного) мира самые значимые художники были призваны к царскому двору, чтобы совершенствовать свои художественные навыки в присутствии величественного шаха и его придворных» [2, 305].

Ахемениды: искусство, покровительствующее царской династии

Культурный обмен с древними цивилизациями, особенно с Египтом и Грецией, был довольно обширным и продолжался в течение нескольких веков. В некоторых работах греческих историков “мастера персидского танца” (хореографы и педагоги) упоминаются как выходцы из Древней Греции. Греческие спортсмены, поэты и танцоры охотно отправлялись в Персидскую империю, поскольку их ремесло там щедро оплачивалось. Культурный обмен с другими странами описывается как одна из характерных черт древней персидской культуры, что дало развитие термину “аккультурация”, под которым подразумевается адаптация новых культур.

Это было очевидным качеством для легитимации и выживания империи, которая правила многочисленными нациями от Египта в северной Африке до Индии на Востоке. Это была первая в мире толерантная в отношении религии империя, состоявшая из множества различных языков, рас, религий и культур.

Ахемениды, первая правящая династия Персидской империи, известна несколькими полными энтузиазма царями, которые поощряли продвижение всевозможных видов искусства. Ктесий Книдский, другой греческий историк, писал о популярной и талантливой исполнительнице Зеноне с острова Крит, которая была придворной танцовщицей Арташира II, а также “зеницей ока” шахиншаха [3, 287]. Ещё один греческий историк, Поликет Ларисский, отмечает, что на свадьбе Александра Македонского с бактрийской царевной Роксаной в Сусе, которая продолжалась в течение пяти дней, его развлекали греческие музыканты, певцы и танцоры, состоявшие при персидском дворе [5].

Ктесий также упоминает особый вид персидского танца, который исполнялся в связи с придворными церемониями, в котором принимал участие сам шах. “Правитель в Индии никогда не появляется на публике, если он нетрезв. Но в отличие от него император Персии пьёт вино и отдаётся танцу во время церемоний, организованных в честь Митры” [3, 188].

Французский историк Пьер Бриан пишет в своём историческом труде об империи Ахеменидов о том, что танец был важной частью религиозных празднеств эпохи этой династии и в зороастризме – ещё одной религиозной системе персов, которая существует в мире до сих пор, и на определённом этапе имевшей общемировое значение. Профессор Бриан цитирует Ксенофонта, античного писателя и автора “Киропедии” (описание жизни и правления персидского царя Кира Великого): “Когда Кир проводил традиционные ритуалы жертвоприношения в Персии, он приказывал персам исполнять танец *Kat ate patria*, который отражал обычаи их предков”. Ксенофонт заостряет внимание на том, что этот вид персидского танца был вполне обычен и популярен так же, как и езда на лошадях, потому что “персидский танец, как и спорт, укрепляет мышцы!”

Значение и важность искусства танца у персов упоминается во многих греческих исторических трудах. Существовали разные формы танца, так как они исполнялись на церемониях, ритуалах или на развлекательных мероприятиях. “Для того, чтобы их кони привыкли к жестоким сценам войны, персы исполняли “военный танец”, который заключался в том, что они ритмически били оружием одно об другое и танцевали со своими лошадьми”, “... человек из Мизии исполнял персидский танец, ударяя щитами друг об друга, наклоняясь вперёд и поднимаясь снова. Всё это он дел очень гармонично и под ритмичное сопровождение флейты” [1, 410]. Танец был хорошо развитой и защищённой традицией формой искусства и при существовании других династий Персидской империи, например, в эпоху Парфянской державы и при Сасанидах. Согласно греческим текстам, существовали подробные описания разных форм танца, например, танца огня, танца с мечом и даже танца

с конём, который подразумевал танец в седле.

Ислам запрещает танец

Танец как форма социального поведения и часть персидской культуры существовал подобно древним танцам Китая, Греции и Индии до тех пор, пока арабы не вторглись в Иран. Их новая религия – ислам – запрещала танец, и это подразумевало вымирание и исчезновение древних традиций персидского танца.

Английский историк танца Лили Гроув пишет в своей книге “Танец”, которая была опубликована впервые в 1895 году: “Последователи Мухаммеда и их взгляды, касающиеся музыки и танца, очень ограничили круг развлечений в Персии. При дворе было множество танцовщиц до тех пор, пока правящая династия персидского происхождения занимала трон. Но позже, после арабского завоевания, танец оставили для женщин низкого положения и сомнительной морали или для молодых мальчиков, одетых как женщины” [8, 367].

Века политической нестабильности, гражданская война и оккупация иноземными силами, сначала арабами, а затем монголами, привели к медленному, но устойчивому вымиранию персидского древнего наследия, в частности традиций танца. Помимо религиозного запрета, историческая трагедия и унижение народа стали другой важной причиной для иранцев, чтобы уже самим не одобрять искусство танца ещё в течение долгого времени. После падения Персидской империи, когда страна была разорвана на куски, иранские женщины и молодые девушки были взяты в рабство и продавались на невольничьих рынках новых завоевателей. Их заставляли вступать в сексуальные отношения и исполнять эротические танцы для развлечения этих новых варварских правителей, несмотря на запреты ислама.

Аббасидский халиф Гарун-аль-Рашид в своём личном дворце имел приблизительно три тысячи музыкантов и танцоров, среди которых было много персов, несмотря на то, что музыка и танцы были строго запрещены согласно исламским законам. Известная иранская семья Мовсели были упомянуты как ответственная за развлечения халифа.

На протяжении долгих веков танец считался национальным позором для людей, которые теряли свою культурную самобытность и человеческое достоинство. Ни один иранский мужчина не пожелал бы увидеть свою жену, танцующей в присутствии незнакомого человека. Вот почему отношение иранцев-мусульман к танцам было более консервативным в сравнении с другими мусульманскими странами на протяжении истории.

Суфизм и возрождение танца дервишей сама

Постепенно танец появляется в персидской мистике и в суфизме. Он занял центральное место в литературе и исполнялся религиозными мыслителями. Хафиз (1388), Саади (1292) и Мавлана (1273) были великими персидскими поэтами, которые воспевали танец в своих стихах и использовали эту форму искусства в качестве символа силы жизни. Суфизм рекомендовал танец как духовный инструмент к достижению единения с богом, что является конечной целью этого учения.

Один из величайших духовных мастеров и поэтических гениев персидской литературы Джалал ад-Дин Руми, известный как Мавлана, он – один из самых уважаемых приверженцев суфизма, который сделал танец одним из центральных элементов своей доктрины суфизма. Он родился в Балхи в провинции Хорасан на севере Ирана и переехал на запад, подальше от вторжений монголов. В конце жизни он жил в городе Конья (Малая Азия, ныне территория Турции), где до сих пор находится его мавзолей.

Именно в Конье он создавал и развивал свои идеи, отме-

ченные сильным влиянием спиритизма. В соответствии с представлениями суфизма, Мавлана стоит в центре этой религиозной системы, как великий шейх, духовный лидер, связанный с сокрытой, божественной вершиной, который ведёт своих последователей к невидимым высотам, то есть к бессмертию [6, 38].

Цель будет достигнута посредством исполнения сильного эстетического ритуала с музыкой и танцем в качестве основного элемента. Это выступление называется сама, и представляет собой духовное сближение с Создателем, практикуемое и по сей день. Жан Бёрлин ставил хореографию балета «Дервиши» для «Les Ballets Suédois» («Шведский балет» Рольфа де Маре – труппа, соперничавшая в период после первой мировой войны с балетом Дягилева) в 1920 году, вдохновлённый великим суфизмом и его ритуалами.

Танец – популярная форма искусства при дворе Каджаров

Единственная самобытная форма персидского танца, которая сохранилась на протяжении веков, это фольклорный танец различных иранских фольклорных групп, особенно кочевников. Очень мало танцевальных представлений проходило в больших городах и на публике. Это связано с религиозными предубеждениями и запретами ислама в очень религиозном, традиционном обществе.

Но при дворе Каджаров всё было иначе. Древние танцевальные традиции можно было найти там, особенно среди женщин придворного круга, даже, несмотря на то, что искусство танца не было популярно среди обычного населения.

Однако возвышение Каджаров в 1795 году значило либерализацию отношения людей к танцу, хотя на эту форму искусства сохранялась монополия царского двора. Существуют иллюстрации, а также удивительные зарисовки и тексты в форме мемуаров, официальные заметки, рассказывающие о популярности этих танцев при дворе, а также среди элиты и буржуазных семей. Таким образом, танец постепенно становился модным социальным феноменом, который обычно исполнялся во время развлекательных программ на различных мероприятиях, например, на коронации, свадебных фестивалях и церемониях Новруза (иранское празднование нового года).

В 1998 году Бруклинский музей организовал выставку в Нью-Йорке, где были представлены картины эпохи Каджаров. Некоторые из них изображали танцующих на празднествах женщин или профессиональных танцовщиц, которые развлекали гостей.

Как уже было сказано ранее, иранский народный танец был более развит за пределами больших городов. Лили Гроув, которую мы цитировали ранее, пишет о танце, напоминая тарантеллу. Он существовал в Бузабатте, близ Кашана, и во многом был схож с итальянским танцем. Гроув пишет: «В Персии студент истории танца сталкивается с такими же трудностями в изучении, как и, например, в Шотландии, ибо господствующая религия страны прилагала все усилия для того, чтобы скрыть прошлое, а также запретить любую запись о нём» [8, 12].

Другой английский исследователь танца, Эдвард Гранвил Браун, который путешествовал по Ирану и изучал персидские танцы в конце XIX века, видел народные танцы в провинциях Хорасан и Курдистан. «В некоторых отдалённых районах Персии всё ещё есть танцы, которые ночью исполняют крестьяне. В Тегеране девушки из Грузии работают танцовщицами». Он с восхищением говорит о персидских мальчиках-танцорах, хвалит их «тщательно продуманные движения, сложные позы и осанку, поражающие больше акробатическими умениями, нежели грацией... во всяком случае в соответствии с западными представлениями» [7, 446].

Благодаря заботе и усилиям некоторых иранских мень-

шинств, таких, как иранские армяне или евреи, частица феномена иранского танца была сохранена на протяжении веков среди обычных людей. Очевидно некоторая часть иранского художественного и культурного наследия, включая искусство танца, была бы потеряна, если бы не преданность этих людей уникальным национальным традициям и искусству танца. По сути, иранцы обязаны многим этим меньшинствам, которые в некоторых случаях жили в Иране несколько тысячелетий, потому что именно благодаря им иранское культурное наследие пережило тяжёлые времена нестабильности и социального упадка. Каждая существующая ныне традиция персидского танца сохранена благодаря этим людям.

Эра Пехлеви и модернизации культуры и искусства Ирана

Возвышение династии Пехлеви знаменовало целенаправленную работу по модернизации страны [9]. Это коснулось и искусства танца. В течение нескольких лет предпринималась попытка собрать и развить разные танцевальные стили, от доисторических народных танцев, которые остались от оригинального иранского танца, до современных работ великих западных хореографов, таких как Морис Бежар и Марта Грэм (Грэхем).

История иранского балета начинается с 1928 года, когда мадам Корнели дала свой первый урок классического балета, и заканчивается в 1982 году, три года спустя после исламской революции. Корнели, а затем другие педагоги, такие как Серкис Янбазян и Мадам Елена, занимались с некоторыми детьми из семей высшего класса в Тегеране. Эти педагоги, все армянского происхождения, получили образование за рубежом у европейских балетных мастеров. Позже мадам Корнели путешествовала со своим балетным ансамблем по стране и за границей.

Елена Аветисян, более известная как Мадам Елена, иммигрировала в Иран в 1945 году. Она переехала в Тебриз со своим мужем-персом, где вскоре открыла свою школу танца. В 1962 году она учредила «Ансамбль песни и танца», в состав которого входило полторы сотни студентов. Позже она переехала в Тегеран и организовала новую школу, где создавала балеты с персидским колоритом. «Роза Ширази», «Песня канарейки», «Гульнара», «Портрет патриотки», «Танец огня» и «Фонтаны на площади Фирдоуси» – лишь некоторые из них.

В течение 30-50-х годов прошлого века развился новый вид развлекательного танца. Его корни лежали в танцах эпохи Каджаров, он стал известен как популярный танец или танец диско, если использовать термин нашего времени. Он исполнялся обычными людьми с целью развлечения на частных собраниях и фестивалях. Этот вид танца не имел никаких артистических качеств, но становился всё более и более популярным. Появлялись новые стили, такие как мотреби, ра-хаузи, баба-карам, шатери, тегеруни, которые исполнялись людьми, даже в виде сольных номеров.

В начале 1940-х был основан первый профессиональный иранский танцевальный ансамбль под названием «Возрождение древних иранских искусств». В первый раз в 1947 году этот ансамбль был представлен за границей в гастрольном туре в Турции, Греции, Италии и Ливане. Позже, в 1951-1953 он выступал в Индии и во всех странах Ближнего Востока. Другая иранская группа под названием «Национальный фольклор – музыка, песни и танец» была сформирована в 1958 году министерством культуры и искусств под управлением Неджата Ахмедзаде. Целью её было возрождение, восстановление и развитие всех видов национальных и народных танцев, песен и музыки.

Группы экспертов отправились в деревни и отдалённые провинции Ирана, чтобы собрать материал и сделать глубокое исследование этих форм искусства. Созданные танцевальные коллективы пользовались этими исследовательскими разработ-

ками и с успехом выступали в присутствии государственных гостей Ирана, включая королевские семьи и президентов восточных и западных стран (например, во время визитов королевы Англии Елизаветы II, короля Марокко Хасана II, президента Франции Ш. де Голля, президента Румынии Н. Чаушеску и других).

В 1959 году ансамбль “Национальный фольклор – музыка, песни и танец” участвовал в международном фестивале народного танца в Турции, что стало его первым международным выступлением. Позже в 1964 году труппа совершила тур по Пакистану, Афганистану, Тунису, Марокко, СССР и почти по всем странам Восточной Европы.

Кроме того, ансамбль выступал в течение недели в иранском павильоне на международной выставке «Экспо-1967» в Канаде, а затем на «Экспо-1970» в Японии. В течение 1968-1969 годов он совершил ещё один продолжительный тур по СССР, Афганистану и Тунису.

Всё больше и больше танцев принималось благосклонно в традиционном иранском обществе, а благодаря работе некоторых иранских энтузиастов танец превратился в популярную форму искусства. Неджат Ахмедзаде говорил: “Раньше танец был низшим средством развлечения в иранской культуре. Моя карьера была посвящена тому, чтобы поместить его на культурную карту Персии в качестве вида искусства, где он был когда-то, и где ему следует быть омыне”.

В 1950-х годах были предприняты попытки создать на национальном уровне хорошо организованный балетный ансамбль, который поддерживало правительство. Министерство культуры и искусства пригласило в Иран некоторых балетных мастеров и хореографов из Европы и США, чтобы совместно с ветеранами иранского танцевального искусства создать национальную балетную компанию мирового уровня.

Министерство отправило Ахмедзаде в США, чтобы тот посетил и изучил различные театры и концертные залы. По возвращении он организовал технические, административные и артистические секции в только что построенном тегеранском оперном театре «Рудаки». В это же время была организована при поддержке правительства балетная школа с балетными педагогами, приглашёнными из-за границы.

Ещё в 1958 году по приглашению министерства в Тегеран приехала мадам Нинетт де Валуа с целью организации кампании классического балета, куда позже вошли Энн Кок, Никола Берёзофф, Миро Золян, его жена Сандра Вейн и Марион Инглиш (Деленя), которые стали преподавателями и постановщиками балетных спектаклей.

В 1966 году Роберт де Уоррен был назначен художественным руководителем национальной балетной компании, что выступала в Императорской Опере (театр «Рудаки») в Тегеране, а иранский национальный балет в сущности был сформирован в 1967 году Неджатам Ахмедзаде во время коронационных торжеств в Тегеране по случаю провозглашения императрицей третьей жены шаха Мохаммеда Резы Пехлеви шахини Фарах. Этих торжества почтили своим искусством многие известные артисты, такие как Элизабет Шварцкопф, Иегуди Менухин, ансамбли классического балета Франции, филармонический оркестр Лос-Анджелеса, Московский симфонический оркестр – все они выступали в эти дни в театре «Рудаки» [4, 80].

Когда де Уоррен оставил балетную компанию в 1971 году, чтобы изучать народные танцы, а позже он основал труппу иранского народного танца «Махалли», первая иранская прима-балерина Аида Ахмедзаде (супруга Неджата Ахмедзаде) сменила его на посту директора. Под её руководством в Иран привлекались заграничные продюсеры, был создан разнообразный репертуар при поддержке министерства по культуре и искусству, которое частично спонсировало компанию. Началось сотрудничество с американскими и европейскими танцевальными учреждениями (в Нью-Йорке, Париже, Лондоне и

Брюсселе).

В 1969 году Рудольф Нуриев и Марго Фонтейн посетили Иран и показали балет “Корсар”. В течение того же года иранский танцовщик Биджан Калантари закончил балетную школу театра «Метрополитен-опера» и приехал в Иран. Его сотрудничество с национальной балетной компанией привело к проведению гала-концерта при участии некоторых иранских танцовщиков балета и их партнёров, которые выступали в Европе и США, например, Хайде Чангизян и Али Пурфарух.

Осенью 1969 года Биджан Калантари основал новый балетный факультет в Высшей музыкальной школе Тегерана при поддержке министерства культуры и искусства. Он намеревался обучать танцовщиков разным стилям для поддержки национального балета. Калантари, который сотрудничал с известными хореографами, такими, например, как Серж Лифарь, был человеком, который использовал современную педагогическую систему для продвижения классического балета в Иране. До того, как он вернулся на родину, он работал с балетными компаниями в Далласе, Канзасе, Вене, а также в «Метрополитен-опере». Национальная компания стабильно развивалась: количество танцовщиков возросло с 12 человек до 46, одна треть из них были иранцы.

Очень скоро молодая компания была названа лучшей и самой уважаемой среди балетных компаний Среднего Востока. Она стала известна, в основном, в таких странах и регионах как Азербайджан, Таджикистан, Турция и Египет. Стало считаться популярным и привлекательным быть членом этой компании, даже среди танцовщиков «высшей лиги». Многие заграничные балетные звёзды и прима-балерины, например из московского Большого театра, приглашались для того, чтобы танцевать на премьерах.

Хайде Чангизян, которая училась в балетной школе Мадам Елены, затем в Кёльне и в балетной школе Кировского театра в Ленинграде, была приглашена министерством культуры присоединиться к балетной компании в Иране. В это время она выступала во Франкфурте. Министерство решило поощрять иранских артистов балета, которые были заняты за рубежом, чтобы они вернулись на работу на родину. Вследствие этого Хайде стала прима-балериной иранского национального балета в 1972 году. Среди её лучших интерпретаций – классические балеты, например, Жизель и партия Заремы в “Бахчисарайском фонтане”.

Репертуар компании состоял из классических и современных балетов. Присутствовали новые версии классических постановок, например, персидская история Шехерезады в хореографии Энн Хитон, а не Михаила Фокина.

Были созданы балеты на национальные темы. В 1971 году Роберт Томас поставил современный балет “Миф о создании”, а Аида Ахмедзаде создала балет “Бежан и Маниже”, премьера которого состоялась в 1976 году. Иранские музыканты создавали для балетов новую музыку.

Али Пурфарух сменил Аиду Ахмедзаде на посту художественного руководителя компании в 1976 году. Два года спустя Хайде Чангизян вовсе оставила ансамбль после многочисленных споров с новым руководством, чтобы организовать собственный “Институт балета Хайде Чангизян”, который включал в себя балетную школу и танцевальную компанию. Институт был открыт под защитой “Культурного центра Ниваран”, что способствовало расцвету многих культурных событий в стране. Вскоре Хайде Чангизян начала сотрудничество с Королевской академией танца в Англии и её художественным руководителем, сэром Джоном Филдом. Она стремилась создать новый репертуар, который бы впитал персидские мифологию и литературу. При содействии Королевской академии танца, был устроен показ в Лондоне, и некоторые танцоры были отобраны для работы в иранской компании. Но её проект пришлось закрыть из-за новых политических обстоятельств в стране.

Семидесятые годы – очень важное десятилетие для развития иранских танцевальных традиций. Искусство танца становится всё более популярным, танцы исполняются среди простых людей-любителей. Была сломана монополия высшего класса на этот вид искусства, и танец распространился среди всех слоёв иранского общества.

Успешные иранские композиторы вносили вклад в популяризацию танца. Мелик Асланян создал музыку к балету “Миф о создании” (хореограф – Роберт Томас). Аминутла (Андре) Оссейн (отец французского актёра Роббера Оссейна) написал несколько симфоний, среди них “Персидская миниатюра”, “Я люблю свою страну”, “Персеполис” и “Шехерезада”. Последняя была поставлена с хореографией Георгия Скибина, одного из танцовщиков Дягилева.

В течение этого периода международные звезды балета часто посещали сцену Ирана. Морис Бежар, Элвин Эйли, Марта Грэм, Биргит Кульберг – лишь некоторые из них. Именно поэтому иранская сцена стала престижным центром для этой формы искусства на Среднем Востоке. Великие хореографы вдохновлялись персидским фольклором. Морис Бежар ставил балеты “Фара” и “Голестан”, именно они сделали балет популярным среди иранцев и одновременно с этим по-новому осветили культуру Персии для западного зрителя.

Другие местные компании самых разнообразных направлений также процветали. Например, “Национальный балет парсов” (“Pars National Ballet”), основанный Абдуллой Наземи. Эта труппа была задействована во многих балетных фильмах и часто выступала на иранском телевидении [9].

Исламская революция: танец запрещён

Исламская революция 1979 года обозначила конец успешной эпохи развития танца и балета в Иране. Результат многих десятилетий тяжёлого труда и самоотверженной работы ушёл в небытие, когда к власти пришли фундаменталисты. Национальная балетная труппа была распущена, а её члены эмигрировали в другие страны.

Согласно принципам культурной революции, танец был объявлен порочным делом, даже большим грехом, аморальным и разлагающим деянием. Следовательно, последние признаки танца исчезли из страны, что внесло большой вклад в развитие этого искусства в качестве существования в качестве почитаемого придворного церемониала.

Революция привела к самой большой эмиграции иранцев за всю многотысячелетнюю историю страны. В настоящее время иранская диаспора распространилась по всему миру. Большое число интеллектуалов, художников, писателей, учёных, политиков и других категорий общества приняли решение покинуть страну и жить в изгнании.

Многие направления иранского балета переехали на Запад и распространились по Европе и США. Некоторые стали работать в европейских и американских балетных и оперных театрах. Другие, как Хайде Чангизян, оставили активную карьеру. В 1980 году она организовала балетный вечер “В память о зале «Рудаки»” в Калифорнии. Это было её последнее появление на сцене, после чего она оставила профессию навсегда.

Последний художественный руководитель национальной компании, Али Пурфарух, устроился на работу в западногерманском Эссене в качестве специалиста по балету. Затем он стал художественным руководителем Театра танца в Лонг-Айленде в США и Балета провинции Альберта в Канаде. Лотфи Мансури был генеральным директором Оперы Сан-Франциско до 2001 года в течение двух десятилетий.

К счастью, забвение этой формы искусства в самом Иране не означало абсолютного конца персидского танцевального наследия. Новое поколение иранских артистов балета выросло в диаспоре. Многие молодые иранцы интересовались балетом в

изгнании и учились этому искусству. Некоторые из них: Афшин Мофид и Марьям Медавиани в Нью-Йорке, Ширин Киани в Балете Санта-Барбары, Сюзанна и Фарива Арбабаде в Нидерландах, Медия Медави, Фара Хосрави, Шарзад Хорсанди в Париже, Королевском балете в Лондоне и Баварской опере в Германии.

Есть также некоторые танцевальные группы, созданные за рубежом за прошедшие после революции десятилетия. Все из них фольклорного характера и финансируемы из частных источников. Следствием сложностей экономического характера для многих из них стала характерным потеря качества и коммерциализация данного вида искусства. Одним из счастливых исключений являются усилия американского исследователя танца и знатока доктора Энтони Шая. Он – один из ведущих экспертов персидского народного танца и сделал несколько постановок в своём Международном театре танца «Аваз» в США.

Танец как форма искусства был запрещён в Иране после революции. Тем не менее, тот факт, что танец является человеческим феноменом, нельзя было забыть навсегда. Несмотря на запреты, на частых встречах танцы исполнялись, как и прежде, даже если это нарушение каралось наказанием.

Попытки реформ в последние годы приводили периодически к либерализации в обществе. Женщинам разрешалось преподавать искусство танца временами, но только женщинам. Ни один мужчина не имел право заниматься или хотя бы наблюдать за тем, как занимается танцами противоположный пол.

Дальнейшие перспективы исследования. В первый раз за двадцать лет после революции иранский журнал “Молодой Иран” опубликовал в марте 2000 года статью, где осторожно обсуждались вопросы, касающиеся танца и нужды общества в артистическом самовыражении. Автор открыто пытался сослаться на религиозные вердикты, позволяющие, по его мнению, сделать танец легальным. Заголовок статьи был такой: “Я желаю танцевать среди людей посреди площади!” Пока это единичная попытка, но, возможно, этот слабый «привет» - только начало? [9]

Начало нового тысячелетия обозначено новым продуктивным периодом развития персидского танца. Иранское общество постепенно выходит из-под строгих запретов и ограничений ортодоксального ислама. Новое поколение иранцев проявляет всё больший интерес к различным формам развития светского искусства и культуры. История иранского танца может казаться весьма печальной, но это определённо незаконченная глава книги. Новые поколения иранцев, которые надеются на лучшее будущее для себя и своей родины, начинают комплексно исследовать иранское наследие, пережившее тысячелетия иностранной оккупации, разрушения и нетерпимости. Новое поколение, неутомимое в стремлении и борьбе за свободу, борется на включение иранского искусства, насчитывающего тысячелетнюю историю, в международное культурное сообщество.

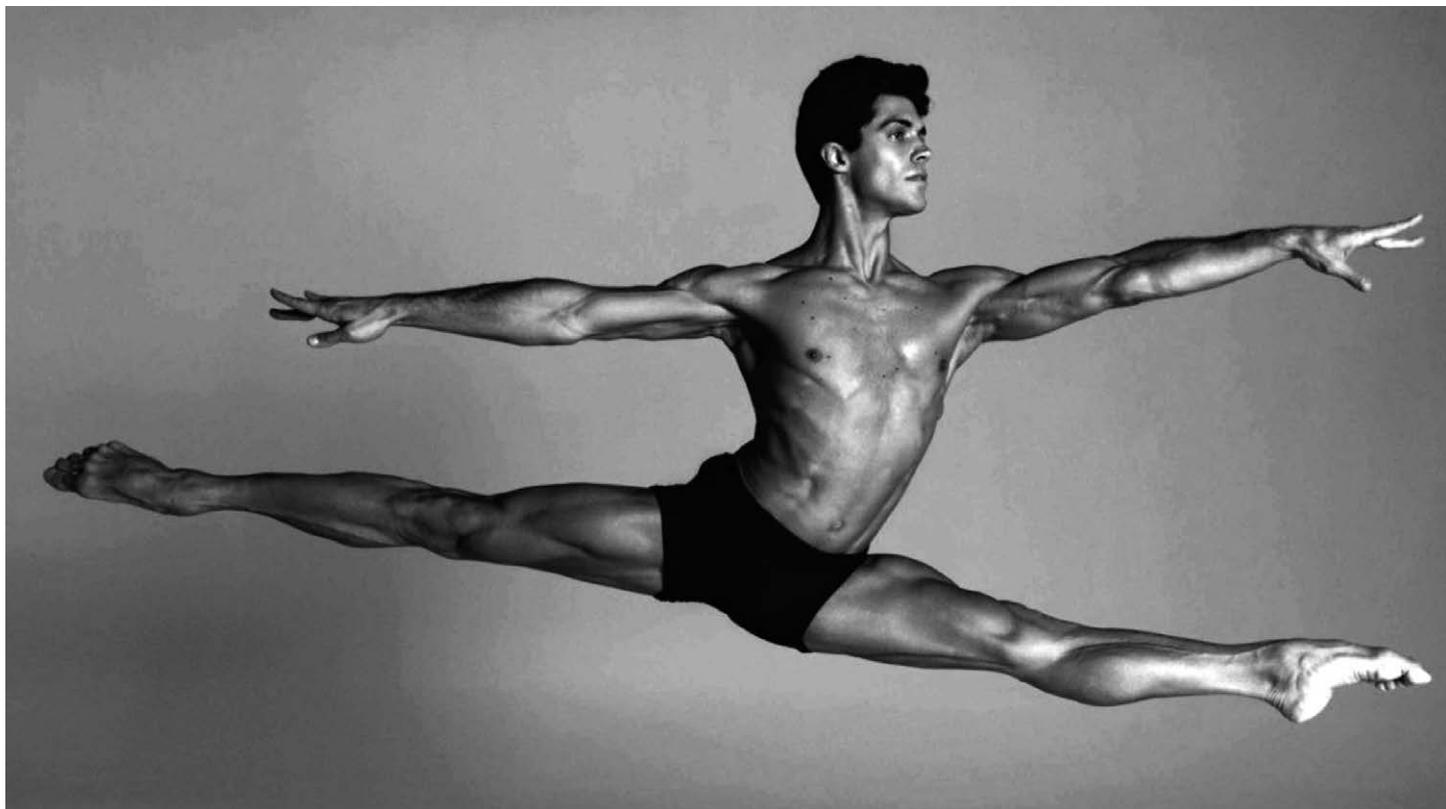
Александр МАТУСЕВИЧ

Литература:

1. Бриан П. Дарий в тени Александра. – М.: Вече, 2007. 448 с.
2. Геродот. История в девяти книгах. – Л.: Наука, 1972. 600 с.
3. Ктесий. О Персии. Об Индии. // Древний Восток в античной и раннехристианской традиции. – М.: Ладомир, 2007. 642 с.
4. Матусевич А. Забытый театр в сердце Азии. // Музыкальная академия, № 1, 2014. – 79-82 с.
5. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. – М.: Наука, 1994. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krotov.info/acts/02/plu/tarh_00.htm
6. Руми Д. Дорога превращений: суфийские притчи. – М.: Оклик, 2009. – 380 с.
7. Browne E. G. A Literary History of Persia. – Bethesda, MD: Ibex Publishers, 1997. 586 p.
8. Grove L. Dancing. – L.: Longmans, Green and Co., 1907. – 454 p.
9. Kiann N. Persian dance and its forgotten history. // Iran Chamber Society, 2002. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.iranchamber.com/cinema/articles/persian_dance_history01.php

Роберто БОЛЛЕ

О любви, красоте и таланте

Этуаль театра Ла Скала и звезда Американского театра балета в Нью-Йорке, где он недавно танцевал Ромео, Роберто Болле, родился в Пьемонте, но в настоящее время представляет красоту Италии по всему миру.

Роберто Болле был выбран итальянским изданием журнала *Vanity Fair* в качестве посла итальянского таланта для серии различных мероприятий в честь десятилетия журнала *Condé Nast*. Ежедневник в лице его руководителя Лука Дини попросил фотографа Фабрицио Ферри снять небольшой фильм *Passage* с Роберто Болле и Полиной Семионовой. Данный отрывок был показан в Венеции во время фестиваля кино на эксклюзивной вечеринке *Vanity Fair*.

По этому случаю Роберто ответил на несколько вопросов касаясь того, как он ощущает жизнь, как относится к Ромео и – в предвкушении его тура “Роберто Болле и друзья” в Нью-Йорке в рамках года итальянской культуры в США – о том, что он думает о фильме Фабрицио Ферри.

– Когда вы говорили о фильме, что вы сделали совместно с Фабрицио Ферри, вы сказали, что это ваш портрет, но вы не были уверены, как всё получилось. К настоящему моменту вы уже представили фильм в Венеции. Какой образ самого себя вы увидели в нём?

– Больше, чем мой портрет, это портрет каждого, кто ищет себя. Фильм разделён на две части: сначала мы видим бегущего в театральной манере отчаянного мужчину. Мы не знаем, убегает ли он от чего-то или ищет что-то. Во второй части он идёт через тёмную дверь и оказывается в совершенно ином пространстве: льёт дождь, а мужчина начинает танцевать па-де-де с балериной. Скажу, что этот фильм – метафора нашей жизни, где мы ищем смысл, то, чего нам не хватает. А находим этот смысл в любви.

– Фильм снимался как часть инициативы *Vanity Fair Italy*, посвящённой талантам. Что значит для вас талант, и какой совет вы дадите по его развитию?

– Талант – это дар, который получают многие люди, и нужно распознать его и беречь. Но это значит много жертв, обязательств и любви по отношению к нему, прежде чем он начнёт приносить плоды.

– Вы повзрослели очень быстро и принесли много жертв. Что вы можете посоветовать молодым людям, которые боятся не достичь желаемого?

– Верить в себя, в свой потенциал, найти в себе силы продолжать двигаться и развивать свой талант. Очень много талантливых людей. Мы можем следовать их примеру, и я очень горжусь, что меня выбрали в качестве одного из таких личностей, так как я много чем пожертвовал ради своего таланта. Я советую молодым людям вдохновляться примером этих людей и реализовывать свои мечты.

– Могут ли жертвы возместить недостаток таланта?

– Не совсем. Чтобы достичь совершенства, необходимо сочетать в себе два элемента: талант и жертвенность. Преданность делу может помочь добиться значимых результатов: люди с великой любовью и привязанностью, которые не столько талантливы, приверженностью и терпением осуществляют свои мечты. Но чтобы стать по-настоящему выдающимся, да, нужен талант.

– Вы говорили, что характеристики, присущие итальянцам (культура, чувство искусства, элегантность, гармония, красота, страсть, способность выражать эмоции), являются благом для вашего творчества, что эти качества расцениваются позитивно во всём мире. Вы также говорили, что критика в сторону вашей страны вас беспокоит. Что не хватает Италии сегодня, если не брать во внимание эти характеристики?

– Италии не хватает многого. Необходимо изменить сознание итальянцев, но прежде всего менталитет тех, кто руководит. Я думаю, за последние двадцать лет, независимо от политических партий, было слишком много людей у власти занятых своими делами, нежели делами страны, и это повлияло на граждан. Даже в них я теперь вижу недостаток идеалов и ценностей... мы наблюдаем тенденцию жить только исходя из своих интересов. Это очень ограниченная и эгоистичная точка зрения.

– Назовите, чем вы гордитесь в Италии, и что вас раздражает?

– Я горжусь красотой Италии: от нашего артистического и культурного наследия до красоты нашей природы, образцов искусства, это неоспоримо, это наша козырная карта.

Я не люблю то, о чём мы говорили ранее, неспособность управляться с этой красотой, показать её истинную ценность и правильно оценить то, что есть в Италии.

– Назовите ваши три любимых фильма или просто три фильма, которые вы бы рекомендовали посмотреть.

– Не знаю на счёт любимых, но я бы посоветовал три фильма, которые я недавно посмотрел во время путешествий между Шанхаем и Нью-Йорком. Я смотрю фильмы только в это время. “Джанго” Тарантино, “Арго”, “Ромео + Джульетта” Лурмана прекрасны, на мой взгляд.

– Чему важному научили вас родители?

– Ценить жертвы и иногда отказываться от чего-то, чтобы отдать другому.

– Официально, вы воплощение Ромео по всему миру. Какие черты его характера есть у вас, а каких нет?

– Я себя ассоциирую с этим персонажем по многим причинам: я слишком романтичный, впечатлительный, добрый и страстный. То, что отделяет меня от него, это то, как он испытывает различные чувства во всепоглощающей манере. Да, мы живём в другом мире. Сейчас у нас у всех барьеры, мы под контролем, тогда как Ромео мог проживать каждое из своих чувств тысячу раз.

– Нью-Йорк как плавильный котёл, где смешиваются различные культуры: что от Италии вы можете найти здесь?

– В Нью-Йорке у меня очень много друзей-итальянцев, было здорово увидеть их здесь опять. Но, как вы сказали, Нью-Йорк отличает необыкновенная смесь культур, и я наслаждаюсь этим, особенно с теми, с кем я нахожусь тут.

– В журнале Vanity Fair вы сказали, что привнесёте в Нью-Йорк итальянскую элегантность, потому что здесь, в США, ужасно одеваются. Что бы вы никогда не надели и без чего вы не можете обходиться?

– В моём чемодане всегда находится пара джинсов, потому что я люблю одеваться практично. Джинсы, кроссовки и футболка: это то, что выглядит хорошо, и, кроме того, удобно. Не знаю, что бы я никогда не надел. Я не очень экстравагантный, поэтому я не люблю очень цветастые вещи или вещи с какими-нибудь необычными разрезами.

– Пару от Крокс?

– (Смеётся) Ну, если бы они были очень удобными! Но, думаю, это слишком, я никогда не покупал их. Например, есть бархатные балетки для мужчин, вот их я бы никогда не стал носить, никогда!

– Вы суеверны? Если да, то расскажите об одном из ваших ритуалов по привлечению удачи.

– Я стараюсь не быть суеверным в театре, есть риск стать слишком зависимым от этих процедур: вы делаете что-то до спектакля, если он пройдёт хорошо, вы это повторяете. Я намеренно стараюсь менять последовательность своих действий каждый раз, потому как не хочу привыкать к этим вещам.

– Ваша работа подразумевает ежедневные тренировки, даже на отдыхе, но что вы можете себе позволить, когда хотите расслабиться?

– Этим летом, несмотря на свои обязательства, я не отказался от отдыха и взял отпуск на три недели. Я провёл неделю на яхте с друзьями. Я люблю море и водную стихию, краски природы, синий, лазурный. Я люблю свободу воды и то, как она воскрешает меня, возрождает.

– Никаких провинностей даже на отдыхе?

– Может быть, тёмный шоколад: это то, от чего я не могу отказаться.

– Если бы вы не были танцовщиком, кем бы вы стали?

– Актёром или, может быть, пловцом.

Мы попросили итальянского героя Роберто Болле рассказать нам, что значит для него романтика с помощью пяти итальянских песен. Он выбрал эти песни для воображаемого плейлиста итальянской любви. “Эти песни знаковые, они сопровождали меня в важные моменты моей жизни. Они первые пришли мне на ум. Мне не хотелось долго думать, я руководствовался инстинктом”.

Insieme – Mina

A Te – Jovanotti

Il regalo più grande – Tiziano Ferro

E penso a te – Lucio Battisti

Caruso – Lucio Dalla

Источник: www.swide.com

Перевод Юлии ПНЕВОЙ

Дух и буква

Виталий Ковалёв

Стихи начал сочинять в 3-х летнем возрасте, когда еще не умел писать. В Союзе всегда считал, что поэзия - это хобби, но никак не профессия. Тем не менее, в разгар перестройки издал в Москве два поэтических сборника.

В Америке пишу на заказ стихотворные и прозаические произведения, (к дням рождения и другим важным событиям), биографические рассказы, мемуары, послания потомкам, а также сказки для детей. При необходимости оформляю выполненную работу как поздравительные адреса, брошюры, или как публикации в газетах.

ПАДЕЖИ

Как у наших падежей
Шесть отдельных этажей.

*Именительный в квартирах
Расселяет имена:

Петя, Таня, Ваня, Ира,
Телевизор, стол, стена,
Снег, вода, деревья, солнце,
Рыбка, озеро, оконце,
Море, книга, пароход,
Дверь, дорога, переход,
Крокодил и Чебурашка,
Пёс Барбос и Бармолей,
Птичка, пташка и букашка,
Соловей и воробей,
Помирод, пирог, картошка,
Макаронны, вкус и цвет,
Вилка, ложка, киска, кошка,
Песни, музыка, балет...
Кто и Что? – вопросы здесь,
А ответов всех не счесть.

*Вот родительный этаж,
Здесь полным-полно пропаж,
Но родительный падеж,
Как младенец, чист и свеж,
Не теряет он надежд,
Ищет он всегда ответ,
Всё на месте, или нет.
Проверяет: нет Кого?
Проверяет: нет Чего?
Нету Маши, Даши, Коли,
Дяди Бори, тёти Оли,
Снега нет и парохода,
Нету выхода и входа,
Рыбки, озера, оконца,
Книги, света, неба, солнца,
Занавески нет, картины,
Нет дивана, нет корзины,
Фруктов нет и овощей
Нет народа и вещей...
Может спрятались куда-то?
Где же их найти, ребята?

*Дательный падеж - этаж,
Где, что хочешь всё отдашь,
Или просто сдашь в багаж,
Одолжишь, или продашь,
Надо только знать: Кому?
Или, может быть: Чему?
Маше, Даше, Свете, Коле,
Эвелинке, Саше, Оле,
Роме, Вадику и Вове,
Дому, скатерти, корове,
Обезьяне, попугаю,
Январю, июню, маю,
Скородке, кухне, чашке,
Чаю, яблоку, ромашке,
Рыбке, озеру, оконцу,
Книге, свету, небу, солнцу,
Занавеске и картине,
Кошке Мурке, тете Зине,
Песне, пляске, волейболу
И собачке Ореолу... -
Всем и обязательно
Всё отдаст наш дательный!

*Вот этаж номер четыре,
Тут в любой его квартире,
Есть Кого и Что винить,
Или отблагодарить.
Будьте очень бдительны -
Здесь падеж винительный.
Он не всех подряд винит,
Если надо – защитит.
Машу, Дашу, Сашу, Федю,
Волка, тигра и медведя,
Дом, машину, землянику,
И малину, и клубнику,
Шашки, карты, домино,
Телевизор и кино,
Суп, картошку, простоквашу,
Пироги, варенье, кашу,
И окошко, и гардины,
Дядю Ваню, тётю Дину,
Чайник, вилку, сковородку,
И потерю, и находку...

*А на пятом этаже
Тоже кто-то есть уже.
Как ни удивительно,
Здесь падеж творительный.
С Кем угодно, с Чем угодно
Может чудо сотворить,
Сделать умным, добрым, модным,
По душам поговорить,
Восхищаться может чем-то,
Восторгаться может кем-то:
Ваней, Таней, Фаней, Машей,
Линой, Диной, Ромой, Сашей,
Молоком, водою, кашей,
Пловом, хлебом, простоквашей,
Помидором, апельсином,
Дядей Стёпой, тётей Зиной,
Морем, кораблём и лодкой,
Пешеходом и походкой,
Домом, выходом и входом,
Человеком и народом...

*Наконец, этаж шестой.
Он, ребята, не простой.
Проходите осторожно,
Здесь живет падеж предложный.
Он, конечно, вам знаком,
Кто ж его не знает...
Говорит он нам о Ком?
И о Чём мечтает?
Об успехах и победах,
Куклах и велосипедах,
И о сказочном полёте
На ковре, на самолёте,
Он расскажет вам о Маше,
О Сереже, о Наташе,
И о Роме, и о Саше,
И о Лине, и о Даше...
Об учебе, о погоде,
О малине в огороде.
На вопрос ответит "Где?"
В доме, в космосе, в воде...
Всё, что только можно,
Знает наш предложный.

Рассказик для Линочки к дню её рождения.

КОТЁНОК

Это было в Сочи. В то время мы жили в просторной трёхкомнатной квартире с большой застекленной лоджией. Места было вполне достаточно, чтобы поселить рядом с нами ещё какое-нибудь живое существо: кошечку, или собачку. Дети, Надя и Виолетта, давно мечтали об этом. Я вяло сопротивлялся, хотя и понимал, что рано или поздно дети добьются своего.

И вот в один прекрасный день мои детишки притащили с улицы какого-то заморыша. Это был еле живой крохотный котёночек. Мы не знали, что с ним делать.

– Давайте отдадим его Алле Захаровне, - предложил я. – Она живет в частном доме, у них большой уютный двор. Там котёнку будет хорошо.

– Нет, нет, папочка, - запричитали дети. – Пусть остаётся у нас.

– А кто будет за ним ухаживать? Его надо во время кормить, за ним надо убирать его какашки.

– Мы будем всё делать! – дружно пообещали девочки.

– Хорошо, пусть остаётся, - уступил я. – Но если от него в нашей квартире будет грязь и неприятный запах, мы отдадим этого котёнка Алле Захаровне. Согласны?

– Да! - не раздумывая согласились детишки.

Котёнок словно этого и ждал. Он тут же на радостях сделал посреди комнаты огромную лужу. Откуда только взялось такое большое количество мочи в крохотном существе? Это был первый опыт, который он поставил над нами.

Шли дни. Котёнок рос и становился всё более изобретательным. Он научился справлять свои естественные надобности в самых неожиданных местах: за шкафами, под диванами, кроватями, в обувнице и даже... в моих тапочках. Этого я спереть не мог.

– Если что-нибудь подобное повторится ещё раз, я утоплю этого паршивца, как Герасим утопил свою Муму, - вскричал я. – Или отдам его кому-нибудь.

Дети молчали. Им тоже не нравились скверные привычки нашего питомца. Однако, надежда, что котёнок изменит

свой характер к лучшему, всё ещё не покидала всех нас. Я успокоился, но всё же на всякий случай созвонился с Аллой Захаровной и убедился, что она не передумала завести в своём доме котёнка.

Буквально на следующий день наш котёнок навалил целую кучу какашек прямо возле входной двери. В конце рабочего дня я забежал на пару минут домой, вступил в эту кучу и чуть не упал. Схватив котёнка за шиворот, я посадил его в сумку, позвонил Алле Захаровне на работу и сказал, что могу принести ей котёночка прямо сейчас. Сказано - сделано. Я отдал паршивого котёнка, как говорится, “в надёжные руки”. Возвращаюсь домой, а мои детки встречают меня со слезами на глазах.

– Папа, зачем ты утопил котёночка?

– Я отдал его Алле Захаровне.

– Ты не утопил его? - с недоверием в голосе спросила Надя.

– Конечно, нет. С чего вы взяли, что я его утопил?

– Ты сам вчера сказал, что утопишь, как Му-му. А соседка сказала, что ты понёс котёнка в сторону моря.

Я рассмеялся. Потом мы позвонили Алле Захаровне. А в субботу мы поехали в Леселидзе, где жила Алла Захаровна с мужем и двумя маленькими детьми.

Во дворе их дома важно по-хозяйски прохаживался наш, теперь уже не наш, котёнок.» То, что написано после этих слов, относится к сказке «КОГДА Я ЕМ, Я...

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Деепричастия обозначают добавочные действия и отвечают на вопросы: что делая? или что сделав?

Предложения с деепричастиями и деепричастными оборотами:

*Вот гуляет Винни-Пух,

Тихо рассуждая вслух.

*Зайчик вышел из трамвая,

Громко песню напевая.

*Крокодил, на пляже лежа,

Очень напугал прохожих.

*Крокодила увидав,

Убежал домой удав.

*Мимо дуба пробегая,

Он увидел попугая.

* Попугай, взмахнув крылом,

Скрылся где-то за углом.

* Я по улице иду,

Засыпая на ходу.

Деепричастие имеет признаки глагола и наречия.

Глагол — самостоятельная часть речи, которая обозначает действие, состояние, отношение и отвечает на вопросы что делать? что сделать?

Например: писать — написать, работать — поработать, экономить — сэкономить,

учиться, соревноваться, объединяться, встречаться.

Наречие обозначает:

* признак действия и состояния (говорил медленно, смотрел внимательно, сидя спокойно),

* признак признака (очень яркий, страшно нервный),

* признак предмета (яйцо всмятку, взгляд исподлобья),

* а также различные обстоятельства, при которых совершается действие (приехал вчера, сделать назло).

СКАЗКА

«КОГДА Я ЕМ, Я...»

Зайчик пришел к Ослику в гости как раз к обеду. Сели они за стол, и Зайчик принялся с аппетитом поедать всякие лакомства. Сидит, жуёт и помалкивает, на вопросы Ослика не отвечает, только головой кивает да плечами пожимает.

- Погода сегодня хорошая, - говорит Ослик. Зайчик машет головой, соглашается.

- Как думаешь, дождя не будет? - спрашивает Ослик. Зайчик плечами пожимает.

- Зая, ты что обиделся на меня? Почему не хочешь поговорить со мной? - удивился Ослик.

Зайчик поперхнулся, откашлялся, а потом отвечает: "Когда я ем, я глух и нем".

Сидят они молча, обедают. В это время в дверь позвонил Ёжик.

Ослик открыл дверь и пригласил Ёжика к столу. Сидят они втроем. Зайчик молчит, а Ёжик всё время новости всякие рассказывает. Бедный Ослик уж и не знает, что делать: молчать или разговаривать.

Ёжик заметил неловкость своих друзей и спросил:

- У вас горе какое-то случилось? Почему вы молчите?

- Когда я ем, я глух и нем! Это моё правило, - ответил Зайчик.

- А у меня другое правило, - весело засмеялся Ёжик. - Когда я кушаю, я говорю и слушаю!

- Твоё правило неправильное, - сказал Зайчик.

- Нет правильное, потому что правило не бывает неправильным.

В это самое время в дверь опять кто-то позвонил. Ослик обрадовался и громко закричал:

- Войдите! Открыто.

- Вхожу, - на пороге появилась Сова, - приветствую вас, друзья.

- Привет, Сова! - дружно осветили Ослик, Зайчик и Ёжик.

- О чем вы спорите? Вас даже на улице слышно.

- У меня правильное правило: Когда я ем, я глух и нем, - ответил Зайчик, - а у Ёжика неправильное правило: Когда

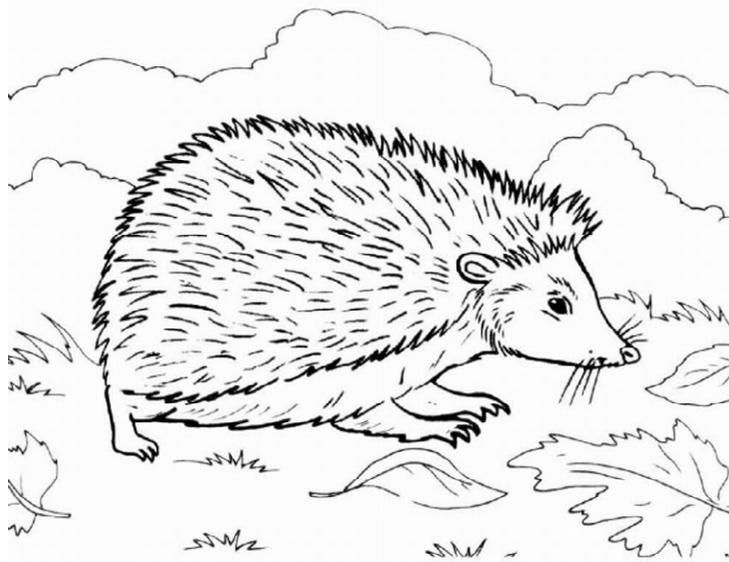
я кушаю, я говорю и слушаю. Вот мы и спорим... А ты как думаешь, Сова?

- Я думаю, что оба правила правильные. Когда вы торопитесь куда-то и вам не до разговоров, надо есть молча. Но если вы пришли в гости, чтобы пообщаться, то можно и кушать, и говорить, и слушать.

- Да? - удивился Зайчик. - Но ведь, если говоришь во время еды, то можно подавиться.

- Такое может случиться, если ты торопишься что-то сказать, не проглотив пищу. Если вы кушаете, не забывая рот едой за обе щеки, и, разговаривая неспеша, вы можете получить удовольствие и от еды, и от беседы.

После такого разъяснения Ослик, Зайчик, Ёжик и Сова продолжили свой дружеский обед, весело общаясь. Все они остались довольны.

ПРИЧАСТИЕ

* Причастия обозначают признаки предмета по действию и отвечают на вопросы: какой? какая? какое? какие? Например: сверкавший, светящийся, радующаяся, приготовленный, палящее, смеющиеся.

Предложения с причастиями и причастными оборотами:

*Шёл по лесу Винни-Пух,

Тихо рассуждавший вслух.

*Зайчик, распевавший песню,

Оштрафован был на месте.

* Крокодил, в воде лежащий,

Был совсем ненастоящий!

* Испугавшийся удав

Был, конечно же, неправ.

* Попугай, на дубе спящий,

Был к тому же говорящий.

* Он принёс мне эту весть,

Вам рассказанную здесь.

* Человек, в толпе бегущий,

Оказался отстающим.

Причастие совмещает в себе признаки: 1) глагола, 2) прилагательного.

Как и глагол, причастие связано с действием предмета и может иметь настоящее и прошедшее время, например: Девочка читающая книгу. Девочка, читавшая книгу.

Как и прилагательное, причастие обозначает признак предмета и отвечает на вопросы: какой? какая? какое? какие?

* Причастия делятся на: действительные и страдательные.

Например: 1) Девочка, читающая книгу. Книга, прочитанная девочкой.

ДУХОВНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Не следует мудрствовать, а надо просто и здраво толковать иносказательность в доступное понимание.

Многие, так сказать, служители культов, их адептов и людей с классическим образованием почему - то негативно относятся не только между собой, но и они негативно относятся к интересным духовным изысканиям. Все потому, что такие люди не хотят принимать простых, но довольно здоровых и логических толкований именно вдохновенных текстов, и иных духовным творческих трудов, в частности по этой же Библии. Все они в своих интерпретациях текстов, а чаще принимая только букву писания, почему -то с нападками и оскорблениями относятся к тому, о чем толково объясняют другие люди или каким духовным промыслом они занимаются.

Так вот давайте вы самостоятельно и логически соотнесите интересные толковые объяснения небольшого текстового материала от начала Ветхого Завета и как это представляют фанатики, которые стоят за букву писаний или нелепо их интерпретируя. Прежде всего мы с вами должны согласиться, что стихи в Святом писании написаны по вдохновению, проще они не буквальны только тексты, а духовные. Надеюсь вы различаете духовное от буквального представления. Пусть каждый, кто прочтет этот материал сам для себя определит, где же здравость и толковая интерпретация, а где нелепый фанатизм.

Если некто желает опровергнуть и при этом здраво предоставить свою версию толкования небольшого текстового материала от начала Ветхого Завета, то готовы провести дискуссию по этому и опубликовать в нашем издании.

Итак, есть утверждение, что Адам был изначально рожден с мертвой душой и его господь был дьявол, а рожден он был в аду, но в том еще реальном представлении ада.

Чем это объясняется?

Прежде всего сотворение Адама из праха земного - эта метафора, а именно в соотношении, кто из какой земли слеплен или из какого теста так сказать, но которая свидетельствует, кто из какой земли РОДОМ и как он с этим соотносится уже сознанием по духу. Вы надеюсь понимаете, что прах земной или пресное тесто соотносится с мертвым, то есть глина - эта не плодородная почва.

Только когда добрый садовник взял к себе в земли обитаемые - живые, а именно в Эдемский сад Адама и очистив его падшее сознание, а просветил в истинном, (вдохнул в лицо его дыхание жизни) вот только тогда Адам и стал называться душою живою! Хотя Адам биологически даже и в своем месте рождения был живым. Адам и Ева были наги, но в раю они не стеснялись этого, прошу это запомнить!

Когда же их искусил египетский горожанин от линии Сета, а именно у которых и был тотемом змей, то у этого же Адама душа снова стала падшей. Заметим, что биологически Адам опять остался живым, на что и рассчитывал тот «змей», мол, не умрете, но откроются у вас глаза. Если человек не понимает, как по духовным критериям определять душу живую и падшую, а он только воспринимает это буквально или биологически, то такой действительно ничего в духовном мире не понимает и потому нелепо упирается в букву, хотя может видеть в реальности духом падших людей - порочных и с душою живой - добросовестных и честных людей с высоким моральным духом и с моральными принципами. Такие судят об этом не духовно, а по биологическим признакам и не принимают здравого, но духовного соотношения, но я постараюсь в этом просветить.

Итак, когда городской египтянин от линии Сета совратил сначала Еву, а потом к этому разврату причастным стал и Адам, то у них и произошел переворот в сознании. Эти плоды блуда были запретными и вели к пороку - греху. Как следствие они опять стали душою падшею и их сознание перевернулось, как им и говорил божий садовник, то есть он им сказал духовные правила или закономерности, которые происходят в отличии от буквальных закономерностей АВТОМАТИЧЕСКИ!

Почему же Адам и Ева увидели, что они и видели, а именно наготу, но если они этого раньше не стеснялись, то вдруг стали этого стесняться, а именно по этому признаку божий садовник

определил, что они нарушили с ним договор, об не вкушении таких запретных плодов?

Все просто, в те времена многие люди не носили руковорных одежд, а считали их кожный и волосной покров их естественной одеждой! (даже в 20 веке огромное количество народностей в Африке, Азии, Южной Америке, Австралии не носили одежд, а так и считали) Тогда, как уже в те времена, (времена Адама и Евы) городские жители считали уже руковорные одежды естественным атрибутом одежды! Как известно человек с иным сознанием и из иного бытия если причащает кого-то к своему уже сознанию и бытию, то происходит у тех, кто стал к этому причастен, переворот в сознании и они принимают уже их мировоззрение (как глаза у таких открываются с иной стороны). Естественно такие начинают чувствовать себя уже стесненными того, что было раньше для таких естественным. Потому то они уже стеснялись наготы своей, но по этому признаку божий садовник и узнал, что они вкусили плодов с иного «древа». Проще благоразумные родители говорят своим чадам, чтобы те не водились с плохим сверстником, ибо привьют от такого плохие черты, но если чада не послушаются и начнут причастными быть к плохим сверстникам и привьют от них плохие качества, то они нарушая это заповедное слово обратятся в таких же плохих. Если же родители говорят своему непутевому чаду, чтобы тот брал пример с добропорядочного сверстника, а тот так и делает, то естественно он привьет благородные в себе черты. Это и соотносится с разными «деревьями»!

А так как этот же Адам причастился к порочному городскому египтянину, то он и обратился обратно в падшего духовно человека. Чтобы не было уже стеснения у Адама и Евы за их наготу, божий садовник им и шил одежды из шкур, но на совете было принято решение выселить Адама обратно в ад или в неплодородные - глиноземные низины, где росли только тернии - сорняки и обитали хищные животные, а Ева должна рожать в мучениях, что и соотносится с первым представлением реального ада. То есть возвышенное и обитаемое благими - полезными растениями и животными тогда и соотносилось с понятием рая, где и у людей было возвышенное сознание, тогда как тот ад представлялся с неплодородной почвой, сорняками и опасными существами - животными, а так же с тяготами в получении благ и утешений. (Хотя это не объективные соотношения есть более объективные модели их можно потом показать)

Теперь уже из духовного и толкований идет перевод этого отрезка текста в классическое понимание, итак:

Когда в Эдемском саду не стало работника, то добрый садовник взял к себе человека из неплодородного, дикого бытия, с низким сознанием к себе в сад. Чтобы тот начал соотноситься своим сознанием с иным уже бытием, тот под средством гипноза очистил у Адама бывшее его сознание и просветил в соотношении уже к иному благому бытию. При этом дав ему в помощники Еву. Однако он их предупредил, чтобы они не были причастными к порочному человеку, а именно египетскому горожанину от линии Сета, который так же жил в Эдеме и был довольно умным человеком, хотя с другими людьми они могли свободно общаться. Ева же с вождением смотрела на этого египтянина и в конечном итоге была им совращена, а затем еще и приобщила к разврату Адама. В итоге городской египтянин им объяснил, что они на самом деле наги, а он носит одежды.

Как-то добрый садовник гулял в саду и начал звать Адама и Еву к себе, но те уже изменив мировоззрение, объявили ему, что они голые. Тут добрый садовник сразу и понял, что они нарушили заповедное слово и вкусили так сказать порочные - вожделенные плоды от египетского горожанина. Узнав от Адама и Евы, что случилось, он объявил, что Ева будет в себе нести два семени, Адам будет выселен, а городской египтянин будет слугой пресмыкаться перед другими, кто живет в Эдеме. В итоге Адама выселили обратно, от куда его и взяли из неплодородной долины - низины в возвышенный и облагороженный сад Эдема.

Так собственно и началась история двух линий рода, а

именно от божественного Авеля и порочного Каина, а закончилась прочным Иудой Искариотом и благородным Иисусом Христом! Притом там же Иисуса буквально похоронили в саду, но он вышел от туда живым, ибо ему не перебили кости голени, как должны были сделать, а проткнув копьем, у него пошла кровь с водою, то есть он просто потерял сознание, а телесно был живым. Потому - то его в гроте-могиле смогли привести в сознание, но на время, заживив ему раны и переодеть в тайный образ садовника. Тогда как Иуда Искариот буквально был похоронен в глиноземной почве - в земле горшечников и так проклятым и отошел уже в вечность. Надо обратить внимание и на то, что Иисус в отличии от Адама был рожден в мире горнем на плодородном пастбище и его окружали не хищные животные. Притом он телесно при опустившимся тумане вознесен, как поднялся на гору Галилейскую в мир горний - небесный, но там он биологически уже отошел к праотцам. Ибо если бы он биологически не умер, то не возможно при живом завещателе вступить в наследие, хотя все его наследие было именно духовным.

Как же толкуют в основном этот текст верующие фанатики и люди с классическим мировоззрением?

У таких Адам почему-то рожден был аж совершенным и Богом в рай. Притом буквально Адама слепили из праха земного. Потом якобы в этого глиняного истукана вдохнули и тот ожил, а затем из его ребра вылепили Еву. Бог (притом непонятно в каком он был образе) их предупредил не вкушать с некоего буквального фруктового дерева, чаще всего это с яблони, плодов познание зла и добра. Однако Ева начала их есть и дала есть их Адаму, когда их искушал биологической змей, в которого воплотился дьявол и начал с ними говорить человеческим языком. Некий без образа Бог за это их и выселил из рая и потому, мол, сейчас все люди стали смертными и грешными.

Так вот собственно у таких так и начинается эта история, где в итоге у разных верующих фанатиков свой некий мистической будет конец для их личной души, но после якобы уже биологической смерти.

Итак, в каком же толковании и контексте есть здоровое толкование и есть полная нелепость и не понимания от начала даже этого духовного предания?

Не ужели Адам действительно был слеплен из глины и этого болвана неким вдыханием в него можно оживить? Затем из его ребра буквально слепить женщину?

Какое все же буквально фруктовое дерево есть, плоды которого обращают безгрешных и честных людей в грешных и порочных? Если как говорят многие это было яблоко, то почему же Моисей в своих заветах ни разу не предостерег, чтобы его народ не ел яблочек или иных неких буквальных плодов - фруктового дерева? И разве нельзя отличать благие плоды яблони от тернии - сорняков и непотребных иных плодов? И есть ли в реальности возможность у животных, кроме человека, а именно у змей способность говорить человеческим языком? Если некий Бог посылает Адама в мертвые - прах земли, притом называя его уже прахам, мол, прах ты и в прах возвращаешься, то как же мертвый буквально Адам стал в поте лица добывать хлеб свой, да еще и от него пошли дети?

Спасибо за внимание.

ЛЕРОМ

Вопрос: КТО ТАКИЕ ЛОВЦЫ ДУШ?

Ответ:

Это, по сути, борцы за души людей! Так люди от дьявола пытаются обратить добросовестных и справедливых людей в таких же как они порочных, то есть обратить духовно их души в падиши. Тогда как добросовестные и справедливые пытаются обратить падиших духовно людей в души живые, то есть очистить их от пороков и воскресить в жизнь вечную, то есть обратить таких в добросовестных и справедливых. Вот собственно вся суть духовного противостояния. Потому ловцы душ именно этим и занимаются, но и их могут обращать, если у таких не достаточно иммунитета или они вовремя не приняли аскетизм. СПАСИБО!

ЛЕРОМ

ДИСКУССИЯ НА ВДОХНОВЕННОЕ ПРЕДАНИЕ

Христиане, хотите узнать, почему иудеи не признают Иисуса за Мессию?

Миссионеры утверждают, будто Иисус исполнил все важнейшие мессианские пророчества. На самом деле ни одно из них не осуществилось. Все, что он сделал, носило удивительно тривиальный характер.

Чтобы защитить евреев от лживой миссионерской пропаганды, их надо вооружить фактами, которые укрепят давно сформировавшееся в еврейской среде убеждение: Иисус не был и не мог быть еврейским Мессией.

1. Еврейский Мессия — это человек, родившийся естественным образом от отца и матери. Он не может быть Б-гом или появиться на свет сверхъестественным образом от непорочного зачатия, как утверждают христиане. В Библии нет ни одного предсказания, что Мессия родится от девственницы. Там вообще нет упоминаний о рожавшей девственнице. Подобные сюжеты характерны только для языческой мифологии. Сама мысль о том, что Б-г поместил свое семя в утробу смертной женщины, кажется еврею неестественной и дикой. В самом деле, какова цель этой концепции? В чем ее позитивная суть? Ведь если Мария не поддерживала нормальные отношения со своим мужем и при этом родила, то у нас есть все основания заподозрить ее в супружеской измене. Даже в самом «Новом завете» (Евангелие от Матфея 1:19) содержится невольное признание: «И тогда Иосиф, ее муж, будучи справедливым человеком и не желая позорить ее при всех, решил тихо развестись с ней». Короче, идея о непорочном зачатии служила лишь одной цели: привлечь язычников к христианству.

2. В еврейской Торе говорится, что Мессия освободит Израиль. В случае с Иисусом произошло обратное. Вскоре после его смерти был разрушен Святой Храм, Иерусалим пришел в запустение, а евреи оказались в изгнании на долгие девятнадцать столетий. Среди их мучителей особой жестокостью выделялись сторонники самозванного «мессии» — Христа.

3. В эпоху Мессии над миром воцарится новый дух — единства, содружества и любви; и люди (в первую очередь, евреи) перестанут совершать грехи и преступления. В Торе (Дварим 30:6) сказано: «Обрежет Б-г твое сердце и сердце твоего потомства, чтобы полюбил ты Б-га». Да и пророки учат нас: «А народ твой, все праведники... навеки унаследуют землю» (Йешаяу 60:21); «В те дни и в то время... буду искать грехи Израиля, но не будет их» (Йирмеяу 50:20); «И дам вам новое сердце, новый дух вложу в вас... и сделаю, что будете следовать Моим законам, соблюдать Мои уставы и поступать по ним» (Йехезкель 36:26). Между тем, вскоре после смерти Иисуса землю наполнило не знание, а невежество, причем не только по отношению к Б-гу, но и по отношению к наукам и философии, — наступила эпоха мрачного средневековья.

4. В Библии сказано, что Мессия будет прямым потомком царя Давида. Но если «отцом» Иисуса был Сам Бог, то странно выглядят утверждения христиан, что он происходит от Давида по отцовской линии. Впрочем, и эта выдумка объясняется тем, что составителям «Нового завета» надо было увязать две противоречивые идеи: с одной стороны прямой потомок живого царя, с другой стороны — сын Бога; причем второе требование — явно не еврейского происхождения.

5. Тора дана людям на вечные времена. Она сама несколько раз повторяет это обещание. Поэтому ее нельзя заменить на какой-то новый договор или закон. Одной любви явно недостаточно; надо уметь выражать ее. Как раз этому нас учит Тора. Любовь к ближнему — лишь одна из ее заповедей; но любовь необходимо подкреплять добрыми делами.

Почему мы верим именно в эти идеи, а не в христианские постулаты Павла и его последователей? Дело в том, что Иисус никак не проявил себя в роли Мессии, которого ожидают евреи. Пророчества о мессианской эпохе предсказывают, что в буду-

щем людей ожидает счастливая жизнь в бесконфликтном мире, при полном торжестве любви и универсальной истины, когда исчезнет зло во всех его проявлениях: не будет ни лжи, ни ненависти, ни насилия, ни идолопоклонства. Как видим, христианство не сумело выполнить ни одного из этих условий.

Ответ

1. Во-первых не следует обобщать, мол, все иудеи не признали и не признают Иисуса за мессию.

Итак, речь от начала Святого писания гласит, что люди созданы по образу и подобию Бога, мужчина и женщина, только затем рассказ начинается об сотворении Адама и Евы! Следовательно одни люди шли от божественной линии, а другие от порочной или от дьявола, то есть это люди ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ, а не нечто невообразимое! Когда речь идет о непорочном зачатии, а не о том, что девственница может зачать и родить, то надо хотя бы понимать, что непорочный человек - это тот, кто своими действиями не порочит себя и род человеческий, потому непорочными могут быть старики, у которых полно детей, внуков и правнуков, тогда как даже дети, которые ничего не знают об интимных отношениях уже сами по себе могут быть порочными, не ужели это так трудно соотносить и понимать? Хотя даже в Еве уже было именно два семени, одна линия которая божественная - Авеля, которого заменил Сиф, а другая от зла - Каина и разве это не понятно?

Зачатие девой вовсе не означает зачатие девственницей, а это просто может относиться к молодой девушке. Итак, если есть порочные плоды от непотребных познаний, то изначально в Новом Завете говорится именно об истинном познании, при котором продолжается линия божьих наследников или чад божьих. Притом сам Моисей так же приемный сын в семье фараона. Потому надо более объективно тут все соотносить. Это когда по плоти может быть порочное наследие, но по духу истинное, когда по плоти благородное, а по духу порочное, когда по плоти благое и по духу благое и когда по плоти порочное и по духу порочное! При этом если есть не совмещение по плоти и по духу, то надо четко определять, какое из них в доминировании!

2. Как известно именно многие иудеи и предали своего соплеменника Иисуса на смерть, а присягнули тогда злодею Тиберию, притом отказались, что их царь Иисус Христос, но заявили же, что их мессия - царь это кесарь. А закономерность в этом случаи гласит, кому вы покорились, от ныне это ваш Бог и царь. Даже Пилат когда хотел отпустить Иисуса, ему служители еврейского культа сказали, что он тогда будет против кесаря Тиберия. Хотя Тиберий лукаво использовал закон «О не прощении хулы на святого Духа», но который был принят в отношении к Актавиану, тогда как Тиберий использовал просто положение кесаря, не будучи обладаем Святого Духа. Однако он и иные ложные святые отцы, тогда, да и сейчас так расправляются с теми праведниками и честными людьми, которые критиковали их лживость и невежество. В том числе пострадал и Иисус, но который сам попросил Пилата отдать его на смертную казнь, дабы исполнились иные пророчества! Пилат вымыв руки, этим показал, что они у него чисты и нет крови Иисуса на нем, при этом он его казнил как царя Иудейского, что вызвало гнев у служителей культа, которые его смерть и заказали и пригрозили Пилату! Иисус потому четко и заявил, что виновные в его смерти именно те, кто предали его на смерть, а не Пилат. Они до сих пор пытаются очернить истинных христиан и Иисуса, но все пытаются ссылаться, на некие нарушения законов Иисусом! Теперь главное:

Апостолов и последователей Иисуса преследовали и уничтожали почти пять веков, притом эти же иудеи, однако именно трудами и истинными последователями Христа, через непротivления злу, удалась обратно заставить Рим признать уже Иисуса Христа - еврея, уже Богом и царем Римской империи, а это факты! А так как Римская империя тогда была мировой державой, то многие народы и стали под христианство, а само учение и стало мировым! Разве этот же Иисус не предупредил, что отдав их главу на смерть, евреи опять будут рассеяны по лицу земли и их начнут преследовать, а храм будет разрушен? Не ужели эти закономерности так и не понятны в самой же истории евреев, а они думают и тут обвинить Иисуса? И не следует антихристов считать христианами, если таких полно приходят под именем христианина, а надо соотносить дела Иисуса и его апостолов, с

делами других, а видя разницу определять, кто под каким названием скрывает иную свою сущность и творят плохое.

3. Это относится именно к наследникам божьим, но никак не может относиться к представителям павшего духа, ибо это разные представители, разных миров - РЕАЛЬНОСТЕЙ. Ибо если дьявол отец лжи, а ложь это то, чего не существует, но обманщики и нечестные люди как и их обманы и нечестность - это реальность. Однако эта реальность или мир и его представители, ничего не имеют общего с Сущей и Истинной реальностью - миром и его представителями. Потому когда Иисус говорил, что царство его не от этого мира, он дал и понимания различий разных этих реальностей, что истинное не может быть порочным, злым, нечестным лишь потому, что это реальность! Притом именно христиане и стали первыми проповедовать обрезание сердца, а не нижней плоти! Ибо обрезание по нижней плоти, как знак через, что входит блуд, не воспринимался многими иудеями, как завет не блудить, а они нелепо это сделали традицией, по которой якобы Бог их определит от других, что полная нелепость! Тогда как человек принимая этот завет сердцем и исполняет завет - не блудить, он и есть праведный перед Богом, а не которые обрезаны, но блудят!

4. Дело в том, что наследие по крови, часто приобретает инцест и идет извращение в потомстве, потому из таких и были «красные драконы» или «звери в багрянице», «кровавыми царями», которые напротив это и считали истинным наследием и при этом носили багряницы. Однако по родословной матери Марии, она кровная с Давидом, а по Иосифу только по духу, так как Иисус был приемным ему сыном, а не через кровное смешение! Потому тут все четко соотносится. Более того Иисус реально обладал и Святым Духом, то есть высшим светом разума - небесным наследием, а не тлетворный и падший у него был дух, который у порочных людей! Есть вожденное познание, проще похоть плоти для секса, а есть когда идет зачатие по высшему духовному предназначению для будущего плода, когда интимные отношения не имеют вождения похоти плоти, но которые были священным актом! Если можно спорить кто же был реальным отцом, но он точно обладал Святым Духом, то по материнской линии Иисус был евреем, а часто истинными отцами считают не плотских отцов, а тех, кто воспитал, а тут опять праведник Иосиф у Иисуса.

5. Как раз в истинном христианстве все это и реализовано, а вне истинного христианства нет ни любви, ни счастья и ничего, что обещанного дано истинным христианам, притом это вовсе не избавляет истинных христиан от полноценности в мире, а это от буквальных болезней, страданий, биологической смерти и так далее. Именно если Моисеем дан закон о грехах, как некий моральный и уголовный кодекс, в котором нет благого, а только представлены запретные или непотребные плоды, то именно через учения Христиан и дана благодать и Истина. Иисус делал обычные вещи чудесами, которые не могут принять одиночники и люди с порочным сознанием. Например, многих людей научил как двумя рыбками накормить многих, но когда каждый вложив в общий стол, что у каждого есть из продовольствия для трапезы, то все поев уже с общего стола, каждый насытится и еще останется! Больных излечивали, духом падших воскрешали. Как собственно утешать людей, мол, за плохим, всегда последует хорошее и все это есть в Нагорной проповеди. Проще как нести благое уже в мир! Если Иудеи думают оправдаться только законом Моисея, где говорится об грехах - запретных плодах, кои не должны делать и этому учиться, чем многим из них вряд ли удастся оправдаться, то у христиан уже есть и то, какими благими делами они могут так же оправдаться, а эти плоды однозначно дары от Бога. При этом справедливость суда заключается в взвешенном решении, где на одну чашу весов кладут все, что может свидетельствовать против, а на другую чашу весов кладут все, что для оправдания человека, при этом с учетом степени содеянного. Потому - то и говорится в Евангелии от Иоанна Божьего слова, что Моисеем дан закон о грехах, а через Христа благодать и истина! (Надо только различать истинных христиан от тех, кто под этим именем в большом количестве пришли сейчас)

Надеюсь разумные поймут, а не разумные и фанатики как всегда будут спорить и упираться.

Материал предоставил ЛЕРОМ

Издатели

ЧАРЛЬЗ ШЛАКС:

с любовью к российской культуре

Имя издателя, специалиста по интеллектуальной истории России Чарльза Шлакса хорошо известно в США и Канаде. За долгие годы работы в области славистики Шлакс сделал многое для того, чтобы познакомить североамериканского читателя с российской культурой, сблизить страны, разделенные океаном.

Что заставляло Чарльза Шлакса заниматься этим нелегким делом даже в годы «холодной войны»? Прежде всего, заинтересованность в России, увлеченность русской литературой, очарованность магией поэтического слога и звучания речи.

Сегодня Шлакс выпускает целую линейку альманахов и журналов, посвященных России: «Имперская Россия», «Российская музыка – прошлое и настоящее», «Эра НЭПа: Советская Россия 1921-1928», «На еврейской улице», литературоведческое издание, посвященное творчеству Достоевского, несколько академических изданий по исследованиям в области славистики. Недавно открылся журнал «Поэзия. Russian Poetry Past and Present», объединяющий авторов, представляющих разные поколения эмиграции, классических и современных писателей.

- Господин Шлакс, откуда Ваш интерес к русской культуре?

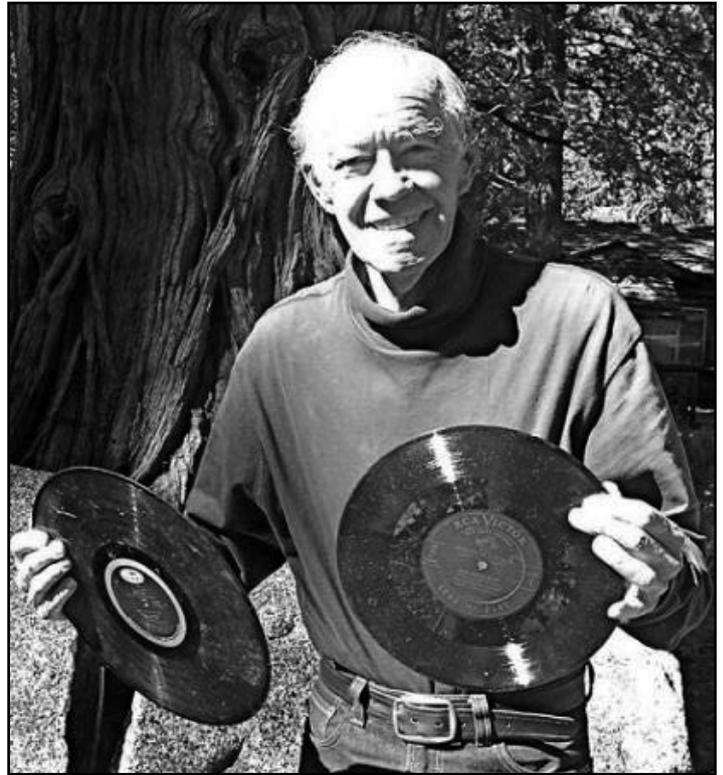
- Я начал восхищаться ею, слушая музыку. В 1946 году среди приобретенных мной пластинок оказались записи симфонии Петра Чайковского №6 в исполнении Берлинского филармонического оркестра под управлением Вильгельма Фуртвенглера и балета «Петрушка» Игоря Стравинского в исполнении Лондонского симфонического оркестра, дирижер Эрнест Ансермет. Пластинки были выпущены в Великобритании, на студии «Декка». Я был потрясен прослушиванием русской музыки и прочтением отзывов об этих произведениях.

- Расскажите, пожалуйста, о Вашем жизненном пути.

- Я родился в Детройте (штат Мичиган), 20 февраля 1931 года. Моя мать - американка, а вот дед приехал из Саарбрюкена (Германия). Он женился на француженке из провинции Эльзас-Лотарингия. В качестве инженера дед работал в Мексике на строительстве дорог. Так что мой отец родился там, в штате Дуранго, а потом семья переместилась в Детройт. Меня растили в лоне римской католической церкви: начальная школа находилась под патронажем монахинь, средней управляли иезуиты. В школе был особый акцент на изучение теологии, философии, истории, начиная с античных времен и до наших дней. Четыре года я изучал латынь. Потом поступил в Университет Детройта, который также находился под попечительством иезуитов, но там преподавали и нерелигиозные люди.

В 1952 году я по распределению попал в американскую Армейскую Службу Безопасности (ASA). Сначала меня командировали в небольшое воинское подразделение, находившееся в северной Баварии, в тридцати километрах от Нюрнберга. Я занимался прослушиванием и записью обмена информационными сообщениями между ГДР и СССР. Вскоре захотелось изменить круг обязанностей. Я узнал о том, что есть возможность приступить к изучению русского языка в небольшой школе неподалеку от Обераммергау, что в южной Баварии. Я подал заявление о приеме и был зачислен на курс. Изучал русский язык с июля по декабрь 1953 года. С тех пор, конечно, многие слова забылись, но структура грамматики в памяти до сих пор сохранилась.

В 1955 году я защитил выпускную работу по русской истории в Университете Мичигана. Моим основным педагогом стал русский эмигрант, профессор Андрей Лобанов-Ростовский. Его отец был известным дипломатом в царской России. После этого я продолжил учебу в калифорнийском университете Беркли, занимался под руководством профессоров Мартина Малиа и Николая Рязановского, специализировался в области русской интеллектуальной истории, включая литературу.

По завершению учебы непродолжительное время я преподавал русскую историю в небольшом университете в Нью-Джерси, а в 1965 году получил приглашение преподавать в Монреале (Квебек, Канада) в Колледже Лойолы (тогда – англоязычная часть университета Монреала). Там я был очарован франко-английской культурой. В 1966 году состоялось мое знакомство с эмигрантом из Польши, издававшим журнал под названием «Revue des etudes slaves» («Обзор исследований в области славистики»). В течение года я трудился помощником редактора. Это было удивительное время! Работая над содержанием журнала, я открыл для себя новые грани культуры России, Польши, Болгарии, Сербии...

В 1967 году ко мне обратился Президент Колледжа Лойолы с просьбой начать выпуск журнала по сходной тематике. Тогда как раз в Квебеке усилилось движение франкофонов, направленное на придание французскому языку статуса приоритетного, а Колледж Лойолы являлся англоязычным учебным заведением. Так что руководство, опасаясь закрытия Колледжа, предприняло усилия по повышению научной значимости учебного заведения и росту его академического престижа в научных кругах. Так весной 1967 года я начал редактировать ежеквартальный журнал «Canadian Slavic Studies/Revue Canadienne d'etudes Slaves» («Канадские исследования в области славистики»). Мне удалось довольно быстро получить необходимые для публикации материалы, поскольку я поддерживал обширные контакты с выпускниками Университета Мичигана и Беркли.

Вскоре стали поступать работы от ученых из Канады, я публиковал их как на французском, так и на английском языках. Годом позже я решил издавать переводы значимых литературных и научных трудов. Сначала осуществил публикацию перевода сборника статей о русской интеллигенции «Вехи», увидевшего свет в Москве в 1909 году. В нем содержалась критика марксизма и социалистических идей, овладевавших умами в России. После этого я осуществил издание перевода литературного труда болгарского писателя Алеко Константинова под названием «Бай Ганю. Приключения современного

болгарина» - серии коротких сатирических рассказов, написанных в начале XX века. Уже в 1969 году журнал стал полностью окупаться за счет подписки, и я продолжил работу над ним уже без поддержки Колледа.

В 1968 году я провел полгода в Восточной Европе, там много встречался в университетах со студентами и профессорами, договаривался о сотрудничестве. Такие поездки в дальнейшем стали ежегодными и продолжались до 1990 года. В 1971 году мне была предложена должность в Университете Питтсбурга. С этого момента мой журнал стал называться «Canadian-American Slavic Studies/Revue Canadienne-American d'etudes Slaves» («Канадско-американские исследования в области славистики»), под таким названием он существует и сегодня. А еще через несколько лет я приступил к выпуску других журналов, где публиковались статьи и исследования по гуманитарным и социальным вопросам.

- Кто Ваш любимый русский писатель?

- Антон Павлович Чехов. Я начал читать его рассказы в переводах, прочел «Толстого и тонкого», «Тоску». Потом познакомился с пьесами и другими прозаическими произведениями. Любимые поэты – Александр Пушкин и Александр Блок. Особенно восхищаюсь поэмой «Двенадцать».

- Почему вы решили издавать журнал «Поэзия. Russian Poetry Past and Present»?

- Я чувствую, что в настоящее время существует определенный интерес к русской культуре и литературе, как в США, так и в Канаде. В журнале я хотел бы представить современную русскую поэзию, а также познакомить читателей с литературными произведениями авторов XVIII-XX веков, критическими литературными материалами, начиная со времен Ломоносова. Причем, публикации осуществляются на русском и английском языках, в дальнейшем планирую также печатать критические статьи на немецком и французском. Я считаю, у журнала очень важная миссия – открыть читателю русскую поэзию от XVIII века до наших дней. Среди авторов журнала – поэты, литературоведы, литературные критики.

Я был бы рад представить журнал в России, найти там читателей. Надеюсь, что на издание смогут подписаться академические и публичные библиотеки. Что касается аудитории на Западе, то здесь среди основных заинтересованных лиц – специалисты в области русской литературы и славистики в университетах и колледжах США и Канады, университетские и научные библиотеки в Европе, исследовательские институты, академии.

- Среди Ваших изданий – журнал «На еврейской улице». Откуда в Вашей жизни еврейская тема?

- Для меня еврейский журнал - очень важный проект, который позволяет рассказывать об истории еврейства, культуре, публиковать документы о жизни евреев в России в прошлом и настоящем. В начале XX века, до Первой Мировой войны, 40% евреев проживало в Российской империи (включая Украину, восточную Польшу, Эстонию, Латвию, Литву, Кавказ и Среднюю Азию). После 1917 года, как бы то ни было, евреи играли большую роль в становлении и развитии СССР.

- Трудно ли сегодня быть издателем в США?

- Нет. В свое время я купил небольшой типографский станок и другое простейшее полиграфическое оборудование. Так с 1971 года я самостоятельно выпускаю свои многочисленные издания.

Современные технические средства, включая Интернет, позволяют любому человеку редактировать и публиковать электронные издания. Например, издательство Brill Publishers, что в Лейдене (Нидерланды) специализируется на выпуске электронных журналов, но при этом стоимость их подписки даже выше, чем у бумажных аналогов. Однако я убежден, что сохранится и традиционный печатный формат книг и журналов, даже если библиотеки перестанут на них подписываться в связи с отсутствием места для хранения.

- Кроме работы издателя и специалиста в области интеллектуальной истории и культуры, какие еще интересы есть в Вашей жизни?

- Люблю музыку. Собрал коллекцию из 44 тысяч долгоиграющих виниловых пластинок, включая большое количество дисков фирмы «Мелодия». Часто хожу на музыкальные концерты. Ежегодно

в январе посещаю Международную выставку потребительской электроники в Лас Вегасе. Также интересуюсь кинематографией, люблю «немые» фильмы 1915-1930-х гг. и фильмы в жанре «film poire» («черный фильм») 40-50-х гг. В моем собрании – сотни кинолент. Когда выйду на пенсию, буду пересматривать.

- На Ваш взгляд, каково состояние культуры в современной России?

- Как специалист в области интеллектуальной истории, я считаю, что сегодня Россия находится в переходном состоянии от авторитарного государства к демократическому. Большинство страшных событий, происходивших в период с 1917 по 1989 годы, перестали замалчиваться, получили огласку. Существуют такие объединения, как «Память», Русский общественный фонд Солженицына.

Русская история традиционно акцентирована на сильное центральное руководство (от Ивана Грозного до Горбачева), и граждане привыкли к такому типу управления. В XI веке произошел церковный раскол, приведший к отпаданию восточной ветви христианства (византийской) от западной (Ватикана, римской католической). Каждая из церквей провозгласила себя единственно истинной. В середине XV века столетия рухнула Византийская империя. Западная часть бывшей Римской империи начала собственный путь развития, создала собственную культуру. В XVI веке Реформация разделила католическую церковь и вызвала к жизни новые интерпретации христианства. В результате этого начались изменения в религии и культуре, их проявления стали более разнообразными. На Востоке Реформации не было, поэтому религиозный и культурный процессы оставались неизменными. Так что, разница между Востоком и Западом становилась все более выразительной, пути – отличающимися друг от друга. Тем не менее, в середине XVII века произошел раскол и в ортодоксальной христианской церкви, в результате чего появились «старообрядцы». Руководство страны стало на сторону нового патриарха Никона, православие в дальнейшем превратилось в один из оплотов Российской империи.

Современная российская культура до сих пор во многом существует в реальности между Востоком и Западом не только географически. Особенно повлияло на современный процесс изменений «открытие» границ для проникновения западных, европейских и американских влияний в 1991 году, так что я уверен, что в российском обществе происходят серьезные подвижки в культурном развитии. Речь идет не о слепом копировании западных образцов, а о видоизменении традиционной восточной модели благодаря позитивному и негативному влиянию западной культуры.

В настоящий момент, на мой взгляд, для России, чтобы осознать и утвердить свою роль в современном мировом процессе, очень важно переосмыслить дореволюционный и послереволюционный периоды развития. Для этих целей очень важны различные средства культурной коммуникации, включая кино, театр, книги. Благодаря им, доступ к разнообразной информации смогут получить самые широкие слои населения, и соответственно, осознать свою историю и почувствовать себя частью мирового процесса.

- Вы хотели бы побывать в России и лично увидеть все, что сейчас происходит?

- Я мечтаю снова приехать в Россию! В октябре 2003 года я побывал в Москве и Санкт-Петербурге. В то время я занимался британским проектом «Полное собрание сочинений Александра Пушкина» (в пятнадцати томах). Инициатива издания исходила от человека, который не владел русским языком, но восхищался творчеством Пушкина. Я занимался распространением этого собрания сочинений в США и сопровождал его в поездке по России. Тогда в присутствии СМИ и гостей собрание сочинений великого русского поэта было торжественно передано в Российскую национальную библиотеку Санкт-Петербурга. Мы остановились в отеле, расположенном всего в двух кварталах от Невского проспекта, и провели в городе три незабываемых дня. Я посетил Эрмитаж, где из-за ограниченности времени, увы, осмотрел лишь небольшую часть коллекции, а также приобрел замечательный фотоальбом о Санкт-Петербурге. Мечтаю вернуться в этот удивительный город, в Москву, проехать по «Золотому Кольцу» России.

Наталья ЛАЙДИНЕН

КНИЖНЫЕ СЕНСАЦИИ МОСКВЫ

Рынок обмануть не получалось никогда. Покупатель «отведав» автора, не купит его второй раз, если осталось неправильное послевкусие. Но и вкладывать несколько миллионов в ту же бумагу, в сеть распространителей и магазинов на заведомую неудачу не пожелает даже книжный монстр. Все знают, что издательство «ЭКМО» совсем недавно как-бы поглотило или вобрало в себя «АСТ», ежегодно выбрасывая на рынок около 8 миллионов книг. Разобраться в таком количестве «чтива» чрезвычайно трудно. Без гида практически невозможно. Это не монополист, но своеобразная цель, и ответ пресловутых литературных порталов на извечный вопрос, а, собственно, «Что хочет автор»? Так вот, в «ЭКМО» никого не волнует, что хочет автор, волнует лишь, что хочет литературный эстет.

На улице Зорге в пятиэтажном здании издательства есть заветный этаж, где обитает элитарный отдел «Прикладной литературы», он считается подарочным, и выпускает не просто книги, а полноцветные книги высокоточной печати с золотыми обрезами, с золотым и блинтовым тиснением, в обложках из натуральной кожи, в коробках с золотыми окнами, с сертификатами соответствия - в общем, новинки и чудеса.

Главное направление отдела – Эзотерика. Целые серии книг восточной и западной мудрости выпустила профессиональный редактор Гаянэ Сергеевна Абрамян, философ, психолог, ученый. Мы узнали о том, что постоянный автор Медийной группы «Интеллигент» Светлана Савицкая несколько раз участвовала в презентациях своих книг, выпущенных именно этим отделом, и задали редактору подарочного отдела всего один вопрос:

- **Авторов много. А, почему вы «поставили» на Савицкую? Расскажите подробнее о книжных сенсациях Москвы.**

- Занятно, что вы сравниваете ее с лошастью. И, если так, могу констатировать - в ней не одна литературная сила, а порядка сотни. Если писатель Савицкая берет элементарное интервью, то это уже высокая литература. Михаил Ножкин любит подчеркивать: «Не важно, как прошло мероприятие, главное, как потом об этом напишет Савицкая». Если создает стихи, то это поэзия. Бисер Киров выпустил несколько альбомов, где есть три совместные песни. Если привозит впечатления о путешествиях – философское глубинное осмысление.

Мы готовили энциклопедии мудрости, собранные по крупицам из разных веков. Она спросила: «Сколько можно прислать притч?» Я ответила: «Притч много не бывает». Так к марту 2014 года вышла «Большая книга женской мудрости», где половина притч Светланы Савицкой, наравне с Еленой Рерих, с Еленой Блаватской, с библейскими, греческими и египетскими легендами. Но мы попали

тогда в неловкое положение перед автором. Положенных 6 авторских экземпляров не случилось. Книга была раскуплена моментально. Вышел второй тираж. Потом третий. И вот частично ее сделали, как вы уже обозначили в коже, где каждый экземпляр уникален. Через интернет дешевле. Презентация «Большой книги женской мудрости» успешно прошла в эзотерическом центре «Белые облака». Естественным действием издательства стал выпуск отдельных тех же притч автора карманным вариантом, но уже с серебряным обрезом и лиловым тиснением в Китае. Название чуть изменили: «Мудрые притчи для мудрых женщин».

Название – самый важный элемент для продаж. Издательство «Амрита Русь» изменило первоначальное авторское «Притчи для мудрецов» на «Притчи для души», выпустили брошюрку черно-белого исполнения, и Савицкая тогда просто потерялась на полках.

Никас Сафронов изъявил желание оформить эту книгу притч Светланы Савицкой. Как он любит акцентировать, современные журналисты сильно выводят его из себя своей литературной неграмотностью. И он поклялся подарить картину тому, кто напишет нормально. «Прочитав очерк Савицкой, я понял, что есть еще писатели!» И второй сенсацией были широкие презентации в высшем свете Москвы, связанные с выходом полноцветного альбома в золотой коробке с золотым тиснением и золотым обрезом. Такую книгу, как сказал художник, «не стыдно подарить и Владимиру Путину и китайской принцессе».

Наш отдел подготовило для читателей и еще две сенсационные книги совместно со Светланой Савицкой. Первая уже вышла, и буквально улетает с полок: «Джуна. Сила божественного дара», которую предваряет очерк Савицкой «Одиночество солнца» (Вышедший в «Интеллигент Нью-Йорк», в 2013 г., авт.) Кстати говоря, Джуна редко удивляется, а тут воскликнула: «Света! Признайся! Это писала не ты! Это писал Бог!» Эта книга по стечению обстоятельств

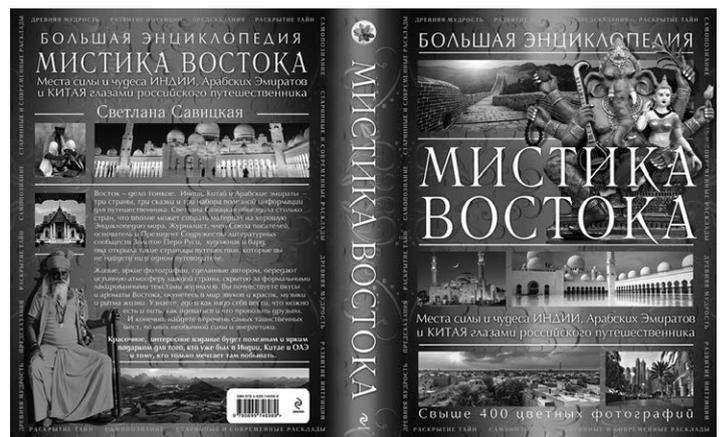
тоже попала на стол президента. Вторую сотню притч оформила уже знаменитая целительница. С названием «Энергия сердца» Джуна-Савицкая книга запущена в печать.

Вышла полноцветная энциклопедия «Мистика Востока», куда вошли ее прекрасные очерки Индия, Арабские Эмираты, Китай. Находится легко через интернет. Презентация прошла на Сухаревке в Новом Книжном. В плане не менее сенсационный глубинный очерк – исследование Байкала, его легенд, притч, мистических случаев, истории древних народов, археологические раскопки, современные горячие источники и ледяные реки – своеобразное «кругобайкальское путешествие». Так о Байкале уж точно, никто никогда не писал! Так же подарочный отдел берет на себя риски, связанные с выпуском художественного исторического романа Светланы Савицкой «Балканы» и научного исследования расшифровки Глаголицы. Рабочее название «Азбука».

Конечно, хотелось бы донести до каждого читателя нашу работу. Издавать золотой многотомник конкретного автора. Но рынок дробит целостность восприятия, в частности нашего, редакторского. И мы вынуждены разговаривать с рынком «на вы». В издательстве «Амрита Русь» планировалось, к примеру, издать «Байки космонавтов» в виде семи полноцветных книг, но книга получилась одна в черно-белом варианте. Я присутствовала на презентации книги в Библио-Глобусе. Глубоко вздыхала.

Савицкая – своеобразный адреналин. Высокое мастерство ее текстов позволяет проследить выпуски книг под ее фамилией, переведенных на немецкий в Берлине, на английский в Лондоне, на французский в Париже, на болгарский в Софии, на словацкий в Братиславе или на бенгали в Калькутте. 14 языков мира – показатель. Слышала: закончен перевод на цыганский. Нам интересно работать с этим автором.

У Гаянэ Абрамян брал интервью Сергей ПАШКОВ

Писатели

Владимир НАБОКОВ

«Русский гений на иностранном чердаке»

Из книги судеб. Русский и американский писатель; прозаик, поэт, драматург, литературовед, переводчик.

В литературной истории 20 века этот автор занимает уникальное место, и определяется оно в первую очередь его двуязычием. Уроженец России, он пронес память о родине через годы, материализовал ее в десятках произведений самого разного жанра и по праву стал одним из премьеров русской литературной сцены. В то же время Набоков считается классиком новейшей американской прозы, которого называют своим ближайшим предшественником тамошние «шести-десятники» – К. Воннегут, Дж. Барт, Т. Пинчон и Т. Сазерн. Более того, строго говоря, Набоков как писатель родился по ту сторону Атлантики, в русских же литературных хрониках существует «В. Сирин» – псевдоним, которым подписаны первые, начала 1920-х годов, поэтические сборники («Гроздь», «Горный путь») и который сохранился вплоть до конца 1930-х. Тем не менее, этому художнику-кентавру присуща редкостная творческая цельность, что определяется единством художественной проблематики и внутренней убежденностью в том, что «национальная принадлежность стоящего писателя – дело второстепенное. Искусство писателя – вот его подлинный паспорт».

Владимир родился в семье одного из самых популярных в предреволюционной России политических деятелей, члена 1-й Государственной думы от кадетской партии юриста Владимира Дмитриевича Набокова.

По семейной традиции сын получил блестящее домашнее образование, уже в детстве в совершенстве овладел английским языком. Свои счастливые ранние годы Владимир Владимирович вспоминал потом всю жизнь. Набоков окончил Тенишевское училище – одно из элитарных учебных заведений Петербурга.

В 1916 году состоялся его литературный дебют: был издан сборник стихотворений.

Октябрьский переворот вынудил семью Набоковых покинуть Россию. За границей будущий писатель окончил Кембриджский Тринити-колледж, где изучал романские и славянские языки и литературу. Известность он приобрёл в 1926-м, когда вышел его роман «Машенька».

Набоков вёл замкнутый образ жизни, почти не общался ни с литераторами, ни с русскими эмигрантами. В первое десятилетие активной творческой деятельности он опубликовал рассказ «Возвращение Чорба» (1928), повесть «Защита Лужина» (1930), романы «Камера обскура» (1933), «Отчаяние» (1934), «Приглашение на казнь» (1935–1936), «Дар» (1937).

Эмигрантская критика в целом восприняла Набокова как «странного писателя». Его виртуозная проза многих отталкивала некоторой холодностью. В. Ф. Ходасевич отмечал «двоемирие» Набокова, для которого воображаемый мир более реален, чем действительная жизнь.

В 1937-м Набоков покинул Германию, где воцарился фашистский режим. Сначала он поселился в Париже, потом переехал в США. Там начал писать на английском языке и публиковаться под своим настоящим именем (ранее он использовал псевдоним В. Сирин).

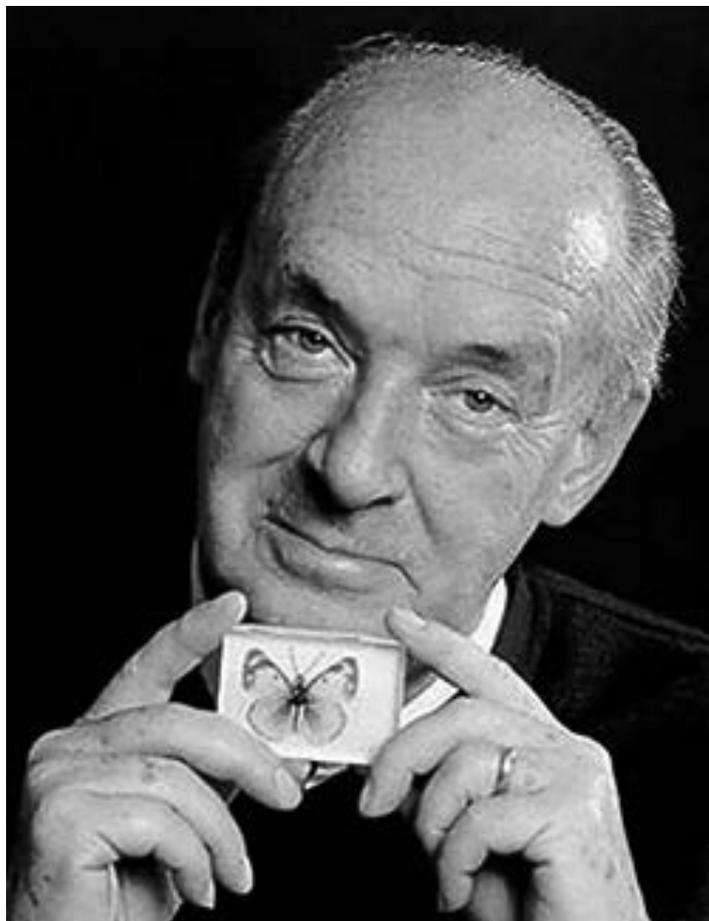
Первый англоязычный роман Набокова – «Истинная жизнь Себастьяна Найта» (1940), затем последовали «Другие берега» (1954), «Пнин» (1957). «Лолита» (1955), ставшая бестселлером и принёсшая автору мировую славу, была написана на русском и английском языках.

Гонорары за этот роман позволили Набокову стать материально независимым и целиком сосредоточиться на литературе.

В 1960-м он вернулся в Европу. В 1964-м вышел в его переводе на английский «Евгений Онегин» А. С. Пушкина в четырёх томах, снабжённый обширными комментариями.

Набоков также перевёл на английский «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Слово о полку Игореве», многие стихотворения из русской классики.

Скончался 12 июля 1977 г. в Монтрё (Швейцария).

Выбрав из набокковского стихотворения «Разговор» такое название для своих заметок, я не собираюсь ни иронизировать над этой строчкой, ни её оспаривать, – а только размышлять.

Творчество любого художника можно делить на периоды, классифицировать их по свободно выбранным признакам и снабжать любыми пригодными этикетками. Двадцатый век как никакой другой дал возможность литературоведам и исследователям делить стихи сотен русских поэтов на российский и зарубежный периоды. В случае с Набоковым такого не произошло: весь он, как поэт и писатель, состоялся вне России, на иностранном чердаке, а затем вполне себе и в бельэтаже, и в любом случае его наследие является целиком эмигрантским, хотя и его принято делить на «русское» и «английское» по оригинальному языку книг, либо «по месту жительства»: Европа – Америка – Монтрё.

Первая публикация стихов состоялась в июле 1916 года в «Вестнике Европы» без ведома 17-летнего автора, но месяцем раньше он самостоятельно издал поэтический сборник, куда вошло 67 стихотворений, посвящённых в основном первому любовному чувству – к Тамаре из «Других берегов», или Машеньке из будущего одноименного романа, или, по-настоящему, Валентине Шульгиной. Ещё в 1918 году стихотворения Набокова были напечатаны в сборнике «Два пути», и на этом с изданием его книг в России, прозой или в рифму, было покончено на долгие десятилетия.

Всё стихотворное наследие Набокова можно охарактеризовать так: собственно стихи, в том числе несколько стихотворных пьес и поэм, стихотворные переводы с русского и на русский и – условно – «Стихи из романа», совсем как у Пастернака, хотя скромнее и тише.

Рассыпанные по роману «Дар», вплетённые в его ткань – и в виде строчных вкраплений от автора, неожиданно вторгающихся в основной текст, и в виде стихов из книжечки за авторством Годунова-Чердынцева, – они словно создают параллельную жизнь, придавая тонкий флёр добавочных оттенков к основному колориту книги. Первые, строчные, по новаторству могут претендовать на открытие Набоковым модной ныне визуальной формы стихов, так называемой А4, хотя вряд ли нынешние погонные километры таких же упражнений современных поэтов достигают того ошеломляющего действия, как набоковские щемящие слова, сопутствующие главному движению романа, текущие вдоль повествования: «Люби лишь то, что редкостно и мнимо, что крадется окраинами сна, что злит глупцов, что смердами казнимо, как родине, будь вымыслу верна... близ фонаря, с оттенком маскарада, лист жилками зелёными сквозит. У тех ворот – кривая тень Багдада, а та звезда над Пулковом висит... не облака, а горные отроги, костёр в лесу, не лампа у окна. О, поклонись, что до конца дороги ты будешь только вымыслу верна...»

Вторые же, «стихи Годунова-Чердынцева», посвящены детству, и именно в них звучит главная нота тоски об утраченном, о том, чего не найти больше ни в одной земной стране: о времени. Детство Набокова – это сказочно-волшебный, лучезарный, нарядный, идеальный русский мир, Ингрия, Зоорландия; сияние детства смыкается с настоящим, истинным раем, который – по представлениям любого верующего человека – ещё светит впереди, то есть после смерти, а для Набокова, как у Адама и Евы, уже навсегда остался в прошлом. Он изгнан оттуда и по неоспоримо природным причинам (взросление), и по социальным: прежняя жизнь в Элизинуме, в котором произошёл классовый переворот, невозможна.

Антураж стихов прост и никак не относится к библейским реквизитам рая: мяч, закатившийся под нянин комод, часы в гостиной, выпавший молочный зуб, бабочки, велосипед, коробочка акварельных красок, вновь мяч, «живой, невероятно милый», обнаружившийся под тахтою... Разве в Европе и Америке нет акварели и мячей? Почему эти стихи при всей своей безыскусности рожают такой ностальгический всплеск в душе читающего – а прежде пишущего? Потому что весь этот миновавший уклад, взгляд на жизнь с высоты детского роста и тоска об утраченном – вот опорная нота в аккорде этих стихов, и главное в них не зарифмованные предметы, а понимание: всё это имело ценность до поры и растяло, «когда мы выросли, и что-то случилось с домом», где прежде всё было «так, как должно быть, ничто никогда не изменится, никто никогда не умрёт».

Стихотворения вне романа, каких в творчестве Набокова, разумеется, подавляющее большинство, вполне однородны. Почти все эти стихотворения, на мой взгляд, имеют больше отношение не к писательству, а к описательству. Вот стихи 1918 года:

**Цветёт миндаль на перекрёстке,
Мерцает дымка над горой,
Бегут серебряные блёстки
По глади моря голубой.
Щебечут птицы вдохновенней,
вечнозелёный ярче лист.
Блажен, кто в этот день весенний
Воскликнет искренно: «Я чист!»**

Конечно, юность пишущего со счетов не сбросишь. Но можно ли определить это стихотворение как безусловно индивидуальное, авторское, набоковское, а не просто общелирический русский стишок той эпохи? Его можно принять за случай-

ный стих молодого Бунина, Анненского, Полонского, или – как бы ни был возмущён моим кошунственным предположением сам Набоков – К.Р.:

**Задремали волны,
Ясен неба свод;
Светит месяц полный
Над лазурью вод.
Серебрится море,
Трепетно горит...
Так и радость горе
Ярко озарит.**

Все эти «О ночь, я твой!», «Как пахнет липой и сиренью», «Вот дачный сад, где счастливы мы были», «О, встречи дивное волнение!» и прочее, вплоть до «Башмачка» или «Фейна дочь утонула в росинке» (клад для Вертинского), – все эти утончённые обороты «алмазная песня», «жемчужная дуга», «зеркальный блеск» – пока не более чем общий культурный код, малый джентльменский набор утончённо образованного петербуржца, для которого вся русская природа сосредоточена на его ухоженной даче. Вероятно, стихи юного автора ещё значительно изменятся, и голос окрепнет? Ведь и молодая Цветаева значительное время балансировала между эгоизмом и красотами, самоупоённо описывая «В больших широкополых шляпах мы, кажется, ещё милей» или «Я, вечно-розовая, буду бледнее всех».

Что греха таить, нота самолюбования никогда не была чужда Набокову, эгоцентристу по призванию, другое дело, что он, как человек пронзительно-ироничный, мог вовремя посмеяться над собой, не говоря о других. Он всегда нёс и поддерживал в себе чувство особости, отчуждённости, инородности, и на том настаивал; это приятно и привычно возвышало его в собственных глазах. Когда в 20-е годы он учился в Кембридже и играл в футбол с сокурсниками, и то он умудрялся видеть себя со стороны так: «Сложив руки на груди и прислонившись к левой штанге ворот, я (...) думал о себе, как об экзотическом существе, переодетом английским футболистом и сочиняющем стихи на никому неизвестном наречии, о заморской стране». Именно это чувство, отчасти надменное, отчасти отчаянное, он почти дословно перенёс в стихотворение «Football»:

...Твой спутник отвечал, что, кажется, я родом из дикой той страны, где каплет кровь на снег, и, трубку пососав, заметил мимоходом, что я – приятный человек...

...А там все прыгал мяч, и ведать не могли вы, что вот один из тех беспечных игроков в молчанье, по ночам, творит, неторопливый, созвучья для иных веков.

Ну что ж, можно считать, что это оказалось правдой: иной век наступил, а мы по-прежнему читаем стихи Набокова.

Роман Гуль, написавший в рецензии на сборник стихов «Горный путь», что в нём слишком чувствуются затёртость формы и изношенные клише, на самом деле произнёс почти комплимент автору, который и смотрел на поэзию как на возможность написания образцовых метрических строф с продуманным и уравновешенным сочетанием эпитетов.

Время и горести заставляют взрослеть всех, не только поэтов.

После гибели отца Набокова от пули черносотенца в стихах молодого поэта появляются иные словесные обороты, более искренние и менее декоративные. В книге «Гроздь», как и «Горный путь» посвящённой памяти отца, всё те же пейзажи и мотивы, всё те же масштабы и детали, ангелы, девочки, ветра и лазурь, но интонация некоторых строк становится неподдельно человеческой, а не только

шлифованно-выточенной. Вот стихотворение «Пасха»:

Я вижу облако сияющее,
крышу блестящую вдали, как зер-
кало... Я слышу, как дышит тень и
каплет свет... Так как же нет тебя?
Ты умер, а сегодня сияет влаж-
ный мир, грядёт весна Господня,
растёт, зовёт... Тебя же нет.

В целом же стихотво-
рения В.В. остались такими,
какими и были в начале пути;
ошеломительного развития,
выпрастывания из пелён,
взмывания редкостной поэти-
ческой бабочки из матового
кокона не произошло – в от-
личие от его прозы. Стихи
продолжали быть соцветиями
гладких и глянцевиных, словно
восковых, строф о тоске и Родине,
рифмованными воспомина-
ниями о саде и Петербурге,
призывами к любви и музам,
написанными с долей холодноватого
эстетства, но среди них, на
мой взгляд, выделяются стихотво-
рения «Толстой», «Молчи, не
вспенивай души», «Расстрел», «Мать».

Причиной версификационной
гладкописи В.В. могла быть
его вера в консерватизм, как в поруку
и условие выживания языка
и культуры, оторванных от родной
почвы. Авангардизм он вос-
принимал как кощунство. Его
требование к стихам было «всё
вместить, всё выразить, всё
сберечь», в то время как поэзия
несгораемым сейфом для живой
речи быть по определению не
может.

Не имея возможности подробно
написать обо всех стихах
Набокова, мне не хочется
упустить возможность упомянуть
два-три его стиха, стоящих, на
мой взгляд, в стороне от общего
симметричного корпуса его
творений.

В 1927 году одну из своих
рецензий Набоков, почитавший
в то время Бунина безусловным
авторитетом, а также благосклон-
но относившийся к Ходасевичу и
Гумилёву, открыл такими
словами: «Есть в России довольно
даровитый поэт Пастернак.
Стих у него выпуклый, зобастый,
тарашающий глаза, словно его
муза страдает базедовой
болезнью. Он без ума от
громоздких образов, звучных,
но буквальных рифм, рокошующих
размеров. Синтаксис у него
какой-то развратный... плоховато
он знает русский язык, неумело
выражает свою мысль, а вовсе не
глубиной и сложностью самой
мысли объясняется непонятность
многих его стихов. Такому поэту
страшно подражать. Страшно,
например, за Марину Цветаеву».

Тем удивительнее собственный
стих Набокова 1959 года:

**Какое сделал я дурное дело,
и я ли развратитель и злодей,
я, заставляющий мечтать мир целый
о бедной девочке моей,**

написанный после публикации
«Лолиты» и явно подража-
ющий стихотворению Пастернака
«Нобелевская премия»:

**Что же сделал я за пакость,
Я, убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.**

Утончённый стилист Набоков
для подражания выбрал
именно того, кого ядовито
заклеймил тридцатью годами
раньше, как тяжеловесного
неумеху. Доказывает это
только одно: всю жизнь
Набоков следил за творчеством
Пастернака, хотя бы для
того, чтобы в литературной
полемике записать его в
«патентованные ничтожества»
наряду с Элиотом и Сартром.
Заделало, стало быть, сильно.
«Университетская поэма»
(1927) по времени написания
совпадает со «Спекторским»
(1925-1930), правда, сюжетно
и метромически вяло напоми-
нает «Графа Нулина». Позднее
Набоков безусловно ревновал
к тому, что премия досталась
прозе «Доктора Живаго», и не
мог не признать хотя бы про
себя, что как поэт Борис
Леонидович не просто «дово-
льно даровит», но сокрушитель-
но и неканонически талантлив.

Стилистом и слушателем Набоков
был отменным. Чего стоит
блестательное замечание, что у
Гоголя «комическое отделено от
космического всего лишь одной
свистящей буквой «с»; а как
рош набоковский знак равенства
по праву созвучия между
словами «плотник» (Иосиф) и
«плоть необструганной доски»
(«В пещере»).

И разве не близок к оригиналу
его язвительный перепев
Ахматовой в романе «Подвиг»:

**Я надела тёмное платье
И монашенки я скромней:
Из слоновой кости распяты
Над холодной постелью моей.
Но огни небывалых оргий
Прожигают моё забытьё,
И шепчу я имя Георгий –
Золотое имя твоё!**

И стихотворение 1944 года
«О правителях», едко и метко
пародирующее стилистику и
приёмы Маяковского (как и
раннее «Хорошо-с, – а помните,
граждане, Как хирел наш край
без отца?») тоже выпадает из
собственно набоковской поэти-
ческой манеры:

**Вы будете (как иногда
говорится)
смеяться, вы будете (как
ясновидцы говорят) хохотать,
господа – но, честное слово,
у меня есть приятель,
которого привела бы в
волнение мысль поздороваться
с главою правительства или
другого какого предприятия.
С каких это пор, желал бы я
знать, под ложечкой мы
стали испытывать вроде
нежного бульканья, глядя в
бинокль на плотного с
ёжиком в ложе?
С каких это пор понятие
власти стало равно
ключевому понятию родины?**

Декларативно обозначив в
чужой ритмике своё понятие
Родины, Набоков успевает
укусить Маяковского ещё раз
под конец стихотворения:

**Покойный мой тёзка,
писавший стихи и в
полоску, и в клетку,
на самом восходе
всесоюзно-мещанского
класса, кабы дожил до
полдня, нынче бы
рифмы натягивал на
«монументален», на
«переперчил» и так
далее.**

Была бы власть, а тёзка
Набокова для неё всегда
найдётся...

С ходом лет Набоков
отстаивал стихотворную
архаику как способ
сохранить русскую речь
и душу России всё твёрже.
Стихи его, как и жизнь,
шли «по личной обочине
общей истории», по его
собственному выражению.
Поэтому можно наугад
раскрыть том его стихов
и очутиться всё в том же
Петербурге эпохи
Серебряного века. Для
него поэзия слилась с
бесконечным процессом
реконструкции утраченного
физического и языкового
рая, стала попыткой
восстановления Эдема
через круг привычных
метафор, сигнальных
слов и ключевых понятий.
Он и смотрел на себя-
поэта, как на носителя
печати беспримесной
русской культуры в
литературе Рассеянья.

А что круг, вращаясь,
набирает всё большую
центробежную силу,
и возвращение к центру
рая = любви = родины
невозможно, он знал как
никто другой. Наверное,
поэтому одним из самых
проникновенных из числа
известных стихотворений
Набокова остаётся
«Расстрел», заканчивающийся так:

**...Но, сердце, как бы ты
хотело, чтоб это
вправду было так:
Россия, звёзды, ночь
расстрела и весь в
черёмухе овраг!**

Майя ШВАРЦМАН

ОВИДИЙ В ССЫЛКЕ

При нынешней скорости и оборотистости электронных коммуникаций нам уже не понять оторванности и одиночества человека, который был выслан из Рима в далёкое захолустье, фракийский город Томы (нынешняя Румыния), тогда заселённый греками, две тысячи лет назад, в 8-м году Anno Domini – лично императором Августом.

Две тысячи лет назад! Обстоятельства высылки успешного, признанного и обласканного жизнью пятидесятилетнего к тому времени Овидия неясны до сих пор. Часть исследователей и уклончивые упоминания самого Овидия говорят о том, что он совершил некий проступок.

Причины для вообще ссылки могут быть разными, как вот, например, у Стругацких: «Тихон был славный серенький домовик из Рязанской области, сосланный Виём в Соловец за какую-то провинность: с кем-то он там не так поздоровался или отказался есть гадюку варёную...»

И директор НИИ, и кандидат наук тоже могли в 20-м веке оказаться чертёжниками в какой-нибудь захолустной шарашке, и ещё хорошо, если так. Словом, ссылка как наказание, то есть физическое перемещение неугодного лица за нефизический ущерб власти – в отдаление, чтобы хуже было слышно, приём не новый.

Другими уточняется, что проступок состоял в том, что он оказался невольным очевидцем чего-то, чего не должен был знать, и его удалили как ненужного свидетеля.

Ещё часть литературоведов утверждает, что его выслали за фривольную книгу «Наука любви», которая, по мнению Августа, способствовала падению нравов. Но эта книга была написана и всеми признана за восемь лет до высылки и никак не могла быть свежей причиной такого беспрецедентного наказания.

Последние, и я, признаюсь, стою на их стороне, склоняются к тому, что ссылка Овидия была только приёмом, которым до сих пор успешно пользуются политики. Чтобы отвлечь внимание общественности от чего-то другого, в том числе и от своих собственных неблагоприятных поступков, надо только выбрать кого-то приметного и сделать с ним нечто очень суровое и малообъяснимое. (Аналогии и примеры? – сколько угодно!)

В случае с Овидием цель была достигнута абсолютно: он прожил в ссылке ещё десять лет, пока не умер там же, и все эти годы он не уставал молить кесаря о разрешении вернуться и о прощении вины, которую он сам отчётливо никогда не называл. И все эти десять лет общественность Рима не переставала пережёвывать слухи и догадки о причине его опалы. Как видите, загадок хватило на две тысячи лет.

Что начинает делать любой человек, высланный властями за пределы своей страны, или оказавшийся в чужом месте силой обстоятельств, или просто надолго, а то и навсегда уехавший? – Он пишет письма оставшимся.

Раньше расстояние и время вообще имели другой смысл. Человек десять дней ехал из Петербурга в Москву и писал об этом целую книгу, за что ему приходилось потом отправляться по ещё более далёкому маршруту.

Другой, ещё раньше, совершал «Хождение за три моря», и тоже оставлял об этом толстый том.

Даже вымышленный (вымышленный ли? «из Марциала») лирический герой Бродского слал «Письма римскому другу».

А «Записки из Мёртвого дома», «De Profundis» – примеров множество. Ни один отринутый обществом, ни один уехавший не хочет исчезать из сердец и памяти тех, кто остался, и делится с ними всеми подробностями тяжкого пути и нюансами своих переживаний. А уж поэтам делать это сам Бог велел.

Всё наследство эмигрантских творений Овидия суть письма. Свои главные книги он создал в первые пять лет ссылки. Это объёмные «Скорбные Элегии» и «Письма с Понта». Также он написал небольшую поэму «Ибис» – это книга, полная таинственных проклятий кому-то неназываемому, кто, возможно, и виноват в его ссылке, и хотел поживиться его имуществом. Кроме того, стилистически она написана, как пародийное отражение собственных приёмов, как актёрский монолог, и противопоставляется всему остальному творчеству Овидия. Призывы к милосердию «Элегии» здесь сменяются нападками и злобой, благословения – проклятиями, да и сам адресат (раньше: друзья, родные, жена) – это теперь образ врага.

Через пять лет изгнания вдохновение заметно иссякает, и меняется предмет поэзии. От позднейшего периода остаются неоконченная поэма «Фасты», а также «Орешник», «Наука рыболовства» и «Притирания для лица». Содержание двух последних ясно из названий, да и сами стихи являются просто виртуозными упражнениями профессионала на избранную тему.

Главные же поэмы Овидия заслуживают пристального внимания.

Овидий начал писать свои lamentации, едва ступив на борт корабля. Уже к прибытию в место ссылки у него была готова первая книга «Скорбных элегий», которую он немедленно отправил назад в Рим с тем же кораблём. Название книги по латыни – «Tristia», и тут невозможно удержаться от ассоциации. Стихи Мандельштама периода 1916-20 гг. составили книгу, озаглавленную им «Tristia», разумеется, восходя названием к Овидию. Параллели мрачны, но неизбежны: биография Мандельштама в дальнейшем включает в себя и ссылку, подобно античному автору, и безвременную страшную смерть.

Пять книг «Скорбных Элегий» содержат в себе всё, что могут содержать письма изгнанника или эмигранта. Он неустанно описывает свои невзгоды, когда вокруг плохо всё: погода, климат, растения, язык местных жителей – непременно варваров, их одежды, манеры, ритуалы, их праздники, их дети, их еда и род занятий. (Как это знакомо, правда?)

**Как посмотрю я вокруг – унылая местность, навряд ли
В мире найдётся ещё столь же безрадостный край.**

А на людей погляжу – людьми назовёшь их едва ли.

Злобны все как один, зверствуют хуже волков...

Все десять оставшихся ему лет он упоённо разделяет социум, существующий вокруг него, на «я» и «они». При этом оставленный возлюбленный город, то есть Рим, – это «там, у нас», и он даже пишет его только с большой буквы: Град. Потому что вне Рима, неустанно им воспеваемого, для поэта жизни нет. (Короче говоря: «В Москву! В Москву! В Москву!»)

Он настаивает на том, что, сколько бы ни прошло времени, он не привыкнет никогда и ни за что.

**Думал я: длительный срок затянуться поможет рубцами
Ранам – а раны болят, будто я ранен вчера.**

Он принципиально не учит местный язык: а зачем? ведь это место никогда не станет его домом! – и поэтоу честно повторяет: меня никто не понимает. Так он сладостнее чувствует своё одиночество.

Пусть в них опасности нет, но они отвратительны с виду...

Между собою они говорят на местном наречье,

Я же движеньями рук мысль выражаю для них.

Сам я за варвара здесь: понять меня люди не могут,

Речи латинской слова глупого гета смешат.

Прочие темы для жалоб – это одиночество, отсутствие друзей, родных, немильность судьбы и незаслуженность страданий. И небу, и земле рассылаются упреки: как они там могут быть счастливыми, когда он так несчастен? и... неужели забыли его? Вот какой красноречивый намёк содержится в начале одной из элегий:

Всё ли ещё, когда с Понта письмо принесут, ты бледнеешь?

«Письма с Понта», которые включают в себя четыре книги, это письма к практически определённым адресатам. Благодаря этому мы знаем имена тех, кого Овидий считал своими друзьями. Понтийские письма продолжают избранную тему «Элегий» примерно в том же ключе.

Я не смыкаю глаз – и печаль моя глаз не смыкает...

Рана моя такова, что ежели нет ей целенья,

То безопасней всего мне не трогать её...

Звёзды иные у нас, небеса не такие, как в Риме...

Помимо жалоб письма включают в себя руководства к действию: Овидий точно указывает, когда, кому и как просить за него у императора («Женё», «Сексту Помпею» и др.): когда уместно всплакнуть и разжалобить Августа, когда лучше скромно промолчать. Он вообще выстраивает целый сценарий и в любом случае и при любой теме в своих посланиях заботится о том, чтобы убедить оставшихся посвятить всю свою жизнь ему, Овидию, и его возвращению на родину. А если не возвращению, то хотя бы смягчению ссылки и разрешению жить поближе к единственному Граду. Также обращает на себя внимание трогательная иерархия, указанная в стихах Овидия, определённые правила субординации: сначала просить надо Августа, а уж затем обращаться к богам. Потом он и вовсе называет Августа богом, чем сокращает алгоритм хлопот на один шаг.

Надо сказать, что объединяющими темами «Скорбных элегий» и «Понтийских писем» являются воспевание самой поэзии и непрестанные восхваления императору.

Дар Овидия, отчасти, вероятно, послуживший причиной ссылки (книга «Наука любви») – его же величайшее благо, именно благодаря своему поэтическому таланту он обращает, подобно Мидасу, любой камень действительности в золото строк.

Ты советуешь мне развеять печаль стихотворством...

Или:

Больше стихов не хочу, но пишу против собственной воли...

И даже временная немота от угнетённости духа превращается в повод для нового послания:

Больше нет слов у меня просить всё о том и о том же,

Стыдно пустые мольбы мне повторять без конца.

Такое начало письма «Друзьям» включает в себя сорок (!) строк, развивающих столь банальный зачин об отсутствии вдохновения.

Императору же достаётся следующее – в различных вариантах и неоднократно:

Ты, что зовёшься отцом и правителем нашей отчизны,

С богом поступками будь, так же как именем, схож.

Ты ведь и делаешь так, и нет никого, кто умеет

Власти поведья держать так же свободно, как ты.

Вот так прямо и простодушно. О, как знакомо...

Через пять лет ссылки печаль стала понемногу стихать. В Риме в 14-м году умер Август, так и не вняв воплям опального поэта. Императором стал Тиберий, а на него у Овидия не было никаких надежд. Ему пришлось учиться смириться с мыслью, что жизнь его закончится в изгнании. Он по-прежнему продолжал писать «Письма с Понта», но перестал собирать их в новый сборник. Он заметил и сам, что остыл, стал меньше писать к друзьям и надеяться на действенную помощь. Начал поэму «Фасты» – стихотворные вариации на тему религиозных дат римского календаря, но закончить её не смог.

Понемногу он освоился с гетским языком и даже составил несколько стихов – восхвалений Августа – на местном наречии. И аборигены оказались не такими уж бездушными дикарями: они отлично сознавали, кто достался им в невольное соседство, и власти города в знак почёта освободили Овидия от налогов и увенчали его венком. Словом, Овидий почувствовал, что «можно быть римлянином и вне Рима и поэтом без читателей и слушателей», по блистательному выражению М. Л. Гаспарова.

В заключение надо сказать, что кажущиеся далёкость тем и манера стихосложения античного поэта – совершенно условны. Наоборот, его стихи отличает большая естественность, и его поэзия может быть близка любому читающему, ссыльному или нет.

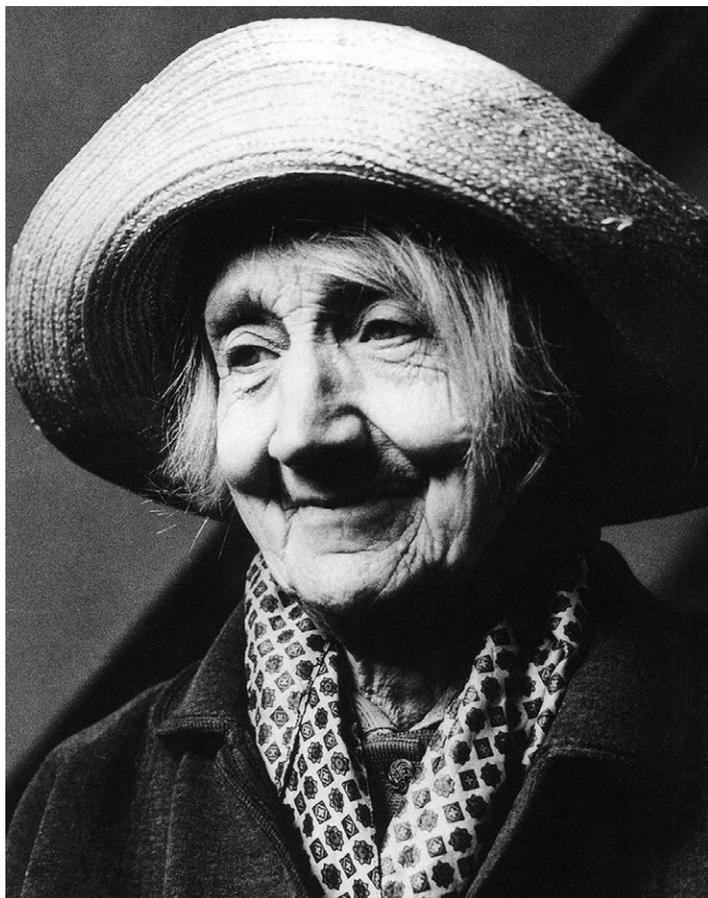
Всё, что людям дано, на тонкой подвешено нити...

Это сказано Овидием, хотя получило большую известность в пересказе другого автора, – «не так ли, игемон?..»

И разве что-то изменилось за две тысячи лет?

Майя ШВАРЦМАН

МАЛЕНЬКИЙ ЛОРД ФАУНТЛЕРОЙ

Так назвала она себя в одном из своих стихотворений. Так называл ее человек, ставший самой большой любовью ее жизни.

Она, дожившая почти до ста лет, была старейшей писательницей России, последним лучом Серебряного века. Большая часть написанных ею произведений погибла при ее неоднократных арестах.

Она, всю жизнь бывшая в тени своей сестры Марины, отнюдь не стала ее тенью. Не стоит их сравнивать – при всей их «сиамской близнецовости», при всем уникальном звучании в унисон их голосов и душ, они отличались друг от друга. Иногда довольно сильно. Ее путь, сложный и многотрудный, – восхождение и торжество духа над, казалось бы, непреодолимыми обстоятельствами. Если суть Марины – гениальность, ее сутью было не менее высокое, а в человеческом смысле, может быть, и более важное понятие – совесть...

27 сентября исполнилось 120 лет со дня рождения Анастасии Ивановны Цветаевой (1894 – 1993)

Ася была младшей дочерью профессора Ивана Владимировича Цветаева и Марии Александровны Мейн. Она лишилась матери в двенадцать лет – Марию Александровну унес туберкулез. Отец, едва оправившись от удара, вновь с головой окунулся в свои бесчисленные дела. А для Аси наступило время тоскующего сиротства, душевной растерянности и глубокого внутреннего одиночества...

... Ясным зимним днем на катке Патриарших прудов гимназистка шестого класса Ася Цветаева встретила его – с пронзительным взглядом синих глаз, в легкой пиджачке и золотой собольей шапке, надетой немного набок, из-под которой вывалились пышные, длинные, как у Листа, белокурые волосы.

– Борис Трухачев! – представился он, сильно грассируя.

При знакомстве Борис сказал, что ему двадцать семь лет. Совсем взрослый! Приврал, конечно, для солидности. На самом деле он был старше Аси всего на два года и слонялся без дела, исключенный из гимназии.

До этого у Аси были «совместные» с Мариной влюбленности – сначала в поэта-символиста Льва Кобылинского, писавшего под псевдонимом Эллис, которого сестры прозвали Чародеем, потом в филолога и переводчика Владимира Нилендера. Но это все было детское, ненастоящее, мимолетное...

Летом Ася уехала в Коктебель, в дом поэта Максимилиана Волошина, где уже состоялась другая «роковая встреча» – Марины Цветаевой и Сергея Эфрона. Вскоре за Асей примчался истосковавшийся Борис. Потом по примеру старшей сестры в декабре 1911 года Ася отправилась со своим женихом в заграничное путешествие. Тайное, разумеется. В разных поездках, чтобы родители ни о чем не догадались. Под предлогом лечения. На самом деле Ася была беременна.

Здесь же, за границей, начались разногласия влюбленных. Каждый из них обладал сильным и сложным характером, никто не хотел ни в чем уступать другому. В Асе проявлялись властные черты, она была чересчур требовательна, а Борис не умел или не мог приспособливаться – ни к людям, ни к обстоятельствам...

Ася и Борис поженились в том же году, что и Марина с Сергеем – в 1912, с разницей в три месяца. Венчание состоялось в скромной церкви села Всехсвятского «Убежища увечных воинов», а потом вся компания отправилась в ресторан «Прага», в позолоченный зал на втором этаже. Так получилось, что сестры не присутствовали на свадьбах друг у друга. Их первенцы – сын Аси Андрей и дочь Марины Аля (Ариадна Эфрон) – родились с разницей в три недели.

Но разве готовы были юные супруги взвалить на себя семейные обязанности? Во всяком случае, Борис к этому был явно не готов. Он вел свободный образ жизни, играл на бильярде, приходил, когда ему вздумается. Если бы Ася спросила его, куда он уходит, он бы попросту не ответил. Она и не спрашивала.

Шафером на Асиной с Борисом свадьбе был его гимназический друг Боря Бобылев. Они почти все время проводили вместе. По вечерам в гостиной пылал камин, молодые люди пили красное вино, глядя на огонь через отливающий рубином хрусталь бокалов. Пели песни, романсы. Боря Бобылев смотрел на Асю с нескрываемой нежностью. В ее жизнь Бобылев вошел преданным другом, почти братом. Она подолгу разговаривала с ним, читала ему наброски своих будущих книг, делилась сокровенными переживаниями...

...Зима, искристый морозный вечер. Ася возвращалась домой, неся только что купленный в кондитерской торт к чаю.

Дверь открыл Боря Бобылев. «Миронов приехал!» – с порога сообщил он Асе новость. Если бы только Ася знала, что будут значить в ее жизни эти слова... Они прозвучат еще не раз, с многолетними паузами, внося сердечное смятение и взрывая, казалось бы, только-только устоявшийся жизненный распорядок.

Миронов учится на юридическом факультете университета. Она уже что-то слышала о нем. Откуда-то из Сибири, кажется, из Иркутска, где заканчивал гимназию. Гость двинулся навстречу Асе – маленькой, хрупкой, с таким же, как у Марины, нежным румянцем, словно просвечивающим через тонкую золотистую кожу ее лица с мягкими чертами. Светло-русая головка, прическа – как у пажа.

– Знакомьтесь, Николай, это жена Бориса.

– Нет, это же маленький лорд Фаунтлерой!

«Ася, я полюбил Вас с первого взгляда и на всю жизнь», – скажет он ей потом...

Ася смутно догадывалась, что тоже полюбила Миронова, но говорить об этом не решалась...

Вскоре печальные события накатили одно за другим: самоубийство Бобылева, уход из дома Бориса, поверившего клевете про Асю и Бобылева, смерть Ивана Владимировича, начало мировой войны... У Аси появился гражданский муж Маврикий Александрович Минц. Морек, как звала его Ася, был старше ее на десять лет. Скромный человек с застенчивой улыбкой и очень светлыми печальными глазами. Постепенно они врастали друг в друга, и Ася чувствовала, что нестерпимая горечь уходит с ее истерзанной души...

Неожиданно принесли телеграмму: Коля Миронов просил Асю приехать в Тулу, чтобы проститься перед его отправкой на фронт.

– Я люблю его и люблю Вас, – потерянно и твердо сказала она Маврикию. – Что мне делать?

– Ехать, – ни минуты не колеблясь, ответил он.

Провожая Колю, Ася не найдет в себе сил выйти из вагона... В эшелоне она заболит скарлатиной, три месяца пролежит в больнице в Варшаве, откуда ее заберет вызванный телеграммой Маврикий. Они поселятся вместе в городке Александрове, куда Маврикия направили служить в учебную команду. Ася родит второго сына Алешу. Близкие отношения с мужем прекратятся, но он примет это с достоинством и будет еще больше заботиться о жене и детях...

... И тут с фронта вновь приехал Миронов.

Судьба подарила им с Асей еще шесть дней безмерного счастья. Это едва не стоило Асе жизни. Маврикий Александрович, в отчаянии, не видевший выхода из трагически-мучительной ситуации, задумал отравить Асю, Алешу и себя. Он был инженером-химиком и хорошо разбирался в ядах. Но в последний момент, когда все было готово, кто-то незримый словно отвел его руку.

А весной 1917 года Маврикий неожиданно скончался от острого перитонита. Ася с детьми отдыхала в Крыму у Волошина. Она даже не успела на похороны, застав лишь свежую могилу. Потрясенная обрушившимся на нее несчастьем, Ася вернулась в Коктебель, к Волошину и его матери, – туда, где ей было легче пережить свое горе. И где через два месяца так же внезапно и страшно умер от дизентерии ее младший сын – годовалый Алеша.

В этот кошмарный период ее первый муж Борис бросил все дела и примчался к Асе. Привез ей, оставшейся без каких-либо средств, свои последние деньги, полученные по завещанию матери. Помог перевезти их сына Андрея, тоже заболевшего дизентерией, в Феодосию, нашел врача...

Всего полтора года спустя они встретятся снова, в Старом Крыму, отрезанные от мира гражданской войной. Борис заболит тифом. И надеясь, что молитва спасет его, сквозь стужу и ветер, Ася из последних сил проползет через несколько улиц на коленях до церкви, пугаясь в подоле длинной шерстяной юбки. Бог не уберет Бориса. По странному велению судьбы ему было суждено умереть на руках у Аси в том самом Крыму, где когда-то цвела под южным солнцем у моря их любовь...

В двадцать восемь лет Ася дала перед Богом обет целомудрия, нестяжания, неедения мяса и запрещения лжи. С тех пор близких отношений с мужчинами у нее не было. Так закончилась женская история Анастасии Цветаевой. Назревала совсем другая история, длившаяся несколько десятилетий – история крепнущего духа, не сломленного ночными допросами и сталинскими лагерями, издевательствами следователей и непосильным трудом, подступающей слепотой и страшной вестью о гибели Марины. До начала этой, другой, истории оставалось несколько лет, а пока...

Как-то, вернувшись домой, Ася от соседки узнала, что в ее отсутствие два раза заходил и спрашивал ее «какой-то Миронов». Они не виделись целых шестнадцать лет! Им уже под сорок! Она и хотела, и боялась этой встречи... Миронов приехал в Москву с Дальнего Востока и намерения имел самые четкие: жениться на Асе и хотя бы вторую половину жизни провести вместе. Он прожил у нее в Мерзляковском переулке несколько недель и радовался, как ребенок. Но почему-то такое естественное для них обоих желание близости – естественное, как дыхание – оставалось лишь желанием...

«Ты разлюбила меня?» – голос Коли дрогнул. И тогда, глядя его по черным волосам, в которых уже всю серебрились нити седины, Ася рассказала ему все. Что она дала слово. Что ей стоит неимоверных усилий его сдерживать, но поступить по-другому она не может – иначе перестанет себя уважать. Что все кончено. Что они должны расстаться и на этот раз – навсегда.

Два не совсем уже молодых человека не сдерживали слез.

– Я скоро уеду, – говорил Миронов, бережно целуя своего «маленького лорда Фаунтлероя» в лоб и глаза, – я не сделаю ничего, о чем бы мы потом пожалели. Но знай, что я всю жизнь любил и буду любить только тебя. Тебя одну...

Большой портрет Николая Миронова стоял у Анастасии Ивановны на полке до конца ее дней...

Елена ЕРОФЕЕВА-ЛИТВИНСКАЯ.

Три жизни Екатерины Асмус: время настоящее...

Талантливый человек успешен если не во всем, то во многом. Рожденная в семье художника и математика, потомок того самого барона Мюнхгаузена, родственница знаменитых Трауготов, Екатерина Асмус просто обречена была продолжить творческие традиции своей семьи. Художник, концертный и гастрольный администратор больших рок-н-рольных проектов, поэт и автор-исполнитель, писатель, журналист, сценарист... Это далеко не полный перечень профессий, в которых преуспела наша героиня – любительница поэзии Серебряного века и деканса, живущая в пространстве между Питером и Флоридой.

Мы не будем рассказывать о прошлом, ибо оно уже прошло. Не будем говорить о будущем – его еще нет. Поговорим о настоящем, которое буквально на наших глазах становится иллюстрацией к публицистике, художественной прозе и сценариям Екатерины Асмус.

Сольный дебют автора состоялся достаточно поздно. В 2011 году увидел свет первый «короткий роман» Асмус «Рок», подводящий черту под многочисленными прозаическими и поэтическими публикациями в периодике. Именно в этом произведении впервые особенно четко проявились особенности ее повествовательной манеры: сочетание «правды факта», порой неприглядной, и яркого, как венецианский карнавал, стиля. Совсем недавно вице-президент Ленинградского «Рок клуба» Антон Шлей предложил Екатерине экранизировать это произведение. Поддержать проект готов Комитет по делам кинематографии. Так что, вполне возможно, что в 2015 году «Рок» появится не только на книжных полках, но и на телеэкранах.

По словам Екатерины, она никогда ничего не выдумывает. Все события, о которых она пишет, действительно произошли в реальности. Создавая разные по тематике и проблематике произведения – детскую «Книжку с картинками», детектив «Самолеты над Голливудом» или научно-популярную работу «Моя рука – биокомпьютер» – она остается верна этому принципу. На «Самолетах» остановимся отдельно. Книга родилась в 2013 году, тогда Екатерина длительное время жила во Флориде, США. Известный писатель-фантаст Андрей Дмитриевич Балабуха, написавший предисловие к изданию «Самолетов над Голливудом» (издательство «Аура-Инфо»-2014 год), назвал книгу «Голливудский коктейль или шкатулка с секретами». Детально проанализировав произведение, Андрей Дмитриевич подчеркивает, что переплетение сюжетных линий и наличие двойного, тройного dna этого детектива, «полицейского романа» делает его особенно интересным. «...Парадокс заключается в том, что именно легкие жанры (в данном случае детектив – прим. автора), нередко оказываются серьезнее прочих, проникают в реальность глубже, а в читательском сознании запечатлеваются прочнее. На чем и держится неувядающая популярность Александра Дюма-отца или сэра Пэлама Грэнвила Вудхауза» – пишет Балабуха.

Насыщенная событиями (а, соответственно, и разнообразными знакомствами) жизнь нашей героини вполне

логично приводит ее в журналистику. В том же 2011 году в радионном пространстве появляются две авторские программы Асмус: «Найти себя» (радио «Мария») и «Звездочка удачи» (радио «Петербург»). Участниками программ становятся многие крупные фигуры, имеющие самое прямое отношение к отечественной и мировой культуре – Борис Смолкин, Михаил Шемякин, Вадим Лобанов. На журналистском поприще проявляется и еще один талант героини: умение говорить об актуальных и злободневных проблемах жестко и прямо, вовлекая в этот диалог своих именитых гостей. Хорошим итогом журналистской деятельности Екатерины явилась книга публицистических эссе, вышедшая летом 2014 года при поддержке Комитета по печати Санкт-Петербурга в издательстве НППЛ «Родные просторы». Материалами для издания послужили собранные за период 2010-2012 гг статьи, очерки и эссе, написанные Екатериной для разных изданий в России и за рубежом. Книга включает художественно-публицистические работы, посвященных выдающимся личностям VIII – XXI веков. Жизненный путь, работа, творчество этих людей, так или иначе, связаны с судьбой России и Петербурга. Имена героев книги известны почти каждому россиянину, а некоторые из них имеют мировую славу: Михаил Шемякин, Эрнест Ясан, Михаил Калатозишвили, семья Траугот-Яновых, Юлий Ким, Владимир Скворцов, Иван Александрович Гончаров, Марк Шагал и даже барон Мюнхгаузен. Издание книги поддержали также Фонд художника Михаила Шемякина, киностудия Ленфильм, радио «Петербург» ГТРК 5 канал и радиоканал «Мария»

Желание реализовать свое художественное дарование приводит Екатерину и в киноиндустрию. С 2000 года она участвует в создании таких картин, как «Бедный, бедный Павел», «1814», «Столыпин. Невыученные уроки» и других, в качестве художника-постановщика работает над фильмами «Клара и Роза» и «Вместе».

Закономерно, что ее умение представлять и организовать пространство и рассказывать непридуманные истории, со временем вылилось в увлечение сценаристикой. В разные годы у Асмус был опыт сценарной работы в разнообразных проектах, а в 2015 году на экраны должен выйти художественный фильм «Училка» (совместное производство кинокомпаний «Стартфильм» и «RFG») – остросоциальная драма о школе, которая в данный момент снимается в Москве режиссером Алексеем Петухиным (Вий, Вий-2) по сценарию Екатерины. Вот что говорит о сценарии Петр Черенков, генеральный продюсер картины: «Когда мы получили сценарий фильма, то были ошеломлены, как можно простым кинематографическим языком показать зрителям проблему, и не просто показать, а обозначить выход. В основе сюжета экстремальная ситуация, где мы имеем возможность увидеть современных учителей и подростков, и попытаться понять – как они стали такими?!» Молодые актеры, готовящиеся стать героями фильма, считают тематику произведения крайне важной и своевременной. Вот некоторые отзывы с официального сайта проекта:

- Я и плакала и злилась, а главное.что взхлб!!
- И роль мне моя нравится!!! А еще хорошая роль у Птахи! Там у нее и любовная линия.
- Сценарий очень сильный!!! Оочень!!!
- Я знала свои две сцены, а вот когда с «жирафом» и стих... Я прослезилась!!!

Столь разносторонняя творческая активность, конечно же, не обойдена вниманием организаторов премий. С 2007 года Асмус с завидной регулярностью получает награды и премии как автор-исполнитель, писатель, журналист и сценарист. Last not least – диплом имени Вильяма Шекспира за переводы песен, вручаемый в рамках премии «Золотое перо Руси» -2014.

Яркая и завораживающая, прямолинейная и многоликая, Екатерина Асмус умеет описать действительность так, что меркнут самые смелые фантазии. Бесценный дар, которым обладают немногие.

Елена БОЙЦОВА, журналист.

Вера Бодычева

Президент культурного фонда «Моя Москва», издатель, член Союза писателей России, кандидат философских наук, автор пяти поэтических сборников. Лауреат престижных литературных премий, награждена многочисленными наградами, в том числе почетным знаком ЮНЕСКО «Рыцарь науки и искусства».

Женщина

Я беспричинна и бесконечна.
Мне имя – жизнь. Я – просто женщина.

Я возвеличена и в прах низвержена.
Я есть ничто, и я есть женщина.

Во мне любовь и смерть замешаны.
Коль слово – Бог, то Бог есть женщина.

Цунами

Блуждая меж явью и снами,
Вдруг падаю с высоты...
Я вижу: идет цунами.
И этот цунами – ты.

Попытка счастья
Тебе — молчание, мне — речь.
Величье власти.
Не разделить того, что есть
Ничем на части.

Душе – свобода, сердцу – боль.
Богопричастье.
Ещё не сыгранная роль —
Браслет запястья.

Судьба играет «в дурака» —
Восторг всевластья.
А ветер гонит облака —
Опять ненастье.

Спешит гонец издалека.
Конь рыжей масти.
В твоей руке моя рука –
Попытка счастья.

* * *

Разные одежды
Сегодня буду в голубом,
А завтра – в красном.
Как будто по воде веслом:
«Прощай» и «Здравствуй».

Струна натянута и звук
Печальный скерцо —
Так в тишине внезапный звук
Пронзает сердце.

Стою пред жертвенным столбом
В потоке света.
Не в красном и не в голубом,
А как и ты — раздета.

* * *

Мудрость познаю — жить
 Благо приму — прощать.
 Тебя не буду любить,
 Ждать, вспоминать и звать.

Выжгу рубцы потерь,
 Душе запрешу скучать.
 В закрытую сердца дверь
 Не разрешу стучать.

Буду смеяться и петь,
 И больше не вспоминать,
 А врач констатирует смерть
 От дозы смертельной — ждать.

* * *

Приворожит дурманом грешным
 Полынь степная.
 Кому-то странником быть пешим,
 А я — летаю.

Кому-то плакать и смеяться,
 Забот не зная.
 А мне в пространстве растворяться,
 Ведь я — летаю.

Жизнь, отдавая, расплатиться
 За миг годами.
 И не понять: явь или снится,
 Что я — летаю.

Марокко

Жёлтым — по-черному,
 Чёрным — по-красному —
 Страстная графика.
 Солнце — в зените,
 Пот из-под лобья —
 Жаркая Африка.

Ветер, барханы,
 Плач муэдзина,
 Стон старика.
 Смерть в лабиринте
 Древней медины —
 Страшная Африка.

Фес, Маракеш, Агадир,
 Эль Джадида,
 Ослик, бредущий в века.
 Чёрное тело
 Белым покрыто —
 Тайная Африка.

Неразделимость
 Верха и низа.
 Обруч экватора,
 Словно река.
 Шум океана,
 Мареве бриза —
 Вечная Африка.

Прозрение

Так быстротечна жизнь и встречи,
 Ещё желанные вчера,
 Как стеариновые свечи
 Стекают каплями с пера

Гусиного на лист бумажный,
 Чтоб я, прозревши, вся дрожа,
 Вдруг осознала: в жизни важно
 То, что не стоит ни гроша.

Время остановлю
 Время остановлю —
 Не буду спешить жить.
 Плаванье — кораблю,
 Золотошвейке — нить.
 Умному — горы книг,
 Нищему — соль да сума.
 Мне — бесконечности миг,
 Чтоб не сойти с ума.

Из цикла «Дальние страны»

Африка

Пахнет медина шафраном и мятой.
 Финики, дыни, миндаль.
 Кобальт воды, сводом неба объятый,
 Мёртвой земли киноварь.

Терпким вином мой сосуд наполняя,
 Африка бродит во мне.
 Белое чёрным переполняя,
 Делаюсь я, как все.

То растворяясь в мареве бриза,
 То погружаясь во тьму —
 В Африку! Самоубийцей с карниза
 Падаю и тону.

Синий фламинго

Путь в дальние страны — вселенной границы —
 Зовёт, словно фата-моргана.
 Там прячутся в бухтах крикливые птицы,
 Спасаясь от урагана.

Там пальмы послушные, солнцем раздеты,
 Качаются сонно и пьяно.
 А мареве вод перламутровым светом
 Манит призывно и пряно.

Там остров, горами покрытый, как кожей,
 И город загадочный — Санта-Доминго,
 И берег, где бродит совсем не похожий
 На розовых синий фламинго.

Но мы поем, чтоб жить, живем, чтоб петь...

О творчестве Норы Файнберг

Родилась в Москве в 1929 г. Закончила Харьковский медицинский институт в 1952 г., кандидат медицинских наук. В 1978 вместе с семьей эмигрировала в США, где продолжает работать врачом. В настоящее время живёт в штате Пенсильвания.

Первая изданная книга — роман «Белая сирень», Филадельфия, 1984 (дважды переиздавался в США на англ. и русск. языках, в 1999 вышел многотиражным изданием в Москве). Последующие романы и повести, опубликованные в Филадельфии: «И дождь пройдет», «Александритовый перстень», «Дальше ты пойдешь один», «Поздняя осень в Дженкинстауне», «Детектив в письмах», «Кривая судьбы», «Укрощение кентавра», и цикл рассказов «Возвращение».

Помимо прозы пишет стихи и делает переводы. Сборники стихотворений: «Свет и тени», «Следы на песке», «Post Mortem», «Облака», пьеса в стихах «Медея». Издана книга переводов американской поэтессы Джоселин Холлис, 1991. В Израиле в 1998 вышла книга песен и романсов на слова Н.Файнберг, музыка к которым написана Т.Гординой. Написаны несколько сценариев литературно-художественных постановок, поэтических концертов, пьеса «Поговори со мною, мама» вошла в репертуар Филадельфийского театра «Анкор».

Физически мы живем единожды, время не возвращает нас в прошлое — только память остается надолго, выходит за рамки времени. Кто же из нас остается жить за его пределами? Наверно, тот, кто сумеет прожить этот данный ему Богом отрезок времени неординарно. Как удивительно странно движется время, впитывая в себя те или иные события, оно повторяет их снова.

**Растянуты бесформенно и длинно,
Часы свисают с веток до земли.
Живем во времени, но непременно,
То в легкости, то в тяжести часов.
Судьба свой груз кладет попеременно,
Колесит стрелку на шкале весов.**

Люди уходят, но остается память, следы их деяний, их творческий дух, который не исчезает бесследно, а только на время, чтобы воплотиться снова, повториться в другом столетии, другой эпохе. Эти моменты воплощенного творчества оставляют свой след в истории и продолжают жить, вдохновляя следующие поколения литераторов и художников. Хотя судьбы литераторов первой и второй эмиграций глубоко трагичны, суть поэтического творчества всех трех волн остается одна и та же: разделить с читателем свои мысли, чувства, боль, выплеснуть ее и найти в творчестве освобождение, духовное соединение со своими единомышленниками — поэтами и читателями.

**И пока мы играем с лезвием
Отточенного ножа —
Сохрани нам еще поэзию
В ритмах медленных капель дождя.**

Доктор Нора Файнберг — известный поэт и прозаик — гордость русского филадельфийского общества, филадельфийская легенда.

Она родилась в Москве, окончила Харьковский медицинский институт и там же защитила свою кандидатскую диссертацию. Оставив за плечами любимую работу врача, в 1978 года Нора приезжает с семьей в Америку и начинает свою жизнь сначала. Однако, вскоре сдав в Америке экзамены на врача, доктор Файнберг возвращается к своей профессии. Но в жизни ее есть еще одно любимое занятие. Нора не может жить без творчества. Кто не зачитывался ее романами: «Белая сирень», «Александритовый перстень», «Поздняя осень в Дженкинстауне», «И дальше ты пойдешь один», «Детектив в письмах», «На руинах готики», психологических и остросюжетных повестей «И дождь пройдет», «Укрощение кентавра», и сборниками ее стихов: «Свет и тени», «Следы на песке» и «Облака», включая так же и поэтические переводы?

Каждая книга Норы это история нашей жизни, запутанный клубок сложных событий и человеческих отношений. Умело, шаг за шагом раскрывает она характеры героев, историю их жизнью, постепенно затягивая читателя в их мир интриг, взаимо-

отношений, покушений на убийства, политических заговоров. Обладая высокой эрудицией, знаниями, наблюдательностью, чутким сердцем и острым умом она знакомит нас с другим миром, участниками которого мы невольно становимся. Нора обладает тонким чувством юмора, умея остро замечать увиденное и, переплетая реальное и нереальное, создавать свой особый духовный мир. Я бы назвала ее нашей филладельфийской Тэффи, так как никто лучше нее не может описать с лукавством и искрящимся чувством юмора наше творческое существование.

В 1984 году вышел из печати первый роман Норы Файнберг, «Белая сирень». И сразу же необычное начало романа: «Я умерла 6 сентября 1983 года. В ожидании похорон, тело мое, вернее то, что было когда-то моим телом, лежало в маленькой часовне русской церкви...» становится той цитатой, которую запоминаешь на всю жизнь, как скажем толстовское начало романа «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему...». А дальше уже невозможно остановиться – захватывает фабула, острый сюжет романа и манера повествования.

Нора не любит своих героями, часто их не щадит, а показывает их так, как будто они вошли в ее книгу из сегодняшнего дня, и мы, следуя за сюжетом писателя, читаем вместе с ней их тайные мысли. Так главная героиня романа «Белая сирень» Эллина, любовница главы КГБ, сама не понимая еще, что она делает, губит дорогих ей людей. И все же образ ее так умело подан автором, что читатель сочувствует ее героини, которая, наконец, сознавая, в какую ловушку она попала, погибает так же, как люди, которых она любила и предала. «Все это было, но проходило стороной, не касаясь меня. Мне казалось, что я окружена пустотой. Я тихо скользила по поверхности событий, между людьми, среди все более и более расслаивающихся групп – протестующих, сочувствующих, приспособляющихся...» Так говорит о себе Эллина. И постепенно, как бы пробуждаясь от долгого сна, она пытается разобраться в своей жизни, выбраться из тех сетей, куда затянула ее советская действительность.

Повесть «И дождь пройдет» построена в лучших традициях детектива. Действие происходит в замкнутом пространстве. В доме семьи эмигрантов второй волны собираются гости – люди самые разные, из разных городов, стран, слоев общества, люди с разными судьбами, которые вдруг на наших глазах начинают магически переплетаться. За каждой нерасказанной судьбой стоит тайна, но постепенно разматывается сложный клубок человеческих отношений. И неожиданно для читателя – герой войны оказывается предателем, возлюбленный – изменником, а известный профессор – ничтожной пустотой. Умелое перо Норы Файнберг завораживает своими поэтичными описаниями и отступлениями. Вот такими строчками стихов заканчивается повесть:

**И дождь пройдет,
И снег растает,
И будет течь и течь вода,
И я, когда меня не станет,
Уйду куда-то в никуда...**

**Заботами и нетерпеньем
Я тороплю свой путь земной,
Чтоб влиться, наконец, в забвеньё
И задохнуться тишиной...**

Книги Норы надо читать, чтобы понять, насколько многогранен литературный талант писательницы. Многие из ее повестей и романов уже стали библиографической редкостью, также как и сборники стихов поэтессы.

Читая стихи Норы мы понимаем, что пишет она не для того, чтобы «сверкать на книжных полках» – поэзия это ее жизнь. Подчас поэтесса сомневается в правильности или мастерстве своего поэтического выражения. Однако, прикоснувшись однажды к перу, жить без музыки уже нельзя. Так обращается к друзьям-поэтам Нора Файнберг:

**Друзья мои, поэты и скитальцы,
Нам славою с трибуны не звенеть
И не сверкать на книжных полках глянецом.
Но мы поем, чтоб жить, живем, чтоб петь.**

Нора умеет мастерски пользоваться словом. И чуткий читатель может сразу заметить, что в ее поэзии нет фальши. Драматическая, эмоциональная, духовная и интеллектуальная основа, глубокое философское ощущение и понимание окружающего мира – составляет суть ее поэзии. Нет в ее стихах и цветаевской эмоции, в них есть покой, в них царствует тишина, ожидание счастья и «в окнах свет».

**Не желайте мне долгих лет,
долгих лет – значит долгих зим.
Пожелайте мне в окнах свет,
чтобы издали был он зрим.
Чтоб, когда возвращаться мне,
как бывает, ночной порой,
видеть милую тень в окне
и сказать: это я, открой.**

Музыка стихотворения часто рождается в душе поэта еще до того, как интуиция и слово слились в один поток сознания и разума. Возникают новые образы, оживают и звучат в душе поэта музыкальным ритмом. Поэтическая эмоция окрашивается музыкальным звучанием, выходит за рамки реального. И как ноты, ложатся на бумагу строчки новых стихов. Слова – озвучены, и мы слышим в них шум океанских волн и шелест опадающих осенних листьев.

**Стояло дерево в лесу,
Роняло дерево листву.
И под ударом топора
Трещала крепкая кора.**

Стихи Норы завораживают не только музыкальностью, ритмикой и легкостью построения, но и глубиной их содержания.

**Не потому ли так забавно тесен мир,
Чтобы сомкнуть звено в цепи событий,
Чтоб истина явилась из укрытий
И с трона пал развенчанный кумир?**

Владислав Ходасевич писал, что «Гиппиус обращала внимание на самую ткань стиха, на соответствие стиля замыслу, на расположение слов, на верность ритма, т.е. на то, что с фокусничеством ничего общего не имеет и к чему сводится истинное мастерство». Поэзия Н. Файнберг не надумана, а искренна и выходит из-под пера поэта легко, без надрыва. Фактура стиха проста, а музыкальные ноты-раздумья – драматичны.

**Мы умираем на рассвете,
Когда, вздохнув, уходит ночь
И черным, длинным шлейфом смерти
Нас за собой сметает прочь.**

**Так океан в часы отлива
Влечет от берега волну,
И вместе с нею торопливо
Плывут песчинки в глубину.**

Так размышляет о смерти Нора Файнберг. Но, может быть, здесь «глубина» и «смерть» носят двоякий характер. Я улавливаю в них другой смысл: мы не исчезаем, смерть абстрактна, мы переходим в другую духовную глубинность. В стихотворении мы не ощущаем трагичности смерти, а только грусть.

«Поэта рождает не дар творческого вымысла, а дар одухотворения», – писал Томас Манн. Такой одухотворенностью, уме-

нием перевоплощаться в своих героинь, перенести их в настоящее, «очеловечить», понять – отличается ее цикл «Женщины древней Греции». Она говорит от имени своих героинь, как бы попереживая с ними их трагедию. Из «Медей»:

**Как отомщу? Постылый дом спалю,
Тебя, неверного, сразу кинжалом...
Но, нет, не то... Нет, этого мне мало,
В твоей крови я боль не утоплю.**

«Поэтическое восприятие жизни, всего окружающего нас – величайший дар, доставшийся нам от поры детства. Если человек не растеряет этот дар на протяжении долгих трезвых лет, то он поэт или писатель», – говорил Константин Паустовский. Нора пишет стихи с юности, и ее поэтический дар только окреп с годами. Она наблюдательна и часто замечает то, что окружающие увидеть не могут. Творчество для Норы Файнберг – это не только данный ей Богом дар, но и труд, бытие, легкость которого неприемлема.

**Невыносима легкость бытия –
Последний всплеск створешшего заката,
Разъединения, разрывы и утраты,
Словно по швам истлевшего шитья.
Невыносима легкость бытия.**

Стихи поэтессы не громкие, голос ее приглушенный, тихий. Нора человек думающий, размышляющий, анализирующий и... сомневающийся в своем таланте. Эта скромность в жизни отразилась в ее поэзии.

**Мой голос слаб, в нём нету меди.
Он не взрывает облака.
Что оставляю я в наследье
кроме журчащего стиха?
Мой путь земной ещё не кончен,
но гуще с каждым днём печаль,
не потому, что мир непрочный
мне оставлять сегодня жаль,
а потому, что в зимней пудре
и в обожжённом летнем дне,
в осенних вихрях златокудрых
никто не вспомнит обо мне.**

Ее творческий мир насыщен, трагичен. Размышления о добре и зле, о друзьях и врагах, о жизни и смерти, о цели нашего земного существования являются лейтмотивом ее поэзии.

**Пройти земной короткий путь,
чтоб каплей в вечности разлиться,
и позабыть родные лица,
и позабыть земную суть.
И вырвавшись из плена лет,
среди неведомых планет
пред вечным разумом склониться.**

Вечный разум можно интерпретировать как бессмертие, вечную жизнь. Но скорее всего здесь «вечный разум» это именно Бог, которому мы поклоняемся, и с которым нам суждено встретиться «вырвавшись из плена лет».

Стихи Файнберг небольшие по размеру, конденсированы, словесное выражение сведено только к самому главному, отсутствуют ненужные, отвлекающие от темы слова. Мы понимаем, что под «вечным разумом» кроется что-то значительное, но эта значимость зависит от нашей интерпретации. И может быть этой скрытой тайны достаточно для того, чтобы стихотворение засверкало, как солнечный луч.

Тайна настоящей поэзии и заключается именно в том, что ни одно стихотворение не может быть основано только на логи-

ке и разуме. В стихах должен существовать какой-то скрытый элемент, часто основанный на интуитивном восприятии мира самим поэтом. И это умение поэта увлечь нас не только игрой ума и логикой мышления, но и сильной эмоцией, тайной поэтического чувства, глубиной и многогранностью поэтического слова, заставляет нас глубже проникнуть в тайну мастерства Норы Файнберг. Творческое воображение поэта связано с чувственным восприятием. Оно как бы приходит из другого мира. Хотя в первый момент зарождения поэтической строки мысль доминирует в первую очередь над поэтической эмоцией.

**И, наконец, придем к истокам строк,
К ним прикоснемся, как к святыне,
И будем пить стихи, как за глотком глоток
Пьет караван, пришедший из пустыни.**

Поэзия Норы Файнберг создает свою вселенную, где воображение, интеллект, интуиция сливаются в одной эмоции – эмоции страдания. Степень силы ее поэтической интуиции находится в пропорциональном отношении к глубине страдания и восприятия мира. Чем опытнее поэт, тем выше уровень его творческой интуиции. Чем глубже страдает душа поэта, тем больше потребность выплеснуть эмоции, а не страдать в тишине замкнутого пространства. Поэзия – это выход из него, а читатель – это тот слушатель, который может понять и освободить от тяжести страдания. Выстрадавшая душа по-эта в строчках его стихов высвечивается намного ярственнее, чем стихи написанные холодным, бесчувственным пером. Размышления, окрашенные эмоцией и интуитивным пониманием мира, пропущенные через лакмус поэтической души – это то, что так характерно для поэзии Норы Файнберг.

**Я жизнь, как скатерть, расстелю теперь,
И вновь пройду по веренице лет
сквозь стыд ошибок, трещин и потерь,
пустую тщетность суеты сует.
И что же я – в преддверии зимы?
Всё кутаюсь в прошедшие года,
а впереди лишь коридоры тьмы,
ведущие в ничто и в никуда.**

Очень важно в поисках себя, найти свой правильный путь во вселенной к Богу. Точно также и в поэзии – поэт должен найти свою дорогу, свой индивидуальный почерк, ту дорогу, которая ведет его творчество к бессмертию. А для поэтессы важно успеть сказать те «главные слова», пока «их не сковал молчащем вечным панцирь смерти»:

**По клавишам моей судьбы
бегут невидимые пальцы.
Глаза незрячего судьи
отмерили шаги скитальца.
Как распознать неверный шаг?
Последний вздох и взгляд последний?
Чтоб мелких дел не завершать,
а важные свершить немедленно.
И чтобы главные слова,
те, что нужнее всех на свете
сказать, пока их не сковал
молчащем вечным панцирь смерти.**

Тихая, но глубокая музыка поэзии Норы Файнберг, ее поэтические находки, размышления, философичность, негромкие и незабываемые строчки ее стихов останутся в памяти чуткого читателя.

*Елена ДУБРОВИНА
Филадельфия, США*

НОРА ФАЙНБЕРГ

Хочу писать стихи

Хочу писать стихи, как курят сигарету
за чашкой кофе с рюмкой коньяка,
как перелистывают не спеша газету
или в окно глядят на облака.
Как засыпают тихо на рассвете,
когда уходит прочь ночная боль,
как ласково во сне бормочут дети,
как лизет камни стихнувший прибой.
Как после утомительной дороги
домой вернувшись на закате дня,
рюкзак тяжёлый сбросив на пороге,
вытягивают ноги у огня.
Хочу писать стихи не коротко, не длинно,
как в пряжу нити лёгкие свивать,
как тонкой кисточкой затейливо и чинно
китайский иероглиф рисовать.
Как повар, добавляя в соус сложный
щепотки пряностей, свой создаёт букет,
как краски смешивает медленно художник,
чтоб свой найти неповторимый цвет.
Как золотая пыль кружит в полоске света
и как узор мороза на стекле,
как шорохи листвы в последних
числах лета,
как вспышки мотыльков в вечерней мгле,
хочу писать стихи.

Осень

Звёздопадом, листопадом,
в пляске кружев и огней
осень шествует парадом
золотых и красных дней.
По осенему обряду
плавит золото и медь
и сплещет для наряда
в медно-золотую сеть.
Осень бродит по аллеям,
щедро расстегнув карман,
каждой ветке не жалея
дарит пурпур и шафран.
Лес окидывая взглядом,
брызнет на листву порой
то лимонною прохладой,
то оранжевой жарой.
Словно гордая царица,
свой предчувствуя конец,
со двором спешит проститься
перед тем, как снять венец.
Или, как больной художник,
чужья свой предсмертный час,
трепетно и осторожно
кисть берёт в последний раз.
Осень в тлеющем пожаре,
в перламутре облаков,
птичьей стаи провожает
взмахом жёлтых рукавов.

Ручей

Ручей – ничей.
Он то течёт,
то скачет по камням.
Он всем знаком наперечёт:
кустам, деревьям, пням.
Ручей, ключей

подземных сын,
покинул отчий дом.
И вот, скитается один
с песенкой притом.
Ручей очей
не закрывал
с гор мчавшись впопыхах,
и вдруг в расщелину упал
и дремлет там впотьмах.
Ручей ночей
похитил мрак
и отраженья звёзд,
и, словно в бальных блёстках, фрак
он на себе унёс.
Ручей лучей
горячий сонм
у солнца одолжил,
с ним наигрался, а потом
его на дно сложил.
Ручей – ничей,
но на пути
он встретился с рекой.
Она манила подойти
прозрачною рукой.
Ручей речей
не тратил зря,
послушно к ней потёк.
И – нет ручья,
пропал зазря,
унёс его поток.

Палач

Палач? Из нашей он среды.
Да разве нет его среди твоих
знакомых и друзей?
Не отрекайся, фарисей!
Любой из нас
хоть раз,
хоть в чём,
но был когда-то палачом.
Пусть он не убивал мечом,
пусть не стрелял он из ружья,
а вот рукою не дрожа,
поставил подпись на листе,
чтобы тем самым на кресте
распяты кого-то разрешить.
А, может быть, он мог вершить
в тот час и милосердный суд,
да думать было недосуг
или боялся пересуд?
Так не судите палача.
Свой подневольный труд влача,
он выполняет лишь приказ,
что отдан был одним из нас.
Любой быть может палачом.
Не говори, что не при чём,
не говори, что ты не знал.
Скажи: я тоже убивал.
Пусть не ножом и не пером,
а только словом – всё равно.
И словом можно – наповал.
И потому: ты убивал.

* * *

Да есть ли свет в конце туннеля?
Пусть даже он и виден еле,
пусть лишь мигает нам едва,
иль только тьма,
иль только мгла?

Тогда откуда так внезапно
Звучат неожиданные слова?
Всплеск памяти? Игра ума?
Что это значит? – Озаренье,
или иное измеренье,
непостижимое для зренья
к нам прикоснулось на мгновенье?

О журавлях и синицах

Как много надо:
золотые горы
и звёзды с неба.
И мы не рады
ручью и бору,
воде и хлебу.
Журавль, летящий в облаках,
нам вечно снится,
и не нужна та, что в руках,
своя синица.
Но выходя за рубежи
законченного лета,
мы начинаем дорожить
другой монетой.
Как мало надо:
лишь полоска света
в окне за шторой,
вдох благодатный,
сон до рассвета
без болей и шторма.
Теперь бы шею побережь
и поясницу...
И бережно в руке стеречь
свою синицу.

* * *

Зачем мы выпустили джина?

На дне бутылки недвижимо
сидел он тихим, старым гномом,
но вылетел вдруг с залпом грома
и растянулся, как пружина.

Зачем мы выпустили джина?

Теперь он мчится над землёю,
паля огнём, пыля золою.
Дух разрушенья, дух раздора
смерть шлёт повсюду без разбора,
она смеётся ртом беззубым,
и, торжествуя, бьёт в свой бубен.
Дух вандализма, дух разбоя,
он бури вызывает воем
и, извиваясь чёрным телом,
швыряет молнии, как стрелы.

Теперь понять непостижимо,
как выпустить могли мы джина!
Как вытащить решились пробку,
его мольбе поверив робкой?
Дух безудержный, дух напастей,
он подчиняет своей власти
вулканы и метеориты,
звезду крылом смахнёт с орбиты.
И мир, что нами был построен,
все ценности и все устои
вдруг рухнули за миг единый...

Зачем мы выпустили джина?

Майя Шварцман

Родилась в Екатеринбурге, закончила консерваторию, скрипач. Печататься начала в 1984 г. Из России уехала в 1990 г. Живёт в Генте (Бельгия)

ПОЭМА

ВЫСТРЕЛ

У алтаря главного собора Парижа Нотр-Дам на глазах у толпы туристов и прихожан застрелился известный французский писатель 78-летний Доминик Веннер, выразив свой протест против содомитского закона, принятого с легкой руки президента Франсуа Олланда. С письмами, оставленными им, работают следователи.

Из газет. Май 2013

* * *

*Напрасно в годы хаоса
Искать конца благого.
Б.Пастернак.*

Лучше здесь,
на амвоне, в толпе,
подсказало шестое
чувство.
Голос сорвал докричаться,
содрал кулаки —
достучаться
до вас.
Потому что не так жизнестоек,
вероятно,
чтоб видеть,
как рушится всё вопреки
совершенному замыслу.
Кроме законов природы
не бывает иных.
A priori.
На том испокон
всё стояло.
Зачем же теперь
извращенью в угоду,
в поддавки заигравшись,
срамной пропустили закон?
Если в тексте вселенной
бывают порой печатки,
для чего умножать в тиражах
безобразье страниц,
не убрав из творенья ошибки,
как плевелы с грядки,
как репы из руна золотого —
усильем скребниц?
Если в речи природы
и есть иногда оговорки,
жить ли в косноязычьи
иль просто прижечь типуны

на её языке?

Весь ли сад уступать плодояжке?
Почему ей права узаконить запросы даны?
Кто родился ущербным,
не чванься зазором увечья,
не корми своей плоти
отравой бесовских сладостей,
бытия по лекалам греховным
и нечеловечьим
не крои,
о законе во славу греха
не радей.

...Кто-то смотрит
из сумрака нефа глубокого слева.
То ли каменный отрок,
то ль стройная, в кожухе лат,
с алебардой юница.
Прощай, Орлеанская дева,
пусть проводит меня в небеса
твой мерцающий взгляд.
Ты не знала сомнений,
какими наш век четвертован,
узаконенной скверны, в которой он весь целиком
извалялся в открытую по площадям и альковам,
ты не знала какое грядущее славным мечом
защищала.
О Франция, уши заткнувшая ватой,
щебетаньем и рэпом,
чтоб треска не слышать костра, —
через миг рокот эха от выстрела,
словно глашатай,
возвестит о твоём пораженьи.
Прощай.
Мне пора.

* * *

С Нефшательской дороги, от лиловых холмов
с виноградниками, с меловой горки горбатой,
по траве и мху, через сныть и болиголов
на вспотевшем коне усталый скачет глашатай.
Пара всадников сзади. Тускло сипит труба,
в трёх шагах не слышна, дорожной пылью забита,
но для маленькой деревушки, где молотба
да подвязка лоз все занятья, — уже событие.

Побросав серпы, за герольдом бегут толпой,
не дочистив овина, кинув хлеб у загниётка.
Выгнув грудь, с надсадом, в сотый раз вестовой
лает новости, надрывая сухую глотку.
Англичане теснят, в союзниках проку — чуть,
в отступленьи на юг изрядная половина
перебита лучников, и потому стянуть
нужно новых рекрутов по веленью дофина.

...В стороне от деревни, в рощице у ключа, на поляне, заросшей викой и майораном, лбом уткнувшись в колени, плачет, что-то шепча удрученно, девочка в платице домотканом. Подавляя всхлипы, ладонью по телу вдоль от ключиц до бёдер проводит, трясутся плечи. Боже правый, за что, за что мне такая боль, за какие грехи такие противоречья?

Что мне делать с собой, я в теле моём живу, словно гость или враг, и женского нет ни капли ни в душе, ни в мыслях! неужто вот так в хлеву и пропасть мне, с грубым подойником вместо сабли. Если б мне не чепец, но шлем, не метлу, но меч, если б лук с доспехами вместо постылой прялки, если б кинуться можно было рубить и сечь наравне с мужчинами в жаркой кровавой свалке,

всё бы лучше, чем очи долу да косы плесть. Боже, смилуйся надо мною, о, если б тайно ты во сне шепнул или голосом подал весть, что ниспосланное тобою — лишь испытанье. Только нет, ничего не выйдет... Боюсь сама богохульств своих и на исповеди не смею ни словечка сказать об этом. Схожу с ума и живу не своею жизнью, да и ничьею...

Глубоко вздыхая, девочка смотрит вокруг. Нет, никто не услышал, лишь ручей да деревья. Мать рассердится: я с утра обещала тюк полотна отнести соседке. Пора в деревню. Слышен топот: несутся дети с края села, башмаками стуча по мостовому настилу:
*Жанна, Жанна,
ну где ты ходишь,
где ты была,
всё опять прослушала!
всё, всё пропустила.*

* * *

— Слышали? Видели? Всё пропустили!
— Прямо в соборе, при столпотворении, у алтаря!
— Обостренье весеннее.
— Вот и писатель вам! Вот и светило!

— Лишь бы прославиться!
— Да, не завидую:
там и туристы и прихожане.
— Боже мой...

— Надо же!
— Эх его!
— С придурью!

Мы о писаках-то воображали:

барды, поэты, сплошь небожители,
вот вам и боги...
— Хоть и не ангел,
жаль человека; кровящи-то, видели?
Дьявол попутал...

— Да ладно вам, пьян был.

— Не оставляют пьяные писем...
— Он же «писатель»!
— И что его дёрнуло?
— Может, под кайфом, просто — зависим,
голос шепнул — и...
— На всё у вас формула

без исключения...

— Значит, амуры,
дело известное: купят пивявицу
внучки моложе, с лицом и фигурой,
грелку живую, — потом и стреляются.

— Полноте...

— Будет вам...

— Шибко уж в возрасте...
— Может, болезни? Чем муки да судно
в койке на месяцы — выбрал на плоскости
вмиг растянуться.

— Зачем же прилюдно?

— Это масоны!

— Скажи ещё: мафия...

Видно, обиду какую не вынес.

— Чем это люди ему не потрафили?

— Думаю, деньги: в бумажнике минус,

ссуды, долги, недостача, кредиты,
бизнес продул, в казино проигрался,
или — фальшивомонетчик!..

— Иди ты!..

Досочиняешься...

— Точно: финансы.

Вот у знакомого нашего случай был
тоже: оформил...

— А что ж очевидцы?

Видят: с оружием, чокнутый, — кучей бы
все навалились...

— Ага, навалиться:

скопом на пулю...

— ...Глядишь, и не дали бы.

— Да затаскают потом по допросам,
кто да зачем, да откуда, да косо
этак посмотрят — запаришься алиби

с пеной доказывать.

— Жаль человека.

— Я ж говорю: у знакомых вот месяца
три, как оформил себе ипотеку,
только...

— Да мало ли с жиру их бесится!

Что не жилось?! Не дышалось? Не елось?
Обществу письма оставил, смотрите-ка,
не угодило! похвальная смелость:
пулей отметить!

— Может, политика?

Смерть в знак протеста?

— Не надо патетики,
тоже мне, Вертер. Бесцветный ботаник.
В мире полно неврастеников, станет
меньше на сотню — и не заметите.

— Честно скажу: повезло, что калекой
он не остался... навывнос — извилины...
— Как бы то ни было, а человека
мы пропустили...

— Да, пропустили мы...

Всё-таки страшно: скорее забыть бы,
как он прощальными письмами выстелил
плиты, шепнул что-то, может, молитву,
руку к глазнице приставил и — ...

* * *

Отправляясь в путь рейсом за полночь,
вспоминаешь вдруг ближе к вылету
то ли присказку, то ли заповедь:
будто в город Рим все пути ведут.
В темноте сплошной не видать дорог.
Самолёт скользит белой капелькой
через мутный пар, облаков творог,
по материи чёрной штапельной.

Языком луны воздух вылизан,
отпотев, окно будто вымылось.
Ткнёшься лбом в стекло — виден дым внизу,
на дворе трава, снег да жимолость.
Тропка отчая — по росе зигзаг,
от купели до ближней паперти.
Все пути ведут, да не все назад,
и не все белы словно скатерти.

Далеко внизу видишь крошево
деревень и сёл, кровель гранулы.
Самолёта след в небе прошвою.
Если ниже взять — не тумана мгла,
и не облако — пух на тополе.
А на западе, вдоль по берегу —
огоньки во тьме, полотно полей,
город-запонка в рукаве реки.

* * *

Молодую рассаду прищипкой
выправляя, ненужный побег
хладнокровной рукой без ошибки
удаляет садовник-стратег.
Я стою зеленеющей стрелкой
под навесом суровой горсти,
угрожающей мне переделкой,
и стремлюсь незаметно расти.

«Кем ты станешь?» — склоняясь над куртиной,
вопрошают, готовя привой,
досаждая опекой пчелиной,
сбором проб, подслащённой водой.
Я учусь с осторожностью лисьей
выставлять запасённые впрок
безмятежные гладкие листья,
лишь бы скрыть утаённый росток.

Из листка сбережённого стебля
разрастётся когда-нибудь сад.
Но, когда, прорастая сквозь дебри
новой зелени, зашелестят
ответвления былого вопроса, —
листопадом ложась на траву,
я подумаю тихо и просто:
«Чем я стану, когда отживу?»

Не проснувшись, без мысли, без цели
потянусь сквозь тяжёлый подзол,
через глину впитаюсь в мицелий,
через корни — в течения смол.
Потеку холодком в междуречьях,
прорасту на поляне простой
для бесхитростных трапез овечьих
белым клевером, тонкой травой.

Стану лютика запахом кротким,
остью ржи, шелухой от овса,
разбужу клочкотание в глотке
у большого пастушьего пса,
что учует меня в предрассветном
сквозняке и, стяхнувши росу,
встрепенётся во сне; стану ветром...
Лай, собака, а я понесу...

ПИСЬМО БРАТУ

Saint-Rémy-de-Provence, 1889

Договорился с доктором, и вот
могу работать. Так что я не заперт,
не связан, не стеснён, наоборот,
мне можно выходить. Недавно скатерть
забрал в столовой: кончились холсты,
а лето хода замедлять не станет,
чтоб подождать меня. Не мог бы ты
рулон прислать скорее? Подростанье
цветов меня торопит, колорит
полей томит, когда простор подрезан
мазком графитной тучи; мирт кипит,
лаванда отливает веронезом,
над пашней от взлетающих ворон
идут воронки воздуха — спиралью
вкруг кипарисов; кадмий, вермильон
заката рвутся вон из пасторали —
и мне не успокоиться, хоть влезь
в нутро палитры, в масло, грунт и гущу!
Безумие — такая же болезнь,
как всякая другая, ей присущи
припадки здравых мыслей, как предлог
для лучшего контраста прихотливых
и резких красок. Если бы ты мог
хоть раз взглянуть на здешние оливы
с изнанкой листьев цвета серебра,
все в патине, наплывах и коросте!
Я их писал четырежды вчера
и мастихином соскребал со злостью,
и вновь из туб выдавливал гарнир
к жаркому жизни, не желая точку
поставить в ней... Поверь, небесный мир
я вижу в блеске на молочной мочке
у «Девушки» Вермеера! — как быть,
когда я только собственное ухо,
а не шедевр способен предложить
в уплату за земную потаскуху?
Согласен, я хватил. Повинен в том
абсент, повлекший скверные причуды
моих затмений. Я в кармане бром
теперь таскаю в поле на этюды
и бьюсь над светом: схватишь тон куста,
а небо побурело, пожелтело...
Возможно, тяга смешивать цвета
Создателя влечёт вот так же, Тео.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1971

1979

Муза пятого континента

Три года исполнилось порталу «Русская литература Австралии», созданному на базе австралийской газеты «Единение». Заведующая порталом Наталья КРОФТС рассказывает о том, какие авторы из Сиднея, Мельбурна и других городов пишут сегодня по-русски, и о классиках русскоязычной австралийской литературы.

– Наташа, как родилась идея портала? И в чём его особенность?

– В апреле-мае 2011 года я составила подборки австралийских поэтов для первой их публикации в российской литературной газете «Интеллигент», впоследствии неоднократно публиковавшей авторов из Австралии...

Вообще сборников и порталов русскоязычных авторов Австралии довольно много. Это и уже упомянутая мною «Антология русских поэтов Австралии», вышедшая в Сиднее в 1998 году и собравшая под одной обложкой 46 авторов-австралийцев; это и вышедший в 1971 году сборник «Русские поэты Австралии», опубликовавший стихи участников Первого фестиваля русских поэтов Австралии. Многие литературные объединения ведут свою страничку в сети, где публикуют творчество своих участников: это и ЛИТО «Лукоморье», и сайт «Антиподы», и сайт «Русское зарубежье: Австралия».

Но у нашего портала есть несколько радикальных отличий. Во-первых, это единственный сайт, дающий по возможности полную информацию об истории русской литературы Австралии – от самых первых её дней до нашего времени. До нас разные издания публиковали только «свой круг», и никто особо не интересовался историей русской литературы на австралийской земле. Мы первыми стали пытаться понять, как давно существует русская литература Австралии. И нас ждали самые удивительные открытия. Помните, сколько мы получили откликов, когда обнаружилось, что первым поэтом, писавшим об Австралии не понаслышке, оказался сам Константин Дмитриевич Бальмонт, приехавший сюда в 1912 году?!

Так вот, если хотите – это каталог русскоязычных авторов, живших и писавших в Австралии. Причём авторы расположены по хронологическому признаку – по году приезда в Австралию. Таким образом, можно проследить развитие русской литературы в Австралии: кто здесь работал в разные периоды.

Во-вторых, мы стараемся быть порталом чисто географически-литературным: это не портал участников какого-либо ЛИТО, у нас нет никаких тематических, стилистических, временных и прочих рамок. Мы стараемся быть вне каких-то литературных течений или группировок. У нас только два

требования: автор должен был хотя бы какое-то время жить в Австралии – и произведение должно быть хорошего уровня. Конечно, русских людей в Австралии мало, людей пишущих – тем более. Поэтому у нас есть и вещи любительские, но написаны они интересно, грамотно и со вкусом. Кроме того, у нас есть действительно профессиональные авторы. Лично я очень люблю стихи Бориса Нарциссова, жившего в Австралии в 1951–1953 гг. А ещё на нашем портале – несколько настолько интересных личностей, что их судьбы читаются как историко-приключенческие романы. Многие читатели «Единения» знают Нору Крук, дружившую с Валерием Перелешиним и Лариссой Андерсен и пишущую замечательные стихи и по-русски, и по-английски. Для меня была большим открытием воистину феерическая судьба автора довольно известной песни «Хороши весной в саду цветочки», которую поют и сейчас: Сергей Алымов начал свою литературную деятельность, как ни поразительно, в Австралии, в городе Брисбене. У нас на портале и Михаил Волин, автор песни «Дорогая пропажа». О наших авторах я могла бы рассказывать долго – но желающие могут просто полистать странички нашего литературного сайта, чтобы убедиться, сколько поразительных стихов и судеб собрано на нём.

И, наконец, ещё одно очень существенное отличие нашего портала. Мы не просто собираем талантливых авторов Австралии на одной площадке. Мы прилагаем много усилий к тому, чтобы о наших авторах узнали читатели и за пределами Австралии. Наш сайт сотрудничал с рядом ведущих русскоязычных литературных изданий в работе над публикациями русских поэтов и прозаиков Австралии. Уже два года подряд «Литературная газета» выпускает большие публикации с авторами нашего портала. В Нью-Йорке авторов портала «Русская литература Австралии» опубликовал старейший журнал русского зарубежья «Новый Журнал». В Финляндии – альманах «Под небом единым». И этот список можно продолжить. А газета «Интеллигент. Санкт-Петербург» в 2012 году посвятила целый номер австралийским писателям, отмечая столетие русской литературы Австралии, столетие с года визита Константина Бальмонта на пятый континент. Более того, меня уже

неоднократно приглашали читать лекции о русской литературе Австралии, и мне довелось рассказывать о наших авторах и на московском телеканале, и в американском книжном магазине, и даже англоязычным студентам Сиднея, изучающим русскую культуру.

– **Расскажите, пожалуйста, о структуре портала.**

– Надо сказать, что структура медленно, но верно расширяется. Три года назад мы начали только с двух рубрик: «Русская поэзия Австралии» и «Русская проза Австралии». В прошлом году добавилась рубрика «Статьи о русской литературе Австралии». Более того, на портале теперь мы даём ссылки на книги наших авторов, появившиеся в двух ведущих сетевых магазинах: на Озоне и на Амазоне. Теперь хотелось бы добавить рубрику «Барды Австралии» – и мы ищем сильных авторов для этого раздела.

Портал растёт. Помните, мы начинали с восьми поэтов, а прозы вообще почти не могли найти? А на сегодняшний день у нас уже 35 поэтов и 18 прозаиков.

– **Можно ли разделить русскую литературу в Австралии на какие то временные этапы?**

– Думаю, да. Первая волна, довоенная: от Константина Бальмонта, то есть с 1912 года и до Второй мировой. В этот период очень мало литераторов, собственно, жило в Австралии: всего несколько месяцев здесь пробыли и Константин Дмитриевич, и прозаик Чеглок, и поэт Степан Петров (Скиталец), автор песни «На сопках Маньчжурии». Дольше всех – пять лет – пробыл здесь уже упомянутый мной поэт Сергей Алымов, но в 1917 году и он уехал в Китай, а потом – в Россию.

Вторая волна – послевоенная, очень интересная и плодотворная: от 1945 года до 1976-го. Это и Нора Крук, и Михаил Волин, и Борис Нарциссов, и Константин Халафов, и Клавдия Пестрово, и многие другие. Тогда в Австралию потоки русских эмигрантов хлынули с двух сторон: из русского Китая и из послевоенной Европы. В этот период в Австралию приехало очень много образованных, пишущих людей – и литературная жизнь здесь заметно оживилась.

И, наконец, последняя волна – уже выходцев из Советского Союза, начиная, условно говоря, года с 1976 – продолжающаяся и поныне.

*Беседу вёл Владимир КУЗЬМИН,
главный редактор газеты «Единение»*

Лирика Натальи Крофтс О понимании

* * *

**В любой из масок – или кож –
ты неизменно безупречна:
спектакль хорош!
Но вдруг замрешь,
нежданно понятая встречным,
как беспристрастным понятием –
до глубины, без слов и фальши
дрожащих губ, до немоты...
Скорей к нему? Но немо ты
шагнешь назад – как можно дальше
от беззащитной наготы,
когда – во всем, конечно, прав –
твой гость, не вытирая ноги,
придет, чтоб разбирать твой нрав,
твой пороки и пороги.**

Каждый лирик мечтает о пронизательном понимании со стороны читателя. Наталья Крофтс в этом смысле – не исключение. Как поэт она надеется на конгениальное прочтение. Но как женщина – порой опасается слишком пристального взгляда. Особенно – по отношению к только что написанным стихам. Ей начинает казаться, что она «проговорилась» в своих стихах о чем-то «запретном», таком, чего не должны касаться руки, глаза или уши постороннего. Мне хорошо знакома эта стыдливость творца, который рассказывает о своей интимной жизни в метафорах, но при этом опасается, что метафоры могут быть легко «рассекречены». Как показывает жизнь, такого рода предосторожность чаще всего напрасна. Читатель, даже если он – критик, вычитывает в произведениях писателя только то, что волнует его самого. Для того, чтобы пойти дальше, нужно хорошо знать жизнь писателя в подробностях. Только тогда можно из достаточно герметичного текста, содержащего интимные подробности, выжать что-нибудь близкое к реальности. Но возникает вопрос: зачем? Ведь каждый имеет право на тайну, которая не должна быть разоблачена.

**Как театральный критик – строг,
внимателен и беспощаден
он составляет каталог
в тебе живущих ведьм и гадин.
Он справедлив. Отточен слог.
Ему неведомы пристрастье
и сострадательный залог –
залог любви и сопричастья.**

Поэзия – это тонкость нервных неровных волокон. Наталья Крофтс путешествует из любви в одиночество. Заполненное до краёв стихами, чтобы потом пропутешествовать обратно, из одиночества в любовь. Женская любовь, как состояние экзальтированное и ревнивое, часто будоражит в человеке не только лучшие душевные и личностные качества. Случается и «пена», далеко не такая, как та, из которой родилась Афродита... Именно эту пену подмечает порой недоброжелательный критик. Созерцание пены заслоняет ему всё, и он, ничтоже сумняшеся, начинает обвинять автора стихов во всех смертных грехах. В имморализме. Там, где жила простая искренность. Там, где обнажалась нежная нижняя кожа. Поэт не может быть неискренним. Но в порыве «саморазоблачения» он может зайти далеко, касаясь самых тайных струн души.

«Нежданно понятая встречным, как беспристрастным понятием», – с горечью пишет Наталья Крофтс.

Наталья Крофтс уважает чужие тайны и умеет хранить свои. Метаистория начитается для неё тогда, когда герои былых времён, начиная с Адама и Евы, оживают в её жизни – сходством ситуаций, мотивов поведения. Поступков. Это одновременно и твоя жизнь, и жизнь, уже когда-то снискавшая всеобщее внимание в других лицах. И эти лица становятся твоими, и ты проживаешь заново их жизнь, наполняешь своими нынешними переживаниями их древние неспешные тени. Театр в театре! Или, можно сказать, «театр наоборот».

**И ты закроешь двери, чтоб
свой собственный спектакль – без судей,
без соглядатаев, без толп
смотреть:**

**как голову на блюде
несут и, бешено кружа,
в слезах танцует Саломея,
как капли падают с ножа,
как Ева искушает Змея,
как Брут хрипит от боли в такт
ударам, завернувшись в тогу...
А критик видел первый акт.
Не более. И слава Богу.**

И, когда критик не понимает твоих сокровенных снов, ты одновременно оскорблён и благодарен. Он не смог приблизиться к пониманию. Но тем самым он оставил твою наготу невидимой.

(из цикла «Эссе одного стихотворения»)

Путешествия

Сюзанна КУЛЕШОВА

Я родилась в Ленинграде, в те годы, когда на Невском существовала «Мечта», и можно было, отстояв очередь, насладиться в самом буквальном смысле слова «Сказками Пушкина», угадывая по красочным этикеткам их названия. Средняя школа дала мне вполне сносное политехническое образование, позволившее легко влететь в ЛЭТИ. А пионерская газета «Ленинские искры» зажгла во мне «Лейкинскую», скажем, тягу к «слову». Через пару лет, разочаровавшись в теореме, по зову «слова» и романтических фантазий я ушла в Горный. Я ждала, что жизнь, которую я придумываю, станет для меня реальностью. Однако парочка обстоятельств, родившихся с разницей в два года, изменили сюжет весьма предсказуемо. И счастливо. Теперь же они (обстоятельства) выросли, оперились (скорее оклавиатурились) и воспарили. Я снова возвращаюсь к фантазиям...

РАССКАЗЫ О ЛОНДОНЕ

Sorry, London.

Довольно быстро придя в себя от многолюдной, многонародной суеты аэропорта Gatwic, можно сказать: почти не смутившись ею и нисколько не утомившись, я воспользовалась услугами пусть не дешёвого, но довольно уютного экспресса и оказалась на вокзале «Виктория». О, нет, я отнюдь не из милого малого городка центральной России, и Лондон - не первая столица в моей наполненной перемещениями жизни, но чувство, возникшее в первый момент нашей встречи, было сродни... потери девственности в первую счастливую брачную ночь.

- Sorry, - сказал мне город, как будто случайно задел в толпе, хотя это я незваным гостем вторглась в его владения, и я поняла и приняла сразу этот закон - пароль: Sorry - we have one blood. И не важно, что произошло, если это не существенно, не причиняет увечий и не оскорбляет достоинства, можно забыть перевод этого волшебного слова, имеющего мало общего с каким-либо сожалением, и просто наслаждаться всеобщей отстранённой доброжелательностью и учиться быть таким же. Однако, время шло, а я стояла посреди огибающего меня людского потока, судорожно сжимая ручку своего чемоданчика на колёсиках, как пресловутую соломинку и кляла языковой ба-

рьер, мешающий мне спросить дорогу к ближайшей станции метро.

- Excuse me! - наконец выпалила я в лицо некоему молодому человеку на его очередное «Sorry» - Where is the underground station? Help me please if you are not very busy.

Молодой человек, до этого бежавший почти в припрыжку, был несомненно «very busy», но он вдруг остановился, улыбнулся, и его лицо выразило столько участия, что я поняла, город совсем не против моего присутствия, по крайней мере пока.

- Where are you from?

- Russia.

Почти незаметное движение бровями сделало милую улыбку сочувственной - так смотрят на человека случайно потерявшего что-то ценное и не осознающего этого до конца. Я немного смутилась своим мыслям по поводу его реакции, но решила, что она вызвана исключительно пониманием ситуации, в которую попадает незадачливый путешественник - одиночка, слабовато владеющий иностранным языком, в чужой стране. Но на всякий случай уточнила:

- I'm from Saint-Petersburg. And today is my first day, no, now it's my second hour in Landon.

- O! So! Well! It's nice! It's nice.

И замечательный парень тут же сообщил мне, что сам он всё равно идёт в метро и будет пополнять счёт на свою карточку, поэтому мне - жительнице города, в котором он был однажды со своими родителями в далёком детстве, лет пять назад, он поможет найти дорогу и купить недельную замечательную карточку, которая обеспечит мне спокойное перемещение в пределах трёх зон на всех видах транспорта и ещё кучу каких-то бонусов, о которых я мало что поняла вследствие недостаточного словарного запаса и малого опыта общения с молодыми англичанами. Он выполнил своё обещание, и мы весело расстались с ним внизу, возле схемы линий, нажав друг другу всяческих welfare's.

Thanks! Landon! Я почувствовала себя достаточно уверенно, и уже легко улыбалась всем, с любопытством разглядывающим меня в вагоне метро в ответ на их улыбки, вовсе не думая, что у меня что-то не в порядке с лицом, костюмом и поведением. У меня всё было нормально.

Разумеется, я проехала свою станцию, не сообразив, что нужно нажать на кнопку рядом с дверью, чтобы та открылась, и зачем-то вышла из метро в двухэтажный район вокруг Stradford. Вообще-то мне нужна была Godwin road, на которой располагался небольшой двухзвёздочный отель, где мне забронировали комнату на шесть ночей моего пребывания в Лондоне. Я спросила у первого попавшегося прохожего далеко ли эта улица, и поняла по его объяснениям, что совсем рядом, и что вполне можно было выходить именно там, где я и вышла, ну пройти минут на семь дольше. И я окунулась в мир узеньких тротуаров, палисадников, чистеньких, засаженных растениями, наверное, всех широт и климатических зон, прекрасно живущихся на мелких клочках земли. Домики жалась друг к другу боками, они были разных цветов, оттенков, имели кучу каких-то мелких отличий при общей похожести, а улочки шли то прямо, то поворачивали, то незаметно загибались.... Короче, минут через пятнадцать я решила уточнить, верной ли иду дорогой, и спросила ещё одного прохожего про Godwin road.

- No. It's not in this area.

И, конечно, при всём желании помочь, он не мог даже предположить, где это находится.

Смеркалось. То есть всё происходило по закону жанра. Но уверенность в счастливом исходе не покидала меня, и я решила вернуться на станцию метро. Я снова погрузилась в мир домиков, лавочек, палисадников и через десять минут поняла, что окончательно заблудилась.

Я стояла у входа в какой-то магазинчик и уже чуть не плакала, потому что и прохожих-то было не видно - смеркалось же. Как вдруг из этого магазинчика вышли парень и две молодые женщины.

- Sorry! Excuse me! Can you help me?

Я кинулась к ним, я уже привыкла, что здесь никто не пройдёт мимо, услышав пароль, и эти трое остановились и установились на меня с некоторым интересом. Я стала сбивчиво объяснять, что мне нужно, но видела с отчаянием, что мой английский сейчас не очень хорош, и меня почти не понимают. Однако они догадались, что я ищу какую-то дорогу:

- Кеша, дай ей карту, может она просто покажет, что ей нужно.

Я замерла на месте, не веря своим ушам, а губы мои уже расплывались в улыбке всепоглощающего счастья, и даже по инерции вырвавшееся «Sorry» не смогло больше скрыть моего происхождения.

- Так ты русская!?

- Ну, да! Я только сегодня....

- Да понятно. Понравился Лондон?

- Очень!

- Так она же только что с аэропорта!

- А причём тут это!

- Вы правы, правы! Это происходит сразу.

- Или не происходит, я не люблю Лондон, мечтаю уехать, да пока дела держат.

- Ой, да ладно, хотела бы уехала, - и они ещё немного поговорили, поспорили, кто и что забыл здесь в Лондоне, и кого за какое место держит этот город. Потом они вспомнили про меня.

- А ты откуда?

- Из Питера. А вы?

- Я из Вильнюса, - сказал парень, - здесь меня зовут Кеша, а вообще я - Кестас.

- Я из Винницы, слышали город на Украине?

- Да, конечно, я там даже была, моя мама с Украины.

- Правда? Меня зовут Люба, а Вика из Харькова. Ну, где твоя гостиница? Кеша, посмотри по навигатору.

Кеша залез в машину, настроил дисплей своей, судя по всему любимой, недавно приобретенной, игрушки:

- Садись, мы отвезём тебя в твой отель.

Стемнело, но улочки освещались буйством вывесок, зазывающих отведать какой-либо еды. И я поняла, правда уже на следующий день, что Лондон очень хлебосольный хозяин - если на улице через две двери третья не является входом в кафе или ресторанчик, то обязательно стоит индус с указателем, где можно покушать.

Минут через десять мы были у дверей моей гостиницы.

- Слушай, а ты здесь надолго?

- На неделю.

- А чего так мало?

- Так это ж - командировка. Я просто привезла документы ну и так далее.

- А на фиг эту твою гостиницу, поехали к нам! Мы дом снимаем вскладчину, сейчас у нас как раз на эту неделю ребята поехали домой, в Пярну. Так что есть место. Или ты уже оплатила комнату.

- Вообще-то нет.

- Поехали, правда, ты нам расскажешь, про Питер, как там сейчас у нас в России. Здесь все мы - русские. Поедешь?

- Да!

Sorry, London! Я постучалась в твою дверь, и ты распахнул её настежь и теперь мы оба стоим на пороге и смотрим в глаза друг другу, и я понимаю, что уже влюблена, что ты теперь навсегда рядом с Питером в моём сердце.

Портобелло.

У этого города странные отношения со временем. И с пространством. Возможно оттого, что он очень - очень старый - порождение великой Римской империи, оставленное в наследство потомкам друидов. А возможно оттого, что он пересечён нулевым меридианом, и сам теперь стал столицей мира, предоставившей свой кров представителям всех рас, национальностей, вероисповеданий. Здесь старое и новое смотрятся вместе так гармонично, что даже не сразу задумываешься, сколько веков может быть трёхэтажному кирпичному домику, шириной в три окошка, зажтому между двумя гигантами, сверкающими чистотой огромных стёкол, как кристаллы своими гранями. Как будто внуки подхватили под руки своего вполне ещё бодрого деда и вышли вместе на прогулку в City.

Когда приезжаешь сюда на несколько дней, ощущаешь себя... инъекцией, введённой зачем-то в здоровый, сильный организм: быстрая проверка в аэропорту на совместимость, и всё, внедряйся, взаимодействуй, пользуйся, если в этом твоя задача, только не навреди. И ты попадаешь в этот многоворот

явлений, событий, чопорных будней с плотными завтраками, ланчами на газонах Green park и богатыми на всякие по-британски остроумные выдумки weekend. Ты даже не успеваешь поразиться разнообразию свалившихся на тебя способов ведения своего бизнеса и возможностей провести свободное время - основная задача - успеть: проснуться, прибежать на остановку обычного муниципального автобуса, прибывающего строго по расписанию, преодолеть математически логичное движение «underground», войти в офис, кафе, фойе театра, куда угодно ровно к назначенному сроку. Кого-то это, возможно, раздражает, мешают, меня дисциплинирует и успокаивает.

Однако, есть в этом городе места, где всё по-другому, где спешить не имеет смысла - время не подчинится никаким твоим манипуляциям, и ты всё равно удивишься, взглянув на часы во второй раз. А пространство поставит тебя в тупик, и ты поймёшь по-другому прочитанные и перечитанные не раз страницы приключений «Алисы в стране чудес», и даже фантазии Джоан Ролинг покажутся вполне реальными и тривиальными. Это London markets.

Нужно доехать до станции метро «Notting hill Gate», выйти на узенькую улочку, изгибающуюся во всех возможных в трёхмерном пространстве направлениях, пройти мимо кучи лавочек, прижившихся в первых этажах прижавшихся друг к другу зданий - родственников, лавчонок, торопящихся сменить друг друга, выставляя напоказ изобилие всевозможных товаров, как торговки на южных барахолках в разгар сезона, увидеть на стене строгого задумчивого дома надпись: Portobello road и устремить свой взор вдаль. В эту самую даль из-под ваших ног, изгибаясь, струясь, поблескивая отполированными чешуйками бульжников, станет убежать дорога, а по бокам её будут сопровождать двух-трёх-этажные домики всех возможных расцветок, похожие друг на друга, как детишки в средней группе детского сада, вроде все отличаются только особенностями штукатурки, а присмотришься, - такое разнообразие архитектурных стилей можно увидеть разве что в учебнике по истории градостроительства. И у каждого своя распахнутая в улыбку дверь. Заходи и удивляйся! А ещё: вдоль тротуаров своеобразным драконьим гребнем колышутся в два ряда цепочки столов, столиков, прилавков, заваленные чем угодно: от свиней - копилки, столового серебра и дешёвой снэди по фунту за кило, до перископов, снятых с подводных лодок и холодного оружия, принадлежавшего когда-то британским рыцарям. Вы понимаете: это - рынок и музей английского быта одновременно. Купить здесь можно всё, что угодно: фарфоровые чашки династии «Дзинь», подлинник Модильяни, написанный вчера где-то здесь рядом в лавочке художников за первым поворотом налево, слегка испачканный пейзаж неизвестного автора, который, впрочем, впоследствии вполне сможет окупить все ваши поездки во все столицы мира, поскольку окажется давно утерянной работой Мане. Вам предложат окаменевшую рыбу девонского периода, пластмассовую бижутерию из древних храмов Армении, серебряную фибулу, застёгивавшую плащ ещё римского легионера, дом на этой самой улице, пластинку «Beatles», которую уже нигде невозможно прослушать, но на ней автограф какой-то знаменитости, которая в молодости фанатела от этой группы. Вы можете стать счастливым обладателем костюма, в котором Фред Ланкастер выступал на палубе американского круизного лайнера, а потом просто оставил его в своей каюте, потому что рукава пиджака лишились фирменной пуговицы. Эту душевную историю вы услышите от торговца и несомненно поверите, так убедительно она будет рассказана. Вы можете купить всё, что угодно, если у вас есть деньги. А если нет - торгуйтесь! Приличный (для рынка) английский, артистизм и чувство юмора помогут скинуть цену втрое, если не впятеро и ещё получить какую-нибудь милую

ерунду в подарок - что-то вроде латунной вывески от передвижного зверинца прошлого века о том, что это животное опасно, и его не следует дразнить и кормить.

Пробежавшись вдоль «драконьих хребтов», эдак часа за два, можно мило отдохнуть, а заодно и пообедать в одном из кафе. Кухню какого народа предпочитаете? Ну так эта здесь тоже представлена.

А потом есть смысл воспользоваться распахнутыми дверями антикварных лавчонок. Вот она старинная дубовая низенькая дверка, вход в сказку, а рядом, через окошко, ещё одна. Самое главное, не важно, с какой вы начнёте, это понимаешь, когда выходишь. Итак вперёд - улыбочивые, готовые показать вам весь свой товар продавцы вовсе не рассматривают вас, как несомненного покупателя - прежде всего, вы гость, которому следует показать несметные богатства, удивить древностью, качеством, историей, и просто поговорить. Узнать откуда вы, какова политика последнего мэра вашего города и чем она отличается от новой политики в Лондоне, поинтересоваться вашим отношением к ценам на нефть, пожелать nice day и расстаться с вами навсегда почти лучшими друзьями. Вы обнаружите себя всё ещё у входа, и вам посоветуют пройти дальше, в следующую уютную дверку, за которой будет находиться такая же комнатка, заставленная, например, старинными часами, все на ходу, тикают и бьют, минут пятнадцать, и вы продолжаете свой путь дальше: следующая дверка, комнатка, диковины, дальше, старинное столовое серебро, дальше, антикварные театральные костюмы, в этом платье танцевала Айседора Дункан, пока не сменила имидж, дальше, лавка индусов, всё из нефрита и авантюрина, дальше египетские древности прямо из раскопок какой-нибудь пирамиды, они не представляют серьёзного интереса для национального музея, но на них пыль столетий! Дальше - картины, подлинники, репродукции, литографии, от двух до двух тысяч фунтов, английские пейзажи, портреты, бабочки, червячки: - на любой вкус, дальше: - Кофе? - Да и покрепче. Дальше: шляпы, шляпки, цилиндры, вуали, кольца, застёжки, индусы, химическая посуда времён Менделеева, снова картины, чайники, арбалеты, часы, собственные часы на руках показывают, что вы в этой лавчонке уже больше часа, и возникает подозрение, что пройдено километров пять, и можно потеряться и выйти теперь невесть где, и где вообще этот выход? Ещё минут пятнадцать, и перед глазами предстаёт новая маленькая комнатка, набитая антиквариатом, на который нет больше сил смотреть, но она радует вас, потому что следующая её дверь, её вторая дверь, ведёт на улицу, вы видите клочок неба сквозь стекло над проёмом.

Вдохнув полной грудью свежий воздух Портобелло, вы, наконец, замечаете, что окружены массой, очень плотной и суетливой массой людей, счастливых, улыбающихся, галдящих на всех языках мира с неизменным английским Sorry, без которого в такой толчее здесь можно озерветь. А потом ваш взгляд устремляется совсем недалеко, - в двух шагах от вас, через окошко, от выхода из бесконечного лабиринта британского антиквариата, в котором вы чуть не потеряли самого себя, вы видите знакомую дверку, в которую входили, и она приветливо помахивает вам, как старому знакомому... А под ногами продолжает струиться, изгибаться, сверкать дорога, уходящая вдаль, уводящая вглубь веков.

Новый год в столице мира.

Снега в Лондоне в Новогоднюю ночь не дожждётся. Зато мелкий противно навязчивый дождик - пожалуйста. Однако кому здесь он может помешать! Всё пространство между сияющим Биг-Беном и празднично подсвеченным адмиралом

Нельсоном заполняется доброжелательно бесчинствующей, в рамках закона, толпой. Уже к половине двенадцатого никто не стесняется прямо на улице прилюдно потягивать пиво, откупоривать бутылки с шампанским, чем-то закусывать и, в едином порыве, уставившись на огромные таблоиды, подвешенные ради праздника чуть ли не прямо на знаменитую колонну в центре Трафальгарской площади, приплясывать и подпевать любимым группам в ожидании того момента, когда Биг-Бен отобьёт начало Нового года. Тогда начинается великое перемещение народных масс вдоль Parliament Street, разруливаемое весёлыми доброжелательными полисменами.

Наверное, во всех столицах, да и просто крупных городах мира, происходит приблизительно одно и то же на границе двух, важных для нашего восприятия, интервалов времени. Вдоволь нагулявшись, насмотревшись, нажелавшись всяк встречному Happy New Year и наполучавшись того же, отстояв длинную очередь в бесплатный круглосуточный, к удивлению россиянина, туалет, можно, наконец (сколько ж было времени-то?), где-то под утро погрузиться в Underground, который, кстати сказать, в эту ночь не прекращает своей работы. Всё просто: в Рождество сиди дома и празднуй в кругу семьи – транспорт не работает; в Новый год – гуляй в народе – сервис предоставлен.

Один из вагонов ещё не был заполнен, и даже оставались свободные места для желающих присесть. Впрочем, мы быстро поняли, почему: кто-то перегрузился праздничным угощением и не смог удержать внутри себя деликатесы. Выходить было поздно, да нам и не привыкать лицеизреть подобные вещи в общественных местах своего Великого города, и мы спокойно обошли ЭТО и с наслаждением погрузились на мягкий диванчик, ехать было станций десять.

Юные леди, вошедшие следом за нами, бурно реагировали на простёртые на полу останки чьей-то трапезы. Ах, как им было противно и смешно одновременно, и очень хотелось, чтобы окружающие разделили их чувства, и окружающие улыбались и качали головами в знак сопонимания. Но через секунду всё было забыто. Однако на следующей станции вошли двое молодых людей. Они восторженно остолбенели, увидев у себя под ногами начинающее подсыхать свидетельство невоздержанности: Wow!

- Что это!

- Это просто праздник какой-то!

- Чей-то праздник! Смотри: спагетти! – и парень начал с удовольствием комментировать всё, что можно было идентифицировать, как будто устраивал представление в анатомическом театре. Потом поднял голову, оглядел всех присутствующих: – Это чьё?

Он ткнул пальцем в сторону одной из юных леди:

- Твоё?

- Нет! – засмеялась та.

- Значит, твоё? – перевёл он взгляд на подругу.

Но та тоже, естественно, не призналась. Тогда молодой человек стал приставать по очереди ко всем присутствующим.

- Чёрт! Как вас много-то! Здесь что весь мир собрался, и никто не признается?

- Да ладно тебе – прервал его товарищ – Ты бы признался?

- Перед всем миром?

- Перед всем миром! Да хоть перед вагоном.

- Вагоном? А хочешь, я докажу тебе, что здесь весь мир?

Что Лондон – столица мира, действительно!

- Докажешь! Ты, что хочешь, докажешь!

- Нет, спорим? – Он снова обвёл взглядом присутствующих – Сейчас мы все это докажем. Я – англичанин и мой друг

– англичанин, а ты – немец – парень указал пальцем на мужчину, стоящего рядом с ним и сдерживающего то ли улыбку, то ли раздражение. Мужчина в ответ рассмеялся:

- Правда! Я из Баварии.

- Есть! – Обрадовался парень – ты – француженка! – крикнул он импозантной даме, сидящей недалеко от нас.

- Верно! – Кивнула она, улыбнувшись.

- Ты – кениец!

- Сомалиец! Он – кениец.

- Отлично! Гана?

- Зимбабве!

- Поляк?

- Нет!

- Тогда чех?

- В точку!

- М-м? Голландия?

- Угадал!

- Ну, это Индия!

- Конечно!

- Италия?

- Точно – Милан!

- Неужели, Штаты?

- А как же без нас?!

- Сербия?

- Как ты угадал?

- Швеция?

- Норвегия! Но ведь рядом!

- Так дальше – парень был в экстазе, казалось, ему открылся канал ясновидения, он пошёл по вагону, продолжая угадывать национальности всех присутствующих. Перебрав уже почти всю Европу с Азией, переполовинив Африку, он, наконец, добрался до нас:

- Опять Франция?

- Нет.

- Испания? – произнёс он менее уверенно, продолжая меня разглядывать.

- Нет.

Он перевёл взгляд на мужа:

- Германия? Или нет – Дания!

- Ошибка!

- Чёрт! Греция? Мальта? Не Канада же?

- Промах!

Он приблизил своё лицо, выражение его глаз стало заговорщическим:

- Израиль?

- Не-а.

Кто-то крикнул: Россия! Парень востепенулся:

- Так?

- Так!

Москва?

- Санкт-Петербург!

- Ух, ты! Русская водка?

- Вообще-то предпочитаем вино.

- А какое? – оживились французы.

- Хорошее сухое красное.

Несколько минут вагон обсуждал вина мира и преимущества русской водки над британским джином. Японцы тоже присоединились, и откуда-то появилась небольшая бутылочка саке, и уже пошла по кругу для определения аромата, конечно. Но на третьем нюхающем это забылось, и вскоре весь вагон обсуждал изысканный привкус...

На конечной остановке все дружно и долго прощались, потом мир большей частью разошёлся по разным вагонам и

покатил к своим станциям. Underground продолжал работать.

ЛОНДОН. 15 ИЮНЯ

Высокий старик стоял у газона, окружавшего длинный чистый пруд и улыбался, глядя на лебедя, который семенил к нему, расставив свои крылья и открыв в нетерпении клюв. Старик опустил руку в карман и достал оттуда угощение. Лебедь смешно перебирая лапами подтянулся и схватил кусочек бисквита.

- Good, boy! You are my good boy! - Старик указательным пальцем слегка похлопал по изящной птичьей голове.

Лебедь торопливо проглотил свою порцию, шикнул на подлетевших голубей, прогнал подкрадывающуюся пеганку и снова протянул свой клюв старику.

- Do you want more, my darling? Ok! OK! Come here, good boy!

Ещё несколько раз повторялась эта забавная процедура кормления лебедя. Наконец старика кто-то окликнул, и он погладив пушистый белоснежный загривок птицы, заспешил по аллее вдоль пруда.

Я растерянно смотрела ему вслед, сожалея, что так и не придумала повода заговорить. Старик был мне очень интересен. Он был высок, абсолютно сед и одет в военную форму полка «Нормандия» времён последней мировой войны. На его груди была нашивка с цифрой: 1944 и надписью, которую я не могла разобрать из-за обилия орденов и медалей, покрывших борта его тужурки.

Мне оставалось только ругать себя за свою глупую стеснительность и успокаивать, что я всё равно со своим английским ничего толком бы не могла его спросить, а уж тем более понять его ответ.

Между тем аллеи Green Park заполнялись стариками в синих военных тужурках, клетчатых или тёмно-синих форменных штанах, зелёных беретах. Все они были весьма богато увешаны наградами и очень бурно реагировали друг на друга при встрече. Я издали наблюдала за ними, и моё любопытство росло, вытесняя во мне всю скромность и стеснительность. Старики садились прямо на газоны, выпивали что-то из термосов, принесённых для них их старушками, закусывали и вели свои беседы, явно чего-то ожидая. Я решила немного пройтись вдоль пруда, в надежде увидеть «своего первого» ветерана. И чудо свершилось - он стоял перед небольшим мостиком, а по его брюкам лезли две наглые, пушистые белки.

- What is this animal's name? - выпалила я неожиданно для себя самой. Но мне пришлось дважды повторить свой вопрос, прежде чем английский джентльмен удостоил меня своим вниманием:

- A squirrel.

Я повторила, он поправил, я снова повторила, он кивнул:

- Where are you from? - В его вопросе больше звучало вежливое удивление, а не любопытство.

- Russia.

Старик сдержанно улыбнулся.

- I'm from Saint-Petersburg.

Он на секунду замер, снова улыбнулся и снял, наконец, свои тёмные очки. Мгновение меня пронзал чужой, колющий взгляд - так наверное смотрит само время. Потом он неторопливо извлёк откуда-то изящный футляр, вынул из него очки с прозрачными стёклами, водрузил их на переносицу, протёр бархоткой тёмные линзы только что снятых, поместил их аккуратно в футляр и снова уставился на меня. Пока он проводил все эти манипуляции, к нему выстроилась очередь из двух голубей, скворца, зимородка и пары ссорящихся наглых белок.

- Do you see this nice people?

- Yes, I do.

Старик покрошил на землю несколько бисквитов, и птицы с белками приступили к шумному дележу.

- Once I have been to your city. It was just after that war. - Он замолчал, я не решалась задать вопроса. Милая белка снова нарушила затянувшуюся паузу, потянув своей лапкой старика за указательный палец. Рассмеявшись, он извлёк из мешочка орех и протянул ей.

- I have been. . . . I hope, Saint-Petersburg was reconstructed. Is your place located in the city?

- We have our flat in the centre. I have opportunity to see the charms of Sanct-Petersburg every day.

Джентльмен улыбнулся, поправил мои ошибки и произношение. Меня это несколько не смутило, я просто объяснила, что учу английский язык только второй год и не имею большого опыта общения с носителями, а потому, если ему не очень трудно, я просила продолжить говорить со мной, как с трёхлетним ребёнком, уровнем которого я, собственно, и соответствую в своих лингвистических возможностях. Он оценил мой юмор и сделал шаг в мою сторону, сократив расстояние между нами и давая понять, что мы действительно можем ещё немного пообщаться. И тогда я спросила, чем объясняется сегодня присутствие такого количества ветеранов в Green Park? И он объяснил, что они решили отметить праздничным парадом визит в Лондон президента Буша, что они надеются напомнить ему, что однажды в мире уже была страшная война, что многие из них погибли - каждый из участников парада будет нести подушечку с орденами своего не вернувшегося друга. Не все смогут принять участие в параде самостоятельно, и они будут везти своих товарищей на инвалидных колясках. Они будут выражать радость, что эта война однажды закончилась, и что нет смысла в разжигании новых конфликтов - это всё равно ничего не решает. Абсолютно ничего. Он говорил, а я, как ни странно, полностью понимала его английскую речь, что они старики, не могут принять тот факт, что одним народам нужно обязательно пытаться решать дела других народов. Они считали, есть другие пути сотрудничества. Мы же не пытаемся изменить цвет кожи африканцев или азиатов, мы слушаем джаз и пользуемся достижениями японских разработчиков техники. Не нужно вмешиваться, нужно пользоваться и предлагать свои возможности и благодарить Бога за наши различия. Я сказала ему, что думаю точно так же. И он ответил, что несколько не сомневается в этом, потому что, как ни странно, все так думают, что то, что он говорил абсолютно не ново, не оригинально, а просто нормально, но что-то случается, и мир сходит с ума. Они сегодня пройдут под знамёнами своего полка вместе со своим всё ещё живым капелланом, который будет молиться о всеобщем благоразумии. Потом он посоветовал мне подойти к двум часам дня на Parliament Street, где всё это будет проходить. Я поблагодарила и сказала, что обязательно приду и если можно, сделаю несколько фотографий. Конечно, там это было возможно. А здесь, в парке, мне очень хотелось сфотографировать, как он кормит птиц и белок, но я не решалась. А потом поняла по его нетерпеливому взгляду на часы, что мне пора уходить. Я снова поблагодарила старика за его любезность объяснить мне всё происходящее сегодня в центре Лондона. Он кивнул

- And. . . I think you have a grandfather - a member of the last war.

- My grandfather was killed in that war.

Ветеран выпрямился и стал очень серьёзен.

- What was his name?

- Illarion Morozov.

- My name is Larry Qwarred. Sir Larry. . . . Give me you hand please, I'll shake Mister Illarion by the hand.

Я протянула ветерану свою ладонь, и он крепко сжал её. Потом он приложил руку к берету на голове, отдавая честь моему погибшему деду, которого я никогда не знала. А я стояла перед ним, английским ветераном, сэром Ларри, по стойке смирно и чувствовала. . . гордость.

Полёт над Москвой на воздушном шаре

Этой осенью еще не огорчали заморозки. Солнце по-прежнему щедро дробилось сквозь листву мириадами солнечных зайчиков. Улицы Москвы, обрадованные затяжным бабьим летом, были наполнены людьми. Нам позвонил путешественник Валентин Ефремов, и пригласил поучаствовать в запуске воздушного шара. С ним мы знакомы давно, еще с тех пор, как он пересек Северный полюс и Байкал на воздушном шаре. Это оказалось интересным и заманчивым предложением. Естественно, мы тут же сорвались и приехали. А вы бы не приехали???)

Возле Музиона у Парка Горького уже были приготовлены столы с надписью сока RICH. Если честно, я и сама хотела поучаствовать в этой акции, но не знала, как зайти на сайт. Да и опять же, к слову сказать, мой любимый сок - грейпфрутовый. Из всех «алкогольных» напитков на праздниках, я выбираю коктейль, где грейпфрутовый сок смешивают с Мартини.

Возле Музиона было все удобно и красиво устроено. Симпатичные девушки в белых шелковых одеждах и красных полусапожках смотрелись потрясающе. Быстро опускалось солнце, забирая зыбкое дневное осеннее тепло. Пить сок не хотелось. Мы, как заколдованные фотографировали воздушный шар. Он долго не надувался из-за какой-то неполадки в вентиляторе фирмы Бош. Те, кто выиграли полет на воздушном шаре, терпеливо ждали.

А команда пилотов нервничала.

Уже сгущались сумерки, но вентилятор не заводился. Валентин принес чемоданчик с инструментами. Но, как не ковырялись мужики над заморской хитромудрой техникой, ничего не помогало. Тут, кстати сказать, хваленые немцы подкачали. Но сработала русская смекалка. Команда Валентина Ефремова справилась с запуском мужественно и качественно. На каком-то этапе один из пилотов закрыл клапан ладонью, и окаянный вентилятор завелся. Шар на удивление быстро надули. Минута-две, и он вырос ярким чудом над нашими головами.

Казалось, от огня, выходящего из горелки, загорится полотно. Но оно не загоралось. И шар вдруг поднялся так, что натянул канаты.

Первыми в корзину пригласили нас с Бухаровым. Мы ждать не заставили, и резво в нее забрались. Еще бы! Нам дали полетать, только очень низенько. А так хотелось вот прямо сейчас и вот прямо к Богу!!!

Шар, подсвеченный изнутри газовой горелкой пламенем метров на пять, было видно издалека. А нам повезло. Мы могли фотографировать его снизу. Но живые ощущения оказались куда объемнее. Когда открывается рычагом устройство, подающее огонь, тот вырывается вверх с таким резким звуком, что невольно пугаешься от непривычки. Камера фотоаппарата не всегда может справиться с таким ярким огнем. Очень часто вместо снимка получались белые квадраты. А вот путешественник Валентин Ефремов в свете этого огня казался огневолосым богом.

Эмоции переполняли нас. Еще бы! ... не только эмоции, - открытия. Множество открытий. Личных. Ощущаемых в прикосновении, звуке, запахах. Огонь, смешанный с ветром свободы имеет запах счастья и покоя. Так, душа, застрявшая в скафандре тела стремится улететь... Корзина мягкая, гладкая, как шелк и... легкая! А секунда, когда шар поднимается, так неожиданно проста и понятна. Она, как сон наяву неожиданно желанна.

Мы долго не хотели уходить от теплого шара в холодные улицы Москвы. А потом еще несколько ночей я видела далеко внизу Землю. Только теперь я летела уже сама... А еще мы вспоминали Пятачка из мультика про Пуха: «Никто не может грустить, когда у него есть воздушный шар». Наверное, действительно никто... может только лишь сам путешественник Валентин Ефремов...

Светлана САВИЦКАЯ

Сентябрь 2014

Фото Александра Бухарова

Страница памяти

Юлия Аброскина

Юля родилась 29 июля 1987 года в городе Петрозаводске. В 2004 году успешно окончила финно-угорскую школу им. Э.Леннрота и в этом же году поступила в ПетрГУ на медицинский факультет. Она хотела стать педиатром. Юле нравилось учиться, у нее это хорошо получалось. В начале второго курса девушка заболела. Болезнь не дала ей шанса стать врачом и помогать детям. Но Юля любила жизнь и как будто торопилась все в жизни успеть. В детстве она занималась музыкой, бальными танцами, посещала станцию юннатов, позже увлеклась туризмом, занималась рафтингом. 20 октября 2006 года Юли не стало. Ей было всего 19 лет. Она была очень отзывчивым, добрым и светлым человеком. Юля хотела жить и боролась за свою жизнь до последней минуты.

Белая ворона

Белая ворона...
Кто она такая?
Девушка в короне
Или тварь дурная?
Белая ворона...
Кто же там за маской?
Может быть, ребенок,
Или гном из сказки?
Что же там сокрыто
За семью замками?
И лицо закрыто
Мокрыми руками...
Мокрыми руками,
Что вобрали слезы,
Слезы лжи, страданья
Как шипы от розы...
Нет, за белой маской,
Маской птицы строгой,
Я гляжу с опаской,
Словно эльф убогий.
Я боюсь открыться,
Я боюсь попасться!
Не хочу разбиться
И в овраг сорваться!
Лучше буду белой,
Маленькою птицей,
Птицей неумелой,
Чем средь зла – царицей!

***

Жизнь словно зебра удалая.
То протянулась полоса,
Как бездна черная, играя,
И слезы давят на глаза.
То вдруг сменяет бездну белый,
Счастливый и погожий день –
Он быстро переходит в серый,
И вот опять чернеет тень.
Где, к сожаленью, в бездне черной,
Все глубже утопает свет,
И чернота, как черный ворон,
Хватает крыльями рассвет.

***

Что есть мечта?
Быть может, птица,
Которая во мгле парит.

Мечта – вот разума царица.
Мечта... душа опять болит.
Мечта... немислимое эхо,
Которое звучит в тиши.
Оно летит через помехи
И мысли здравые крушит.
Мечта... вдруг сердце бьется чаще,
И улетаешь ты во сне...
И нету сна в мечтаньях краше,
Чем тот, что снится снова мне.
Мне снится, как я в звездах таю,
Как рассыпаюсь в небесах.
И я среди любви летаю
И нету зла, исчез и страх...
Мечта и Сон – два слова вместе
По жизни за руку идут...
Не признают ни зла, ни лести
И сердца арию поют!

***

Какое-то странное чувство
Обвило меня как дурман.
И сразу же стало мне грустно,
Как будто вокруг все обман.

Как будто живем мы не в мире,
Красивом и полном чудес,
А душами в норках, квартирах,
А между квартирами – лес...

Лес темный, дремучий и страшный
Стоит неживую стеной.
Идти в этот лес нам опасно.
Ведь он неприступный, немой.

Но выхода нет здесь другого,
Придется идти напролом.
То странное чувство знакомо
Любому, кто хаживал в нем.

Сейчас и меня ожидает
Тропинка в том темном лесу.
И руки, и ноги ломает.
Но смело я Душу несусь.

Несу сквозь зеленые дебри,
Несу как младенца в руках.
Хлестают меня злые ветви,
Я еле стою на ногах.

Вдали показались просветы,
И вновь ускоряю я шаг...
Шагаю вдоль нашей планеты,
Собрав свою волю в кулак.

И вот выхожу я из леса,
На яркой поляне стою...
Поднялась тумана завеса,
С улыбкой на небо смотрю.

Ведь я донесла свою Душу
До теплого света полей,
Ничто мой покой не нарушит,
Сегодня я стала смелей.

Теперь полной грудью вдыхаю,
Сомнения все позади...
Я Душу свою отпускаю.
Желаю свободной: «Лети»!

Моим друзьям

Как хорошо, когда есть друг,
То сердце, что забьется рядом,
Когда тебя скует недуг,
То друг согреет нежным взглядом.
Как хорошо, когда есть друг,
Готовый прилететь на помощь,
Отгонит от тебя горсть мук,
Согреет жизнь твою в ладонях.
Спасибо вам, мои друзья,
Мои родные человечки,
За то, что верите в меня,
За то, что есть вы на планете!

***

Где-то на большой планете
Под названием Земля
Где-то здесь, на этом свете
Кто-то ждет, а может, зря?

Кто-то по тебе скучает,
В мыслях образ теребит...
Грусть руками разгоняет.
Кто-то любит. Может, я?

ОБОРВАННАЯ ПЕСНЯ

21 ноября мой друг и соавтор, известный карельский композитор-песенник Анатолий Серко проводил свой юбилейный творческий вечер. Концерт состоялся в большом зале КСЦ «Дружба» города горняков Костомукши. Событие для Анатолия Серко знаменательное: 50 лет со дня рождения. Полвека прожито на этой земле. Много всяческих событий утекло в реку Лету, но самое главное, что большинство из этих прожитых лет были посвящены музыке, песенному творчеству.

Уже в самые юные годы Анатолий взял в руки баян и начал подбирать музыку популярных песен. А потом были выступления на свадьбах, днях рождения, творческих вечерах в поселковом ДК. Юный музыкант, которого из-за баяна порой трудно было разглядеть, уже тогда проявлял недюжинные музыкальные способности.

Помимо музыки, Анатолий успешно учился в школе. Особенно ему давались русский язык и литература. Недаром свои первые песни он написал на собственные стихи. Некоторые из них впоследствии вошли в первые музыкальные альбомы Анатолия, изданные в Костомукше, Петрозаводске, Санкт-Петербурге.

После школы, которую мой соавтор закончил с похвальным дипломом, он решил продолжить свое музыкальное образование, подав документы в музыкальное училище. Но поскольку у него не было за плечами музыкальной школы, ему отказали в приеме. Тогда Анатолий поступил в культпросветучилище на отделение народных инструментов, благо баяном он владел хорошо. После учебы в «кульке» была армия, работа заместителем дирижера дивизии, где он служил. А уже после армии он поступил на эстрадно-джазовое отделение музыкального училища им. Раутио в Петрозаводске, которое успешно закончил. Годы учебы, овладения секретами музыкального искусства Анатолий совмещал с работой в ресторанах Петро-

заводска, выступлениях на творческих вечерах и концертах..

Костомукша стала городом его жизненной и творческой судьбы с 1984 года. Более 20 лет он отработал учителем музыки в школе №2, ставшей впоследствии Пушкинской школой, где проходили замечательные фестивали пушкинского творчества. В последние годы успешно занимается с одаренными детьми в городском Центре внешкольного творчества.

Именно со второй школой связана была и моя песенная судьба. Здесь родились первые наши песни о школе и детстве, были выпущены сборник песен «Любовь моя, Карелия!» и аудиоальбом «Цветной мир» с песнями для детей и юношества. Именно за эти два издания мы с Анатолием стали лауреатами открытого Всероссийского конкурса педагогических инноваций и были награждены дипломами и памятными золотыми медалями.

Я до Костомукши был начинающим поэтом, работал в издательстве, выпустил первую книжечку стихов. Настоящая творческая жизнь началась здесь, в Карелии, в прекрасном городе Костомукше, вдохновившем меня на стихи, впоследствии ставшие известной нашей с Серко песней о городе. До этого я песен не писал, первые появились в городе горняков сначала в соавторстве с учителем Владимиром Лучинским, а затем и с Анатолием Серко, с которым мы сотрудничаем уже более четверти века.

Что мне до сих пор импонирует в песенном творчестве моего друга и соавтора? Это широта его музыкальных интересов, тематическое разнообразие песенного творчества. Если бы все ограничивалось песнями о любви, я бы, как поэт, в багаже которого стихи разных жанров и направлений, вряд ли посвятил Толе Серко столько лет творческой жизни. Но я увидел, и далеко не один, широту его песенных пристрастий: от любовной лирики к гражданской, от песен о детстве и юности

к песням на военную тематику. Мало современных композиторов владеет такой широтой музыкальных интересов. Недавно мой соавтор стал лауреатом многочисленных песенных конкурсов и фестивалей, ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры республики Карелия». И уже несколько лет Анатолий Серко – член Российского Авторского Общества; недавно ему пришла из Москвы поздравительная телеграмма. Это говорит о том, что его песенное творчество известно в стране: песни Анатолия звучали на радио Карелии, Смоленска, «Маяке», «Радио России», в ряде телевизионных программ. А одна из них – «Письмо Татьяне» – прозвучала в исполнении известного певца Рената Ибрагимова в программе «Субботний вечер» на Центральном телевидении.

21 ноября в большом зале КСЦ «Дружба» прошел юбилейный творческий вечер Анатолия Серко.

Звучали и хорошо знакомые костомукшанам песни, и новые, которые Анатолий написал к фестивалям песенного творчества Михаила Дудина и Анны Ахматовой, в которых участвовал совместно со своими юными исполнителями и стал лауреатом. Весь вечер на сцене играл ансамбль парафраз-бенд, созданный Анатолием четыре года назад и уже не раз выступавший для нашей публики. Выступили лучшие солисты нашего города. Были песенные премьеры. Концерт моего друга и давнего соавтора стал памятным подарком костомукшанам. Теплые поздравления, подарки к юбилею, букеты цветов – всего этого было много.

А через несколько дней Анатолия Серко не стало... Что стало причиной остановки сердца в один из вечеров – сказать трудно. Может быть, слишком большое эмоциональное напряжение перед юбилейным концертом, вечера, а порой и ночи за подготовкой музыкальных партитур – но факт свершился: сердце композитора остановилось, а помочь было некому: он дома один, жена еще на работе.

И вот уже 31 ноября прошли похороны моего друга и соавтора, на которых было много народу и цветы, цветы, цветы... Эта смерть молодого талантливого музыканта, Заслуженного работника культуры Карелии, члена Всероссийского общества РАО, лауреата многих песенных фестивалей и конкурсов стала невосполнимой утратой его родных, близких, друзей, всем, кто полюбил его песенное творчество. И я, как поэт и его друг и соавтор в течение четверти века, сразу осиротел и обескрылел. А в наших планах оставалось много песенных и творческих задумок, которым теперь, увы, не осуществиться...

Юбилею Анатолия я написал творческое поздравление в стихах, а потом родились стихи «Памяти друга». Хочется, чтобы читатели газеты «Провинциальный интеллигент» прочли эти строки, посвященные Анатолию, творческой встречей с которым я буду дорожить всегда, и песни которого придется по сердцу слушателям.

На юбилей

**Проснешься утром юбиляром:
Полвека прожито, бог мой!
Но годы прожиты даром,
Друг и соавтор дорогой.
И будет этот мир не пресен
До той поры, до той черты,
Пока ростки грядущих песен
В своей душе лелеешь ты.**

Памяти друга Анатолия СЕРКО

**А ты ушел, не написав,
Быть может, самой лучшей песни,
Не долюбив, не досказав
Всего, чему так в сердце тесно.
А на концерте полный зал
Внимал твоим душевным песням.
Аплодисменты и цветы,
И поздравленья, пожеланья...
И молодой, красивый – ты,
И рядом Муза твоя – Таня.
Казалось, счастьем нет конца
И нет предела вдохновенью.
Да вот, накрыла свет лица
Судьба своей смертельной тенью.
Прощай, мой друг! Через года
В иных сияющих Вселенных,
С тобою встречусь я тогда,
О песнях говоря нетленных.
Прими же друга, мать-земля,
Родные, близкие, мы с вами!
Скорбим, как русские поля,
Кричим, как птицы над полями.
Прощай, прощай! Через года,
Разлуки, расставанья, веси
В сердцах у нас будут всегда
Рожденные тобою песни.**

*Анатолий ИВАНОВ, поэт,
Заслуженный работник культуры Карелии,
член Союза писателей России.*

Памяти Бориса Химичева

Странные мы люди: воспринимаем окружающий мир, как фактуру, - без обид. Иногда чувствуем друг друга телепатически.

«Что-то Борис Петрович давненько не звонил!» - думаю я, глядя на телефон.

После второго вздоха раздается звонок.

- Доброе утро, Борис Петрович!

- Как ты меня узнала?...

Им: добрым, настоящим, сердечным: тем, кого ЛЮБИМ, почему-то всегда достается времени меньше, чем остальным, как бы необходимым, но по большому счету, таким НЕНУЖНЫМ.

Вот о них-то мы и говорим с Химичевым. Я – снисходительно. Он – талантливо и смачно. Выдерживая паузы. И давая акценты. Прямо «по-Станиславскому», которого «никогда не понимал!» Этот низкий баритон не спутать ни с чем! Он «ест» тех самых ненужных, как артист. Я «ем их», как писатель.

В быту он бывает непредсказуем. Шутник и проказник. Несмотря на свои «за шестьдесят», любит выпить. И обязательно попасть в какую-нибудь историю. И потом, подшучивая над собою, сообщить об этом.

- Савицкая! (ему нравится называть меня по фамилии) Напиши книгу «Химичев и сто его любимых женщин». Как я их любил. И как они меня бросили!

- Помилуйте, нет у меня ста минут, чтобы обо всех выслушать!

- В смысле по одной минуте на женщину? Ты – добрая такая!...

Мы познакомились вдруг. Он, как это говорится, «без объявления войны» ворвался на территорию моей жизни ранним утренним звонком:

- Мне сказали, есть в Москве человек, который через полчаса может найти стихотворение, которое я ищу уже 10 лет! Не знаю автора. И название тоже не знаю...

Я нашла.

Мы подружились.

Между нами – коммунизм. От каждого по способности, каждому по потребностям. Наверное, это и есть настоящая дружба.

Он рассказывает, что происходит. Я предлагаю варианты решения той или иной проблемы. И тоже не прошу помощи. Звоню, когда начинают «клеветаться жареные петухи». Он удивляет профессионализмом. Неожиданными подарками. Срывается за час до записи. Приезжает с сеткой, набитой замороженными какими-нибудь шашлыками и запасами «горючего». Усаживается к микрофону. И с мороза читает в первый раз увиденный текст, точно знал его наизусть всю свою жизнь! А потом, разогнав всех «хозяев и хозяек» студии, сам жарит у сковороды мясо.

Кощунственно было бы в этом случае воспринимать голос Химичева, как некий аппарат, которым он управляет. Вернее, это сочетание звуков, нервов, души, опыта, таланта... Когда он «в работе», невольно замираешь, точно пред тобою Святогор. Громадный и могущественный.

А как он на литературных чтениях читал с листа!

Отрывок ему достался динамичный. О ресторане «Яр». В нем целовальник одного за другим встречает нахлынувших гостей. Зал замер. А потом все стали дышать, как Химичев. Три предложения. Вздох. Три предложения – выдох! Я никогда такого не видела! Вот вам и система лечебного дыхания «по Бутейко». И «рыбёфинг». И боевой «Византийский исихазм!» Глава романа «проглотилась» набитым до отказа залом ЦДЛ,

точно наполненная энергетической кровью чаша Грааля!

В этом ли бессмертие? Оставить людям нечто нематериальное. Доброе. Вечное.

Недавно смотрела «Снегурочку». Борис Петрович играл в ней Мизгиря. Влюбленного. Бегающего по лесу за привидением до первых лучей солнца. Сказочный и романтический образ, воспринятый зрителем неким эталоном любви, сохранен нашим поколением и глубоко запятан в душе каждого неприкосновенным и священным сокровищем.

И сразу показывали какой-то сериал, где он уже злодей, коих свет не видывал. И тому и другому веришь.

В жизни Борис Петрович несколько иной. Хозяйственный и домовитый. Он прекрасно готовит. Знает: где лучше покупать продукты. Поддерживает порядок в доме. Он «по жизни» баловал жен. Когда бы и с кем мы к нему ни приезжали, он приготовит фирменное блюдо. И гарниры. И борщ. И салаты. Он превосходный кулинар.

- Савицкая! Зачем снова икры притащила! Убирай со стола! Я ее потом съем:) – «сердится» хозяин, за то, что и мы не с пустыми руками.

Уж кого, как ни его любим мы баловать!

Уж к кому, как ни к нему рвутся мои знакомые и приятели. Но Жаворонки, где обитает основное время Борис Петрович, далеко. И просто так посвящать на поездку целый день не всегда получается.

Однажды пожаловался он на болезнь какую-то.

У меня как раз гостили Николай Ляпко, врач, изобретатель разноигольчатых аппликаторов и Дима Халаджи, самый сильный человек на планете. Он может одним мизинцем поднимать пианино...

Сорвались всей командой. Поехали. В Москве, так как люди с Украины, они запутались. Повернули через две сплошных где-то на Маяковке. И прямо на встречу гаишная машина. Как по заказу. Мы хором оправдываемся, что там Химичев ждет. «Больной насквозь!» А тут навигатор! И все такое. Водитель так обрадовался, что нас вдруг отпустили, что забыл права забрать. Едем. Едем. Встали. Документы то у инспектора! Пришлось Ляпко самому за руль садиться. Всех поставили мы на уши знакомых милицейских и полицейских, и знакомых знакомых. Забудьте, говорят, про права. Их вам не вернут. Но через пару дней Химичев сам позвонил. Поезжайте, говорит, по такому адресу. Меня тот инспектор знает, не раз останавливал после банкета. Заберите права.

Вот такие чудеса бывают. А с аппликаторами было забавное продолжение. До Жаворонков добрались мы ясно, уже в темноте. Еще Галечка, супруга Бориса Петровича жива была.

Застолье превратилось в настоящий праздник. Мы то в Москве всем натешены. Но гости с Украины никогда не слышали столько баек об актерской жизни. Николай Григорьевич в ответ тоже осмелел и даже принес из машины баян. Так с песнями и хохмами, мы раздеваем Химичева и, постепенно обматывая аппликаторами, укладываем на теплые шкуры. В первый раз воздействие иголок бывает резковатым. Но Химичев вида не показывает.

- Галя! Галя! – хохмит он, шутя подзывая супругу, - Я знаю, это группа захвата! Сейчас они меня обездвигают, Галя! И вынесут мебель!

- Да, мы специально привезли сюда Диму Халаджи, чтобы вы не оказывали серьезного сопротивления, - поддерживаем мы шутку.

Борис Петрович сильно переживал, когда Галечки не стало. Добрая она была. Как ребенок. Позволит себя обнять, хоть уже и не узнает. И свет от нее идет волшебный. Чистый-чи-

стый. Он никогда не жаловался. Скажет только «Галя моя совсем поплыла»... Мы-то видели, что такое рассеянный склероз. Ничего она не помнила. И ходила по дому в обнимку с пустой черной сумочкой, думала, в ней что-то ценное. И спала с ней. Из ложечки ее кормили.

В пять тридцать утра позвала она Бориса. За руку взяла. Не жаловалась. До последнего дня не жаловалась. Просто отошла в мир иной.

И вот звонит мне Химичев. Не знаю, что делать, говорит. Страшно. Еще темно. Но каждое утро просыпаюсь ровно в пять тридцать. И боюсь взглянуть на часы. Знаю. Пять тридцать. А включу свет. Вижу циферблат. И волосы дыбом.

Борис Петрович сильно переживал. И мы все боялись, что он так переживает. А как помочь? Горе-то чужое!

Он смог преодолеть и это. Как некогда завоевал Москву. Подумать только. Великий артист пахал когда-то в колхозе на тракторе. И рос сиротой, рано потерявшим мать. Отец его был председателем колхоза в селе Баламутовка Хмельницкой области. Борис поступил сразу на несколько актерских факультетов в Москве. Но выбрал один. Учился и работал слесарем, чтобы просто не умереть с голоду. А жил на чердаке.

Было все. И ожидание ролей в кино. И театральная ежедневная работа на сцене. И победы. И поражения. И женщины, конечно. Об этом достаточно написано в интернете. Одна фильмография чего стоит! А сколько наград! Поздравлений официальных лиц и президентов! Перечислять статьи не хватит!

- Недавно одна журналисточка спрашивает меня, сколько мне лет, - шутит Химичев, - я ей честно назвал цифру. «Я бы вам не дала» - отвечает.

Он смеется:

- Вот вы запомните то, что сказали, и не вздумайте повторить это перед камерой!

Борис Петрович оставался озорными во время съемок клипа «Последнее танго». Профессионал, он требовал от меня полной отдачи и более откровенной близости в кадре. Иногда просто шипел: «Савицкая! Подойди ближе!» Но в отличие от него я не являюсь актрисой. И до такой степени в роль войти не могла. Так и сняли клип на «пионерском расстоянии».

Мы уже на Байкале знали, что у него рак. Он звонил, хотел новых съемок и новых проектов. Уже плохо слышал. Ноги отнялись совсем. Ему говорили, что это инсульт. А в голове большая злокачественная опухоль не давала покоя.

Последние три дня к нему «приходила» Галечка. И он звал ее, и говорил с нею.

14-го сентября я позвонила с утра, ближе к обеду. Обычно он просыпается рано. А тут спал. Ответила его сиделка Маша. Сказала, что он совсем плох. И не всегда узнает посетителей. Я уехала на день рождения к отцу. А Борис Петрович ушел от нас в час тридцать. Вечером пришла СМС от Норда – когда мол, похороны Химичева? Я тут же набрала номер в Жаворонках.

Сиделка рассказала подробности, что до последнего дня он с любовью показывал ей на мобильном телефоне наш клип «Последнее танго» <http://www.youtube.com/watch?v=2UQXNIsspPA>. Запись набирается в любом поисковике интернета со слов «Последнее танго Савицкая».

Все мы скорбим об этой утрате. Борис Петрович Химичев был для нас не только Народным артистом России, но и хорошим добрым другом.

*Светлана Савицкая
15 сентября 2014 г.*

Фото автора